

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность
История

Журнал филологических
и историко-культурных
исследований

№ 2 2023

Санкт-Петербург

*Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год*

Редакционная коллегия:

Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,
Ю. К. Руденко, И. Тирет

*Главный редактор: С. А. Семячко
Зам. главного редактора: Д. О. Цыпкин*

Адрес редакции:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Сайт: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2023
© Журнал «Словесность и история», составление, 2023
© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2023

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

ⁱ Slovesnost'
Istoriia

Journal of Philological,
Historical and Cultural
Studies

Texts and History

No. 2 2023

Saint Petersburg

*Published four times per year
since June 2020*

Editorial Board:

T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

*Editor in Chief: S. A. Semiachko
Deputy Editor in Chief: D. O. Tsyppin*

Editorial office:

4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

- © 2023 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
- © 2023 Journal "Texts and History" (compilation)
- © 2023 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

СОДЕРЖАНИЕ

Д. М. Буланин. Культ Михаила Архангела в отражении литературы Древней Руси: К переизданию книги О. А. Добиаш-Рождественской	7
З. А. Исмаилова. Повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского: текстологический анализ	23
З. Н. Исидорова. «Декларации независимости» Новгорода в ранних новгородских произведениях Пахомия Логофета	38
М. В. Кужлев. «Книга о вере» из Спасо-Ломской пустыни	56
Т. Н. Галашева. Дневник пинежского крестьянина П. Н. Никифорова 1914 г.: война и плен глазами солдата	75
В. П. Бударгин. Лев Александрович Дмитриев как археограф	106
А. В. Пигин. Л. А. Дмитриев как собиратель и исследователь памятников книжной старины Заонежья и Поморья	109
Е. Д. Конусова. «С нежным чувством вспоминаю встречу с Вами...»: письма Г. П. Гунькина (Г. Гунна) В. И. Малышеву	133
И. А. Лобакова. Об одном неосуществленном замысле Д. С. Лихачева (по материалам архива)	167
Список сокращений	178
Наши авторы	179

CONTENTS

Dmitrii M. Bulanin. The Cult of Michael the Archangel in the Reflection of Medieval Russian Literature: Remarks on the Reedition of the Book by O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaia	7
Zuleyha Adil-kyzy Ismailova. The Tale of the Murder of Prince Andrei Bogolyubskii: A Textual Analysis	23
Zoia N. Isidorova. The “Declarations of Independence” of Novgorod in Early Novgorodian Texts by Pachomius Logothetes	38
Maxim V. Kuzhlev. <i>A Book about Faith</i> from the Spaso-Lomskaia Hermitage	56
Tatiana N. Galasheva. The 1914 Diary of the Russian Peasant Prokopii Nikiforov: The War and Captivity Through the Eyes of a Soldier	75
Vladimir P. Budaragin. Lev Aleksandrovich Dmitriev as an Archaeographer	106
Alexander V. Pigin. Lev Aleksandrovich Dmitriev as a Collector and Researcher of Handwritten and Early Printed Books from Zaonezhie and Pomorie	109
Elena D. Konusova. “With a Tender Feeling I Remember Meeting You...”: Letters of Genrich Pavlovich Gun’kin (G. Gunn) to Vladimir Ivanovich Malyshev	133
Irina A. Lobakova. An Unrealized Project of Dmitrii Sergeevich Likhachev (Based on Archival Materials)	167
List of Abbreviations	179
Our Authors	180

Д. М. Буланин

КУЛЬТ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА В ОТРАЖЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ: К ПЕРЕИЗДАНИЮ КНИГИ О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

Резюме

Поводом для статьи послужило переиздание знаменитой книги О. А. Добиаш-Рождественской, посвященной культу Михаила Архангела в латинском средневековье. Опираясь на этот классический труд и обращаясь к памятникам литературы Древней Руси, автор статьи ставит вопрос о диалектике типичного и своеобразного в почитании архангела Михаила, каким оно установилось в истории русского православия. Типичного, того, что сходно с описанным в обсуждаемой книге на европейском материале, оказывается не в пример больше. Образ Михаила на Руси, как и в религиозных представлениях других народов, оставался едва ли не самым абстрактным в сонме почитаемых святых. Такое положение вещей способствовало тому, что в разных концах христианского мира за архангелом был закреплен тождественный набор функций. В принципе в глазах христиан Михаил, несомненно, — главный из ангелов. Но естественное для средневекового человека стремление конкретизировать объект своих благочестивых мыслей и чувств, выделив небесного воеводу из рядов ангельского воинства, не достигло сколько-нибудь значимых результатов. Показательно, что в произведениях, по сюжету которых посланник небес вмешивается в жизнь смертных, он, как то было в Библии, лишен имени. Для него используется родовое обозначение — «ангел». Зато в тех случаях, когда архангел Михаил отчетливо персонифицирован, он неизменно суров, чаще беспощаден. В этом отношении наследие Древней Руси тоже находит точные параллели в фактах, извлеченных О. А. Добиаш-Рождественской из конфессиональной истории Западной Европы.

Ключевые слова: почитание, ангел, архангел, архистратиг, чудеса, функция, компиляция, молитва, амулет, атрибут

THE CULT OF MICHAEL THE ARCHANGEL IN THE
REFLECTION OF MEDIEVAL RUSSIAN LITERATURE:
REMARKS ON THE REEDITION OF THE BOOK
BY O. A. DOBIASH-ROZHDESTVENSKAIA

Abstract

This article was prompted by the newest reedition of O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaia's well-known book about the cult of Michael the Archangel in the Latin Middle Ages. Based on this exemplary book and medieval Russian literary texts, the author of this article raises the question of the dialectic between the typical and the peculiar in the veneration of Michael the Archangel in the Russian Orthodox tradition. The typical features, i. e. the ones that resemble the features that Dobiash-Rozhdestvenskaia found in the European material, prove to be by far more numerous than the peculiar features. As in other religious traditions, the image of Archangel Michael in Rus' seems to have been the most abstract one when compared with the images of all the saints. This phenomenon contributed to the fact that in different parts of the Christian world, an identical set of functions was ascribed to this archangel. In principle, from the Christian point of view, Michael is undoubtedly the chief of the angels. But the natural desire of a medieval person to create a more specific image of this object of his pious thoughts and feelings by separating the chief angel from the entire army of angels did not achieve any significant results. It is indicative that Archangel Michael is not referred to by his name in texts that describe situations when he interferes in the lives of people. Taking the text of the Bible as a model, the writers preferred to use just the generic designation — "an angel." In contrast, in the cases when Michael the Archangel is clearly individualized, he is invariably portrayed as severe and often even as cruel. In this respect, the tradition of medieval Rus' contains exact parallels to O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaia's findings regarding the confessional history of Western Europe.

Keywords: veneration, angel, archangel, archistrategos, Archangel Michael, images of saints, miracles, compilation, prayer, amulet

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-7-22

Начну с личных воспоминаний. Еще в отроческие годы автор этих строк слышал запечатлевшуюся в памяти историю. Будто супруги — оба известные ученые — положили между собой, что тот из них, кому доведется пережить другого, не будет задерживаться на этом свете. Судьба распорядилась так, что первой скончалась жена. Хотя друзья супружеской пары, связавшей себя взаимной клятвой, старались не оставлять мужа без присмотра, тот, приведя в порядок служебные и личные дела, через несколько месяцев застрелился. Основатель целого направления в физике Д. С. Рождественский и непревзойденный знаток европейского средневековья О. А. Доби-

аш-Рождественская — таковы герои романтической драмы. Свойственный драме налет театральности, помнится, ощущался острее, стоило взглянуть на фотографию Ольги Антоновны: даже в молодые годы она явно не годилась играть роль Джульетты. А фотографию каждого из супругов не нужно было долго искать, ибо Дмитрий Сергеевич приходился кузенном родному прадеду автора Л. В. Щербе, ученому столь же известному, как герои драмы. Когда-то братья и их семьи дружили, даже на летний отдых выезжали в соседние деревни (в окрестностях Луги), но потом полностью разорвали отношения. Сколько могу судить — по идейным мотивам: если Л. В. Щерба не допускал в науке уступок идеологическому нажиму, то чета Рождественских была более склонна к конформизму. Оба — и Д. С. Рождественский, ставший со временем важным администратором, и его жена, прежде бывшая членом кадетской партии и занимавшая в годы Германской войны милитаристскую позицию, — к концу жизни, похоже, полностью приняли марксистское учение в вульгаризированной его интерпретации 1930-х гг. [Каганович, с. 85—160]. Политическая обстановка оказала определенное влияние и на труд, о котором пойдет речь, что и оправдывает мое отступление.

Книга «Культ св. Михаила в латинском средневековье: V—XIII века» в рекламе не нуждается, потому что это единственное на русском языке исследование предмета со столь широким его охватом. Каждый, кто пишет о небесном архистратиге, непременно ссылается на труд О. А. Добиаш-Рождественской, в чем нетрудно убедиться, взяв в руки соответствующие работы. Но стоит вспомнить, что книга готовилась и печаталась в дни явно не самые благоприятные для научных публикаций: литографированное издание вышло в свет в Петрограде в 1917 г., причем автор самолично участвовал во всех технических процедурах, какие предполагало подобное мероприятие. Об этом О. А. Добиаш-Рождественская, сокрушаясь по поводу опечаток в издании, сама объявила перед диспутом в Петроградском университете, где 21 апреля 1918 г. ее исследование было защищено в качестве докторской диссертации¹. Учитывая сказанное, не сомневаемся, что интересующиеся темой благосклонно отнесутся к недавнему переизданию книги 1917 г., в котором не только устранены опечатки, но в случае необходимости уточнены и библиографические ссылки [Добиаш-Рождественская 2022]². Авторский текст удачно фланкируют вступительная заметка Б. С. Кагановича (1952—2021), лучшего знатока архива О. А. Добиаш-Рождественской,

¹ В 1922 г. вышел краткий вариант работы О. А. Добиаш-Рождественской на французском языке [Dobiache-Roждestvensky 1922].

² Далее страницы этой книги указываются в тексте в круглых скобках.

куратора других переизданий ее трудов, и заключительная статья А. И. Гордина «Век спустя...», который, указав на последние достижения в разработке темы, все-таки многозначительно заметил: «Наука не всегда движется вперед». Кроме того, в качестве приложений в книге напечатана по автографу произнесенная ученой дамой «Речь перед диспутом», помещенный в газете «Свободная Россия» (1917) и подписанный историком Д. Н. Егоровым первый отклик на «Култ св. Михаила в латинском средневековье» и, наконец, краткий, но содержательный разбор диссертационного исследования, вышедший из-под пера прославившегося впоследствии философа и историка Г. П. Федотова (1922).

Как признается сама исследовательница, замысел ее книги естественным образом вызрел из магистерской диссертации, над которой она работала, находясь в командировке в Париже, и которая была посвящена жизни церковного прихода во Франции XIII в. [Добиаш-Рождественская 1914]³. Проследивая творческий путь ученого, Б. С. Каганович отметил, что, оставаясь, безусловно, на позициях позитивизма, О. А. Добиаш-Рождественская ставила новые для медиевистики вопросы, которые касаются универсальных представлений о мире, затрагивают коллективные народные переживания и др. В чем-то все это предвосхищало проблематику будущей «Школы „Анналов“». Быть может, отсутствие догматизма в методе позволило ученому обратить внимание на те явления в материальной и духовной жизни человека Средних веков и на те аспекты жизни, которые прежде оставались незамеченными. Еще в большей мере поиск новых подходов к материалу сказался в книге о культе Михаила Архангела, которую автор называет «ответвлением» от предыдущей работы, частичным воплощением собственных раздумий о «приходских патронатах различных святых». Новаторские качества исследования и его основательность отмечали все рецензенты начиная с Г. П. Федотова. Кстати, ему, как и самой О. А. Добиаш-Рождественской, привил вкус к европейскому средневековью приснопамятный профессор И. М. Гревс. В целом высоко оценив работу, Г. П. Федотов сделал ряд частных поправок, но также посчитал нужным указать на постулаты, отстаиваемые автором чересчур настойчиво и даже запальчиво. Тут и отрицание преемственной связи с почитанием Меркурия (Вотана), и спор против признания Михаила национальным святым лангобардов. Преувеличено в книге и значение, какое имел культ Михаила Архангела для империи Карла Великого. Г. П. Федотову, писавшему рецензию после Версальского мира,

³ Русский вариант диссертации почти вдвое расширен по сравнению с тем, что был тремя годами раньше издан во Франции [Dobiache-Roждestvensky 1911].

бросился в глаза гипертрофированный антигерманизм книги, датированной 1917 г. (с. 315). Это та самая непохвальная дань политическим страстям, о которой говорилось выше.

Если не заострять внимания на подобных издержках, цельная концепция О. А. Добиаш-Рождественской, которая показала, как зародилось почитание архангела Михаила, как оно постепенно распространялось и как культ в конце концов от края до края завоевал Европу, — эта концепция была на удивление единодушно принята медиевистикой. Настолько единодушно, что естественно задаться вопросом: можно ли объяснить успех книги о святом Михаиле только лишь суггестивной энергией автора, научный стиль которого действительно находится вне конкуренции? Смеем утверждать, что значимость научных выводов подкреплялась, кроме таланта автора, еще и спецификой самого предмета обсуждения. Специфика эта заключается в повсеместном (по крайней мере, в христианском мире) признании за Михаилом Архангелом одного и того же набора функций — тех, какими он обладал изначально, и тех, какие он с течением времени себе присвоил. Специфика эта и в интернациональных масштабах культа и универсальности главных его форм. Взяв в расчет такие факторы, мы не будем удивлены тому, что архистратига считали своим патроном как Священная Римская империя, так и Византия, тоже империя. Под его эгидой в одно и то же время находились, по их собственному убеждению, и Франция, и Германия — факт, получивший, кстати, в «Речи перед диспутом» эмоциональный и небеспристрастный отклик со стороны диссертанта (с. 304—305). Среди прочего на фоне общего неприятия в Древней Руси культуры католической Европы и ее святынь необычными выглядят многочисленные совпадения между формами поклонения архистратигу и представлениями о его компетенции, какие регистрируются и здесь, и на Западе. Совпадения такого рода есть прямое следствие универсальности религиозных впечатлений, из которых складывалось почитание архангела Михаила. Столь отчетливо выраженные родовые черты культа не могли не найти отражения и в русской средневековой письменности. Об образе Михаила Архангела вообще и о посвященных ему памятниках литературы в частности писали не раз, писали и о рецепции его древними славянами. Однако на коренные отличия его от святых в русском православном пантеоне, с одной стороны, и на коренное родство русского образа Михаила и того, каким он укоренился в других концах христианской ойкумены, с другой стороны, не обращали внимания. Классическая монография О. А. Добиаш-Рождественской помогает различить те неотчуждаемые генетические признаки, которые нес в себе общехристианский культ Михаила Архангела при его местной, в нашем случае древнерусской, рецепции.

Причина устойчивости священного образа и его атрибутов заключается в том обособленном положении, какое он занимает в иерархии сакральных ценностей. Архистратиг не входит в сонм святых — всегда ближайших к человеку его заступников перед высшими силами, печальников, понимающих и снисходительно относящихся к слабостям людского рода. Также он не является ни пророком, ни апостолом, хотя эти обозначения используются для него в некоторых текстах. Имя Михаил переводят «кто как Бог?», и такая его этимология хорошо показывает привилегированный статус нашего небожителя. Он оказывается полномочным исполнителем воли Всевышнего в отношении людей, и в этой должности наделен Богом эксклюзивными правами. Неудивительно, что, будучи функционально приравнен к Богу, он обладал компетенцией во множестве дел, связанных с судьбами мира, с его здешними и нездешними обитателями. Перечень его забот бесконечен — они простирались от удержания в повиновении Дракона и его воинства до врачевания телесных недугов, коими страдают смертные, и помощи им в ратных подвигах. О. А. Добиаш-Рождественская доказывает, что культ Михаила был усвоен на Западе от греков, но как религиозный феномен поклонение ангелам берет свое начало у восточных народов. При этом стремление индивидуализировать представителей ангельского чина возникло не сразу, не сразу и Михаил стал главным в ряду ангелов. Да и главным его признавали не все и небезоговорочно (у мусульман приоритетом обладает Гавриил). Из канонических книг Библии имена архангелов Михаила и Гавриила встречаются только в Книге пророка Даниила. В остальных библейских книгах ангел, иногда присутствующий при знаковых событиях еврейской истории, по имени не называется. В поздней иудейской, а потом и в христианской традиции безымянного ангела стали все чаще, хотя и непоследовательно, называть Михаилом. Центром ангелологии считалась Фригия, именно здесь находились Колоссы, христианам которых апостол Павел адресовал свое Послание, призывающее их не прельщаться «службой ангелов» (Кол. 2: 18) [Lueken, с. 133–137]. Здесь же располагалась Лаодикия, в которой отцы, сошедшиеся на собор, приравнивали к идолослужению молитву ангелам, возносимую вместо молитвы к Богу (канон 35). По соседству с этими городами помещаются Хоны, с которыми связано одно из главных чудес Михаила Архангела. Служителям церкви на Востоке, как и на Западе, почитание ангелов во все времена доставляло много неудобств, потому что адресованные им молитвы содержали явные следы языческого дуализма и противной христианству магии. Так, строго осуждалась распространенная и на Руси практика добавлять к библейским «ложные имена ангелов» (с. 175). Заклинание и заговор с обращением к некоему Сихаилу встречаем, например, среди новго-

родских берестяных грамот, № 734, 930. Лик Михаила то и дело помещался на амулетах-змеевиках, популярных в странах византийского круга, включая Древнюю Русь (ср. «Черниговскую гривну Владимира Мономаха»).

Подчеркнув отличие Михаила Архангела от всех, кто почитается в лике святых, О. А. Добиаш-Рождественская продолжает: «Ни один не имеет так мало земной реальности и так много трансцендентной жизни. Ни один не показывается на земле так редко, и ни один не является в такой мере вечным. Он выделился из сонма ангелов, потому что имеет свое имя и биографию; он не смешался со святыми, потому что не жил во плоти и никогда не был человеком» (с. 282). Отсутствие у архангела плотского прототипа создавало определенные сложности для прозелитов. Будучи столь отличным от других неземных созданий, архистратиг требовал и отличных от них форм почитания. В итоге культ Михаила Архангела в обеих половинах христианского мира приобрел несколько парадоксальные черты, так что между магическими текстами и произведениями высокой литературы, вроде секвенции Алкуина, или «Романа о Горе Сен-Мишель» Гийома де Сен Пера, или еще «Сказания о чудесах Михаила» Михаила Пселла, образовался своеобразный вакуум. Вакуум неизбежный, ибо как было простому верующему взаимодействовать с невообразимым? «Не одно ангельское святилище чувствовало себя обездоленным без хороших человеческих мощей» (с. 231). Развивая эту мысль, Г. Пирс, опираясь на свидетельство Севира Антиохийского, констатирует, что церкви, построенные во имя архистратига, освящались благодаря занесенным туда мощам, а кроме того, ссылается на Пселла, который указывает на дистанцию, отделяющую грандиозные чудеса Михаила от более скромных чудес, творимых останками людей, канонизированных церковью [Peers, p. 157–193, ср. p. 76–77]. Далее ученый раскрывает глубинное родство трех главных памятных мест, где Михаил Архангел явил себя людям. Это Хоны, гора Гаргано, гора Сен-Мишель. По мнению Г. Пирса, чтобы такой абстрактный святой, как Михаил Архангел, стал ближе к верующим, ему требовалось оставить вещественные знаки, подтверждающие реальность его нахождения на каждом избранном месте, — улики сотворенного чуда. Важно, что и события, предшествующие явлению архистратига, и сам ландшафт, служивший ему мизансценой, и знаки его присутствия неизменно воспроизводились при учреждении каждого очередного святилища, посвященного посланнику небес. Самый наглядный отпечаток его посещения остался на горе Гаргано, где различают след ноги ангела. Его твердое намерение обосноваться на горе Сен-Мишель тоже было видно каждому — в виде вмятины на черепае епископа Обера, который никак не хотел приниматься за строительство. Исследователь обращает внимание, что традиционный зрительный

образ Михаила — юноши с двумя крылами — назначен был не столько показать его внешний вид, сколько напомнить о сверхъестественной природе героя. Рассказы о явлениях архистратига — и здесь они отличаются от известий о ставших святыми людях — не сообщают подробностей о его наружности. Если верить этим рассказам, обстоятельства, сопутствовавшие выходу на земную арену Михаила, напоминали Божоявление.

На Русь культ Михаила Архангела пришел из Византии, хотя нельзя исключить, что отдельные его компоненты (особенно воплощенные в отвергаемых церковью модификациях) занесены были из обихода народов, находившихся в сфере влияния латинской церкви. В Восточной империи почитание представителя ангельских чинов распространялось и стихийно, и при поддержке на официальном уровне [Афиногенова]. Достаточно сказать, что в одном только Константинополе насчитывалось более трех десятков церквей во имя архистратига или приделов в церквах. При посвящении алтарей Михаил часто выступал в паре с Гавриилом. Для нас сейчас важно, что на Руси один к одному воспроизводится та своеобразная ситуация в почитании, какая сложилась в старейших очагах христианской цивилизации. Что мы видим? Со времен Владимира Крестителя слава архангела распространялась с неслыханной быстротой: ему посвящались храмы, его изображали иконописцы, его имя было одним из самых востребованных при крещении. Едва ли не прежде канонических на Руси, как и в других концах христианского мира, укоренились внецерковные формы почитания архистратига. К нему рекомендовалось обращаться во всех случаях жизни: при болезни, в войнах, для защиты от колдовских чар, спасения от лихих людей и др. Апотропеическая его функция находила воплощение в заговорах, запретных молитвах, амулетах, записях-филактериях, предметах обихода (ср. шлем Ярослава Всеволодовича). Но, в отличие от святых, облик архангела представить себе было по-прежнему трудно, трудно было и обособить его от всего ангельского сонма. Как то имело место в других местах почитания ангелов, об их присутствии приходилось догадываться по сопутствующим явлениям. «Ангел бо сице являється — ово столпом огненным, ово же пламенем», — объясняла «Повесть временных лет» под 1110 г. [ПСРЛ, стб. 284]. Такое положение вещей тормозило прославление Михаила в рамках уставного регламента и ограничивало воображение книжников. Обзор летописных известий показывает, что ангел или целая армия ангелов и святых воинов не раз защищали Русь от ее недругов, но имя Михаила редко выделяется среди защитников [Мальцев 1993; ср. Мальцев 1994].

Единственным достоверным случаем, когда архангел спустился к людям, о котором, особенно на первых порах, не уставали вспоминать в русской цер-

кви, оставалось чудесное его явление в Хонах. Чуду в Хонах вслед за Византией был назначен отдельный праздник (6 сентября), как отметили историки, это редчайший пример в практике Восточной империи и в церковном обиходе ее конфессиональных сателлитов. Тем интереснее, что Чуду был посвящен Выдубицкий монастырь, основанный в XI в. [Ульяновский]. Если не считать Слова похвального Михаилу и Гавриилу Климента Охридского (приурочено к 8 ноября, когда церковь празднует Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных) да нескольких памятней из Пролога [Прокопенко, с. 346, 379], литература об архистратиге, имевшая хождение у русских книжников в первые столетия после Крещения, исчерпывается переводом одной из греческих редакций, повествующей о Чуде. Упомянем еще, ради его эстетических достоинств, «Слово Кирилла Философа на Собор Архистратига Михаила», подлинный сочинитель которого неизвестен. Положение вещей мало изменилось и в литературе XV в. К многочисленным пересказам Чуда в Хонах добавилось несколько разновидностей Чуда в Дохиарском монастыре с отроком, которого спас Михаил (в балканской традиции он действует вместе с Гавриилом) [Быкова]⁴. В Древней Руси эти разновидности, числом не менее трех, получили некоторое распространение в письменности и изобразительном искусстве [Буланин; Подковырова]. Но Русь не переняла с Балкан почитание камня, висевшего на шее у отрока и доказывавшего причастность к происшествию небесного гостя (гостей). Незнанием остается южнославянский перевод составленного диаконом Панталеоном «Сказания чудес» архангела Михаила. Велика вероятность, что восточнославянская письменность усвоила его в самом конце XIV или в XV в. в результате «второго южнославянского влияния»⁵.

Сложившейся традиции умалчивать о внешнем виде архангела противостояла противоположная тенденция. Ни пастыри, ни паства ни в западной, ни в восточной половине христианского мира не готовы были довольствоваться теми символическими намеками, в которых имели обыкновение обнаруживать себя ангелы, включая Михаила — главного из них. Тенденция воплотить посланников небес в узнаваемые формы, как и стремление выделить из их числа Михаила Архангела, обнаруживает себя и в русской версии культа. Правда, тенденция проявлялась не всегда. В тех случаях,

⁴ Помимо Чудес в Хонах и в Дохиаре, ученый разбирает Чудо на горе Гаргано, но русский читатель познакомился с ним поздно — из Житий святых Димитрия Ростовского, который опирался на латинский источник.

⁵ В литературе южных славян находилось в обращении еще несколько компилятивных текстов, посвященных Михаилу Архангелу. Об одном из них — «Слове Илии трудолюбивого» — см. [Турилов, с. 21–22].

когда в отреченной молитве вслед за именем Михаила перечисляется с десятком таинственных ангельских имен, мы видим присущее магическим текстам в целом стремление исчерпать объекты заклинания. Тут главный из ангелов как бы растворяется в ряду подобных себе [см. особенно: Русские заговоры, с. 347]. О. А. Добиаш-Рождественская вспоминает в этой связи еретика Альдеберта (VIII в.), по поводу которого церковь признала, что он под видом ангелов «призывал демонов» (с. 175–178). Первым шагом к индивидуализации Михаила можно, пожалуй, считать его отделение от Гавриила, вторым шагом — случаи, когда он соседствует с героями Священного Писания или Предания, иногда даже замещает их. В молитвах, иконографических композициях («Деисус») это чаще всего Спаситель, Богородица и Иоанн Предтеча. Их узаконенная церковью биография как бы придавала отчетливость и личности архистратига. Сходный эффект производила его близость к святым, чаще — к святым воинам, будь то Георгий Победоносец и Димитрий Солунский или собственно русские стратотерпцы Борис и Глеб. В иконописи распространена была композиция, в которой покровители скота свв. Флор и Лавр предстоят архангелу Михаилу. В этом же направлении работают факты, говорящие о частичной контаминации Михаила Архангела и свт. Николая Чудотворца [Успенский, с. 18–30]. Тенденция прописать детали во внешности архистратига ясно сказалась в рассказах, где герой опознает явившегося ему святого, когда видит иконописное изображение Михаила. Согласно «Волоколамскому патерику», не кто иной, как архангел, остановил Батюга, двигавшегося на Новгород. Впоследствии татарский хан признал небожителя, когда увидел Михаила в Киеве в настенной росписи. В «Степенной книге» содержится красочный рассказ о том, как княгиня Евдокия Дмитриевна после явления ей архангела Михаила утратила дар речи. По ее распоряжению иконописцы должны были нарисовать небесного гостя, и когда — с третьей попытки — это им удалось, речь вернулась к княгине. Со временем появляются и рассказы о людях, которым случилось вступать в разговор с главным из ангелов. Уже в Сказании Пантелеона читаем рассказ о чуде с неким Маркианом, почитателем Михаила, который явился к нему и требовал назвать врача, дерзнувшего лечить больного земным средством. Из русских текстов самый, наверное, насыщенный диалог с архангелом приводится в «Повести Никодима типикариси», где Михаил выступает в важнейшем своем амплуа проводника по преисподней. О. А. Добиаш-Рождественская называет его «ангелом мертвых» (с. 262–269).

Отдельно следует сказать о повышенном значении, какое приобрел культ архангела Михаила в древнерусской культуре XVI в., в том числе в литературной ее составляющей. То была эпоха, когда Москва, заявившая

о своих претензиях на роль «священного царства», усиленно конструировала собственный образ, который бы соответствовал новым претензиям. Отличающее эту эпоху подчеркнутое внимание к образу Михаила вполне проявляется, если вспомнить основные вехи в истории его почитания. На очень раннем этапе почитания одной из главных, если не первой, функцией Михаила стало покровительство бранным трудам. Его и самого представляли в облачении и с атрибутами воителя, а в чудесах, в которых он участвовал, он верховодил святыми воинами или сражался с ними бок о бок. И. Роланд проследил, как в Византии изменялось прозвище главного из ангелов, которого сначала называли архангелом, а со временем (по И. Роланду — с VIII в.) стали неизменно именовать архистратигом. Поскольку защита империи и православной церкви составляли первейшую обязанность императора, василевс воспринимался прежде всего как стратилат, а военной тематике отводилось значимое место среди аксессуаров императорского культа. Сам император, а вслед за ним и империя закономерным образом оказывались под особым покровительством Михаила Архангела [Rohland, p. 105–151]. Как следствие, история Византии насчитывает восемь императоров, носивших имя Михаила. Коль скоро существование империи понималось как гарантия прочности всего мироздания, архистратиг, держащий в руке символ власти — мерило, выступал в роли вершителя судеб человеческого рода.

Московская Русь XVI в. примеряла свою идею сакральной державы главным образом к византийскому прототипу, активно используя разработанные в Византии символы и понятия империи. Надо думать, в качестве одного из них вновь явленное «священное царство» унаследовало от павшей империи образ архистратига как патрона русского царя и небесного защитника его государства, объявленного последней твердыней православия. Идеологическая эксплуатация образа облегчалась популярностью, какую приобрел архистратиг еще у князей удельного периода, наперобой желавших встать под его защиту. Необходима, правда, небольшая оговорка. Параллельный процесс выделения воинской функции Михаила в качестве приоритетной издавна шел и в латинском мире, и там, как мы помним, архистратиг тоже почитался «ангелом империи» (так названа и глава в книге О. А. Добиаш-Рождественской: с. 188–210). Такое функциональное тождество двух линий развития — восточной и западной — требует, чтобы исследователь критически оценивал каждое из нововведений, вносимых русскими идеологами в репрезентацию верховного ангела. Приходится принимать в расчет, что идея «священного царства» в ее московской интерпретации, несмотря ни на что, не являлась буквальной копией византийской идеи,

но включала и гетерогенные элементы. Стало быть, не стоит упорствовать в том, что все нюансы в московской модификации образа Михаила Архангела имеют непременно византийские, а не западные истоки. Конкретные памятники эпохи идеологического строительства, принадлежащие к разным видам искусства и показывающие актуализацию культа архистратига, хорошо известны, поэтому достаточно будет указать на главные из них. Во главу угла поставим Сказание Панталеона, ибо оно задавало модус для описания непрерывного участия Михаила в перипетиях человеческой истории. Именно с этой целью Сказание помещено было в известный Егоровский сборник (РГБ, собр. Егорова, № 1844), состав которого надо понимать как серию сюжетных дополнений к содержанию Лицевого свода. Сказание, разумеется, входит в блок текстов об архангеле Михаиле, находящийся под 8 ноября в Великих Минеях Четых. Сказание с его чудесами можно считать тематическим ядром для иконописных произведений (ср. иконы «Михаил Архангел в деянии», «михайловский» цикл в росписях Архангельского собора), скорее всего, именно его держал в уме Иван Грозный в послании Курбскому, когда заявлял, что архистратиг «благочестивым царем пособствует» [Переписка, с. 36]. При желании царь мог бы иллюстрировать эту мысль событиями из недавнего прошлого — теми, что связаны были с завоеванием Казани. Уже обретение образа архистратига в 1551 г., как ясно из летописного контекста, служит указанием на того, кто будет вышним покровителем будущей кампании. В соборе, посвященном небесному воеводе, царь молится перед походом, архистратигу молится и на него возлагает свои упования о помощи русским полкам митрополит Макарий, о чем он извещает царя в специальном послании. Под стенами Казани Грозный ставит полотняную церковь во имя ангела, под эгидой которого должно было сражаться московское воинство. Наконец, архангел Михаил возглавляет триумфальное шествие на знаменитой иконе «Благословенно воинство Небесного Царя». Все говорит о том, что именно при Грозном почитание архистратига как покровителя царской власти достигло своего апогея.

Можно долго перечислять факты, свидетельствующие об устойчивости культа Михаила Архангела в Древней Руси и о влиянии этого культа на русскую средневековую культуру. При желании хронологические рамки обзора можно раздвинуть — вплоть до легенд, связанных с Михайловским замком [Петров 2020a; ср. Петров 2020b; 2022], или даже до деятельности В. М. Пуришкевича и его Союза Михаила Архангела. Тема остается мало-разработанной и заслуживает монографического исследования. Но и сказанного достаточно для того, чтобы вернуться к вопросу о диалектике типичного

и своеобразного в почитании архангела Михаила, каким оно установилось в истории русского православия. Типичного, того, что сходно с описанным в книге О. А. Добиаш-Рождественской на европейском материале, оказывается не в пример больше. Каким сложился образ Михаила в религиозном универсуме других христианских народов, таким он функционировал и на Руси, т. е. оставался едва ли не самым абстрактным среди почитаемых небожителей. В глазах христиан Михаил, несомненно, главный из ангелов. Но стремление, естественное для средневековых адептов всякого религиозного культа, конкретизировать объект благочестивых мыслей и чувств, выделив архистратига из всего ангельского воинства, не достигло сколько-нибудь значимых результатов. Показательно, что во многих произведениях, по сюжету которых посланник небес вмешивается в жизнь смертных, он лишен имени, действуя просто как «ангел». Зато в тех случаях, когда архистратиг отчетливо персонифицирован, он неизменно строг, чаще суров: «Шутливый и фамильярный по отношению к другим святым, религиозный человек Средневековья, кажется, неизменно серьезен по отношению к св. Михаилу» (с. 277). Именно готовностью к скорой расправе он особенно привлекал власть имущих, признававших Михаила своим патроном. Не зря ведь тот же Иван Грозный выбрал 8 ноября, день памяти Михаила Архангела, для расправы с непокорным митрополитом Филиппом. Подбирая выражения с присутствующим ей литературным вкусом, О. А. Добиаш-Рождественская пишет: «Его больше боятся и чтут, чем любят. Элемент добродушия почти отсутствует в его легенде» (с. 284). Знаменательно, что применительно к древнерусскому материалу эта характеристика не требует корректировки.

Литература

- Афиногенова — *Афиногенова О. Н.* Культ архангела Михаила в Византийской империи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 21 с.
- Буланин — *Буланин Д. М.* В поисках старшей разновидности Дохиарской легенды // *Афон и славянский мир. Святая Гора Афон*, 2016. Сб. 3. С. 281–290.
- Быкова — *Быкова В. М.* Сказания о чудесах архангела Михаила в древнерусской книжности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. 19 с.
- Добиаш-Рождественская 1914 — *Добиаш-Рождественская О. А.* Церковное общество Франции в XIII веке. Пг.: Тип. Имп. академии наук, 1914. Ч. 1: Приход. 183 с.
- Добиаш-Рождественская 2022 — *Добиаш-Рождественская О. А.* Культ св. Михаила в латинском средневековье: V–XIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. 368 с.
- Каганович — *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с.
- Мальцев 1993 — *Мальцев М. В.* Почитание св. архистратига Михаила в русской православной традиции. I. Явления св. архангела Михаила в Русской земле // *Православие и русская народная культура*. М., 1993. Кн. 2. С. 7–43.

- Мальцев 1994 — *Мальцев М. В.* Почитание св. архангела Михаила в русской православленной традиции: (Опыт историко-этнографического исследования): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 24 с.
- Переписка — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Л.: Наука, 1979. 432 с.
- Петров 2020a — *Петров Н. И.* Архангел Михаил и император Павел I // Коломенские чтения. 2019 г. СПб., 2020. С. 131–145.
- Петров 2020b — *Петров Н. И.* Императорский культ архангела Михаила в царствование Павла I // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 2. С. 153–160.
- Петров 2022 — *Петров Н. И.* О сакральном характере наименования Михайловского замка в Санкт-Петербурге // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 39. С. 181–212.
- Подковырова — *Подковырова В. Г.* Лицевые списки Чуда Михаила Архангела о Дохиарском монастыре из фондов Библиотеки Российской академии наук в контексте традиции бытования и иллюстрирования сюжета // Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. С. 246–280.
- Прокопенко — *Прокопенко Л. В.* Древний славянский рукописный Пролог: История создания, редакции, бытование в XII–XIV вв. (сентябрьское полугодие). Saarbrücken: Lambert, 2011. 519 с.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1. 2-е изд. 540 стб. + С. 541–580.
- Русские заговоры — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2010. 832 с.
- Турилов — *Турилов А. А.* Забытые и малоизвестные факты из истории древнейшего перевода Пролога у южных славян: (К проблеме «Первого восточнославянского влияния») // Славяноведение. 2012. № 2. С. 8–26.
- Ульяновский — *Ульяновский В. И.* Чудо-Михайловский монастырь в Киеве: Проблема посвящения, символики и статуса // *Rossica Antiqua*. 2011. № 2. С. 43–101.
- Успенский — *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: МГУ, 1982. 246 с.
- Dobiache-Rojdestvensky 1911 — *Dobiache-Rojdestvensky O.* La vie paroissiale en France au XIII-e siècle d'après les actes épiscopaux. Paris: A. Picard, 1911. 204 p.
- Dobiache-Rojdestvensky 1922 — (*Dobiache*)-*Rojdestvensky O.* Le culte de saint Michel et le Moyen Âge latin. Paris: A. Picard, 1922. 72 p.
- Lueken — *Lueken W.* Michael: Eine Darstellung und Vergleichung der jüdischen und der morgenländisch-christlichen Tradition vom Erzengel Michael. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1898. 186 p.
- Peers — *Peers G.* Subtle Bodies: Representing Angels in Byzantium. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 2001. 236 p.
- Rohland — *Rohland J.* Erzengel Michael, Arzt und Feldherr: Zwei Aspekte des vor- und frühbyzantinischen Michaelskultes. Leiden: Brill, 1977. 156 p.

References

- Afinogenova, O. N. (2008). *Kul't arkhangela Mikhaïla v Vizantiïskoi imperii: Avtoreferat dissertatsii*. Moscow: [s. n.], 21 p.

- Bulanin, D. M. (2016). 'V poiskakh starshei raznovidnosti Dokhiarskoi legendy', in: *Afon i slavyanskii mir*. Svyataya Gora Afon: [s. n.]. Vol. 3, 281–290.
- Bykova, V. M. (2006). *Skazaniya o chudesakh arkhangela Mikhaila v drevnerusskoi knizhnosti: Avtoreferat dissertatsii*. Petrozavodsk: [s. n.], 19 p.
- Dobiache-Rojdestvensky, O. (1911). *La vie paroissiale en France au XIII-e siècle d'après les actes épiscopaux*. Paris: A. Picard, 204 p.
- (Dobiache)-Rojdestvensky, O. (1922). *Le culte de saint Michel et le Moyen Âge latin*. Paris: A. Picard, 72 p.
- Dobiash-Rozhdestvenskaya, O. A. (1914). *Tserkovnoe obshchestvo Frantsii v XIII veke. Part 1: Prikhod*. Petrograd: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 183 p.
- Dobiash-Rozhdestvenskaya, O. A. (2022). *Kul't sviatogo Mikhaila v latinskom srednevekov'e: V–XIII veka*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 368 p.
- Kaganovich, B. S. (2007). *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka*. Saint Petersburg: Giperion, 244 p.
- Karskii, E. F., ed. (1926). *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Vol. 1. 2nd ed. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 540 col. + P. 541–580.
- Lueken, W. (1898). *Michael: Eine Darstellung und Vergleichung der jüdischen und der morgenländisch-christlichen Tradition vom Erzengel Michael*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 186 p.
- Lur'e, Ya. S., Rykov, Yu. D., eds. (1979). *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim*. Leningrad: Nauka, 432 p.
- Mal'tsev, M. V. (1993). 'Pochitanie svyatogo arkhistratiga Mikhaila v russkoi pravoslavnoi traditsii. I. Yavleniya svyatogo arkhangela Mikhaila v Russkoi Zemle', in: *Pravoslavie i russkaya narodnaya kul'tura*. Moscow: [s. n.]. Vol. 2, 7–43.
- Mal'tsev, M. V. (1994). *Pochitanie sviatogo arkhangela Mikhaila v russkoi pravoslavnoi traditsii (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya): Avtoreferat dissertatsii*. Moscow: [s. n.], 24 p.
- Peers, G. (2001). *Subtle Bodies: Representing Angels in Byzantium*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 236 p.
- Petrov, N. I. (2020). 'Arkhangel Mikhail i imperator Pavel I', in: *Kolomenskie chteniya. 2019 god*. Saint Petersburg: [s. n.], 131–145.
- Petrov, N. I. (2020). 'Imperatorskii kul't arkhangela Mikhaila v tsarstvovanie Pavla I', *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki*, 2, 153–160.
- Petrov, N. I. (2022). 'O sakral'nom kharaktere naimenovaniya Mikhailovskogo zamka v Sankt-Peterburge', *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 39, 181–212.
- Podkovyrova, V. G. (2022). 'Litseve spiski Chuda Mikhaila Arkhangela o Dokhiarskom monastyre iz fondov Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk v kontekste traditsii bytovaniya i illyustirovaniya syuzheta', in: *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Rostovo-Yaroslavskaya zemlya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom", 246–280.
- Prokopenko, L. V. (2011). *Drevnii slavyanskii rukopisnyi Prolog: Istoriya sozdaniya, redaktsii, bytovanie v XII–XIV vekakh (sentyabr'skoe polugodie)*. Saarbrücken: Lambert, 519 p.
- Rohland, J. (1977). *Erzengel Michael, Arzt und Feldherr: Zwei Aspekte des vor- und frühbyzantinischen Michaelskultes*. Leiden: Brill, 156 p.
- Toporkov, A. L., ed. (2010). *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII — pervoi poloviny XIX veka*. Moscow: Indrik, 832 p.

- Turilov, A. A. (2012). 'Zabytye i maloizvestnye fakty iz istorii drevneishego perevoda Prologa u yuzhnykh slavyan: (K probleme "Pervogo vostochnoslavyanskogo vliyaniya")', *Slavyanovedenie*, 2, 8–26.
- Ul'yanovskii, V. I. (2011). 'Chudo-Mikhailovskii monastyr' v Kieve: Problema posvyashcheniya, simboliki i statusa', *Rossica Antiqua*, 2, 43–101.
- Uspenskii, B. A. (1082). *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei: (Relikty yazychestva v vostochnoslavyanskom kul'te Nikolaya Mirlikiiskogo)*. Moscow: Moscow State University, 246 p.

З. А. Исмаилова

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЙСТВЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Резюме

В статье рассматривается летописное произведение, посвященное главному внутриполитическому событию во Владимирском княжестве 1174 г. — убийству князя Андрея Боголюбского. Задачами исследования этого произведения были выявить его состав, происхождение каждого составного элемента (церковное или светское), сохранность этих элементов в южном и северном русском летописании. Для выполнения поставленных задач были применены текстологический и историко-критический анализ, методы источниковедческой критики. В итоге автор пришел к выводам, что повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского — это сложносоставное произведение, включающее житие князя и два светских рассказа о его убийстве (от одного из них сохранились только начало и отдельный фрагмент). Состав повести определил ее неоднородный характер — житийные элементы в ней переплетаются с летописными. Житие князя и рассказы о его убийстве были переработаны при включении их в южную и северную летописи. При этом летописцы приспособляли эти произведения к политическим интересам своего княжения.

Ключевые слова: повесть, летопись, житие, князь, убийство, Андрей Боголюбский, Владимир, Киев, текстология, Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись, Кучковичи

Zuleyha Adil-kyzy Ismailova

THE TALE OF THE MURDER OF PRINCE ANDREI BOGOLYUBSKII: A TEXTUAL ANALYSIS

Abstract

The article considers a chronicle tale about the main internal political event in the Vladimir Principality in 1174 — the assassination of Prince Andrei Bogoliubskii. This study aims

© З. А. Исмаилова, 2023

to identify the composition of the tale, the origin of each element of its composition, the time when and the reasons why the tale was included in the chronicle. The study employs the methods of source criticism and of textual and historical-critical analysis. The author concludes that the tale of the murder of Prince Andrei Bogoliubskii is a composite work, which includes the Life of the prince and two secular stories about his assassination. Only the beginning and several separate fragments from one of these stories are preserved. The composition determines the heterogeneous style of the tale — the hagiographical elements are intertwined with the chronicle features. The Life of the prince and the stories about his murder were edited when they were included in the southern and northern chronicles (the *Hypatian Chronicle* and the *Laurentian Chronicle*). At the same time, the chroniclers adapted these texts to the political interests of each principality.

Keywords: chronicle tale, lives of saints, prince, murder, assassination, Andrei Bogoliubskii, Vladimir, Kiev, textual studies, Laurentian Chronicle, Hypatian Chronicle, Kuchkovichi

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-23-37

Повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского сохранилась в наших древних летописях, Лаврентьевской и Ипатьевской, и давно привлекла внимание исследователей. К. Н. Бестужев-Рюмин полагал, что она была написана одним из приверженцев князя, вероятно Кузьмищей Киянином [Бестужев-Рюмин, с. 27]. Н. И. Хрущов считал, что повесть была создана «весьма скоро» после убийства Андрея Боголюбского, в 1175–1177 гг., и «по правдивости и живому изложению есть один из драгоценнейших памятников повествовательной литературы XII столетия» [Хрущов, с. 142–143].

Н. И. Серебрянский считал, что повесть имеет южнорусское происхождение и что в Ипатьевской летописи читается ее первоначальная, древняя, редакция, а в Лаврентьевской — сокращенная переработка. По мнению исследователя, повесть представляет собой «в полном смысле агиографический памятник, содержит в себе почти все признаки церковного жития», а образцом для нее послужил «летописно-житийный рассказ о св. Владимире». Составление повести Н. И. Серебрянский датировал периодом княжения Всеволода Большое Гнездо, после 1176 г. [Серебрянский, с. 56, 57, 59].

А. А. Шахматов не решал вопроса о времени возникновения повести, но считал, что ее составитель располагал «некоторыми древними записями», которые дополнил похвалой Андрею Боголюбскому и молитвами, вложенными в его уста [Шахматов, с. 76].

М. Д. Приселков считал, что повесть сложилась под пером составителя владимирского великокняжеского летописного свода 1177 г. [Приселков, с. 122]. Этой же точки зрения придерживался и современный исследователь летописей В. К. Зиборов [Зиборов, с. 103].

Согласно мнению Н. Н. Воронина, повесть была создана в 1174 г. по свежим следам боярского заговора, и ее автором был духовник Андрея Боголюбского и старейшина капитула Владимирского Успенского собора Микула. «Повесть отмечена ярко выраженным реализмом в освещении событий, живой наблюдательностью и вниманием к типичным обстоятельствам и деталям» [Воронин, с. 88, 97].

М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что повесть имеет сложный состав. Начало ее — это «церковная похвала Андрею, изображенному в виде мученика». Далее следует рассказ о самом убийстве [Тихомиров, с. 281].

Д. С. Лихачев подробнее остановился на вопросе о составном характере повести. Ее полный текст, сохранившийся в Ипатьевской летописи, по мнению исследователя, «очень неровен: с одной стороны, мы имеем отрывки, составленные в чисто житийной манере, а с другой стороны, отрывки довольно реального рассказа с обилием бытовых подробностей и живыми диалогами» [Лихачев 1947, с. 242].

О соединении в повести об убийстве Андрея Боголюбского двух элементов — житийно-панегирического некролога князю и реалистического рассказа о его убийстве — писали также И. П. Еремин [Еремин, с. 83] и В. П. Адрианова-Перетц [Адрианова-Перетц, с. 15–17].

А. Н. Насонов считал, что существовал общий архетип повести, который затем был сокращен в ее Лаврентьевской редакции и дополнен в Ипатьевской. Исследователь впервые обратил внимание на тот факт, что в Ипатьевской летописи сохранились две редакции рассказа об убиении Андрея Боголюбского, одна из которых не читается в Лаврентьевской летописи [Насонов, с. 152, 153].

По мнению Б. А. Рыбакова, первоначальной редакцией повести является Ипатьевская, а ее автором — Кузьмище Киянин, по профессии золотых дел мастер. Исследователь обратил внимание на то, что редакция Ипатьевской летописи содержит вставки — молитвы князя Андрея и рассказ о внутреннем убранстве владимирского Успенского собора. Он также отметил, что эта же редакция была рассчитана на киевского читателя, в отличие от редакции Лаврентьевской летописи. Историк подчеркнул и разность стилей, в которых написано произведение: «Литературная форма „Повести об убиении“ характеризуется умелым сочетанием двух разнообразных стилей — простого описательно-разговорного жанра и несколько приподнятого патетического тона церковных панегириков» [Рыбаков, с. 79–86, 90, 98–99].

В контексте русско-чешских литературных связей рассмотрел повесть об убиении Андрея Боголюбского Г. Ю. Филипповский [Филипповский].

В. В. Колесов писал, что «Повесть» — это синкретичное по характеру произведение, испытавшее влияние разных литературных жанров и, вероятно, имевшее трех авторов [Колесов].

Согласно взгляду Ю. В. Кривошеева, «Повесть», возможно, была написана «по свежим следам» — в течение двух ближайших лет после убийства Андрея Боголюбского. Исследователь не решал вопроса о соотношении двух редакций повести, но отметил, что в Ипатьевской редакции представлено наиболее полное изложение событий, дается их оценка. Наоборот, Лаврентьевская летопись дает сжатое изложение, по сравнению с текстом Ипатьевской новых сообщений в ней почти нет [Кривошеев, с. 42–43].

А. Ковалев посвятил повести специальное исследование и считал, что она была создана около 1176 г. Он отметил сложный состав повести, испытавшей влияние других древнерусских произведений: Сказания о Борисе и Глебе, Слова о законе и благодати Илариона, Повести об убийении князя Игоря и др., а также иностранного источника — жития Вацлава Чешского [Ковалев].

Т. Л. Вилкул также сосредоточила внимание на выявлении источников «Повести». Она считала, что в повести обнаруживаются заимствования из «Александрии Хронографической» [Вилкул, с. 70].

А. А. Бурькин присоединился к выводу Б. А. Рыбакова и полагал, что повесть появилась в 1174–1175 гг. и ее автором был Кузьмище Киянин, зодчий и золотых дел мастер. Первоначальной редакцией повести исследователь считал редакцию Лаврентьевской летописи, а редакция Ипатьевской летописи, по его мнению, была дополнена подмастерьем Кузьмища [Бурькин, с. 7, 12].

Новые данные для осмысления литературной и политической истории повести дает исследование А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева, посвященное граффити с именами убийц Андрея Боголюбского, обнаруженному в Переславле-Залесском в 2015 г. [Гиппиус, Михеев, с. 63–68].

Таким образом, составной характер повести признан большинством ученых. Цель нашего исследования — выявить составные части повести, определить их характер (церковный или светский) и степень сохранности в северном и южном летописании. Средствами достижения цели были текстологический анализ, основы которого изложены в знаменитом труде Д. С. Лихачева «Текстология» [Лихачев 1983], а также методы источниковедческой критики.

В своем полном виде повесть дошла до нас в составе Ипатьевской летописи [Летопись, с. 394–403]. Начало повести — это обычная летописная статья: «В лето 6683. Убьень бысть великий князь Андрей Суждальский,

сынъ Дюрдева, внукъ Володимеря Мономаха, *месяца юня въ 28 день, канунъ святыхъ Апостол, день бе тогда субота. Создалъ же бяшетъ собе городъ каменъ, именовъ Боголюбый, толь далече якоже Вышегородъ от Киева, такоже и Богълюбый от Володимеря*» [Летопись, с. 394—395].

Выделенный курсивом текст отсутствует в Лаврентьевской летописи, в которой повесть в целом значительно сокращена — более чем в два раза [ПСРЛ 1897, с. 348—352]. Б. А. Рыбаков объяснил, почему этого текста нет в Лаврентьевской летописи [Рыбаков, с. 79]. В нем сказано о городе Боголюбове, что он находился на таком же расстоянии от Владимира, как Вышгород от Киева. Это географическое сравнение было интересно жителю Киевской земли и совсем безынтересно жителю Северо-Восточной Руси, который прекрасно знал, где находился Боголюбов. Поэтому северный летописец и выпустил его. Но можно допустить и то, что этого замечания не было в общем протографе обеих редакций повести, и оно появилось только в Ипатьевской редакции.

После этого и в Ипатьевской, и в Лаврентьевской летописях идет *житие* князя Андрея Боголюбского. В Лаврентьевской летописи летописная статья об убийстве князя и его житие отделены друг от друга фразой: «...убьенье же его (Андрея Боголюбского. — *З. И.*) последи скажемъ» [ПСРЛ 1897, с. 348]. Такой прием летописца всегда говорит о вставном характере последующего текста. Этим последующим вставным текстом и является *житие Андрея Боголюбского*. Оно представляет собой самостоятельное произведение.

Начало жития вполне традиционное: «Сый благоверный и христьлюбивый князь Аньдрей отъ млады верьсты Христа возлюбивъ и Пречистую Его Матерь...» [Летопись, с. 395]. Но далее в житии содержатся такие подробные и достоверные сведения, что превращают его фактически в документальный отчет о церковно-строительной деятельности князя. Рассказывается о строительстве церкви в Боголюбове: «...церковь преславному Святыя Богородица Рожества, посреде города, камену, создавъ Боголюбомъ, и удивлю паче всихъ церквий... и украси ю иконами многоценьными, златомъ и каменемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ безъценьнымъ, и устрои е различными цятами и аспидными цатами украси, и всякими узорочьи удивлю, светлостью же некако зрети, зане вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоценьными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видевшие ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и всякою добродетелью и церковнымъ строеньемъ украшена, и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ златъ, с каменны

драгими, и репидии многоценьными, канделы различными, издну церкви отъ верха и до долу, и по стенамъ и по столпомъ ковано золотом, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бьашеть же и сень златомъ украшена отъ верха и до деисуса, и всею добродетелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью» [Летопись, с. 395].

Далее следует не менее подробный рассказ о каменном строительстве во Владимире, о сооружении, внутреннем и внешнем убранстве владимирской Успенской церкви: «Князь же Андрей бе городъ Володимеръ силно устроилъ, к нему же ворота золотая доспе, а другая серебромъ учини. И доспе церковь камену сборъную Святыя Богородица, пречудну велми, и всеми различными виды украси ю от злата и сребра, и 5 верхов ея позолоти, двери же церковныя трое золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоценьнымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и многими пониканделы золотыми и серебряными просвети церковь, а онъбонъ отъ злата и сребра устрои, а служебныхъ судъ и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а 3-е ерусалими велми велиции, иже от злата чиста, от камня многоценьна устрои, и всеми виды и устроеньемъ подобна быста удивлению Соломонове Святая Святыхъ; и в Боголюбомъ и в Володимере городе верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и пояс златом устрои, каменьемъ усвети и столп позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы золоты и кубкы и ветрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около. Посемъ же иньи церкви многы камены постави различные, и монастыре многи созда» [Летопись, с. 394–396].

Такая обстоятельность и подробность житийного рассказа явно указывает на его достоверность. Н. Н. Воронин, посвятивший повести об убийстве Андрея Боголюбского отдельное специальное исследование, отметил: «Ее (повесть. — *З. И.*) открывает не знающий себе равных в русском летописании текст о строительстве Андрея во Владимире и Боголюбове. Его подробность и документальность может быть сопоставлена только с позднейшим описанием построек Холма в Галицко-Волынской летописи. Так осветить примечательные детали владимирской архитектуры мог только свидетель сооружения этих храмов, человек, хорошо знавший весь состав их драгоценной утвари. Это, конечно, не пришелец, а владимирский старожил» [Воронин, с. 83].

Таким образом, автор жития князя Андрея Боголюбского использовал для своего произведения обычный агиографический образец, но внес в него столько детальных подробностей о церковно-строительной деятельности князя, что фактически изменил его жанр. *Житие* стало похоже на доку-

ментальный отчет. В то же время в нем отсутствуют некоторые элементы, необходимые для агиографического жанра: не сказано о родине и родителях князя Андрея, его детстве и юности, нет прижизненных и посмертных чудес, связанных с его личностью.

Исходя из этого житие Андрея Боголюбского нельзя признать типичным агиографическим памятником, как определил его жанр Н. И. Серебрянский. По мнению И. П. Еремина, это что-то среднее между житием и повестью — повесть, написанная в агиографическом стиле [Еремин, с. 85].

В Лаврентьевской летописи житие значительно сокращено [ПСРЛ 1897, с. 348—349]. Но в нем есть дополнительное указание о Владимирской Успенской церкви: «...в ней же чудотворная Мати Божия, к ней же вси хрестьяне съ страхомъ пририщюще и с верою исцеления приимають» [ПСРЛ 1897, с. 349]. Это указание может быть поздней вставкой. Но вполне возможно и то, что оно содержалось в изначальном тексте жития и было выпущено киевским летописцем как прославлявшее соперничавший с Киевом Владимир. На позднюю переработку жития в составе Ипатьевской летописи однозначно указывает известие о пяти верхах Владимирской Успенской церкви. В действительности церковь при Андрее Боголюбском была одноглавой, пятиглавой она стала только при его преемнике — князе Всеволоде Большое Гнездо.

После жития следует рассказ об убийстве князя Андрея Боголюбского. В Ипатьевской летописи он отделен от жития фразой: «Мы же на преднее възвратимся» [Летопись, с. 397]. «Преднее» — это летописная статья под 1175 г., в которой сказано об убийстве князя и о том, что он основал город Боголюбов. Летописец сказал, что теперь он переходит от *жития* к рассказу о самом убийстве. Вот этот рассказ: «Се же бысть въ пятницу, на обедни, съветь лукавы и пагубоубийственный. И бе у него Якимъ слуга възлюбленный имъ, и слыша отъ некого, аже брата его князь велел казнить, и устремися дьяволимъ научениемъ, и тече вопия къ братьи своей, къ злымъ съветникомъ, якоже Июда к Жидомъ, тьсняся угодити отцю своему сотоне; и почаша молвити: „день того казнилъ, а насъ завтра; а промыслимы о князе семъ“. — И совещаша убийство на ночь, якоже Июда на Господа. И пришедъши нощи, они же устремивъшеся поймавше оружья, поидоша на нь яко зверье сверъпии; и идушимъ имъ к ложници его, и прия е страхъ и трепеть и бежаша с сений, шедше в медушу и пиша вино; сотона же веселяшетъ е в медуши и служа имъ невидимо, попевая и крепя е, якожеся ему обещали бяхуть; и тако упивъшеся виномъ поидоша на сени» [Летопись, с. 397—398].

Этого рассказа нет ни в Лаврентьевской летописи, ни в других летописях XV—XVI вв. Он сохранился только в Ипатьевской летописи. В нем

названа причина убийства князя — казнь им одного из Кучковичей, брата Якима. В харатейных же летописях, по справедливому замечанию Н. М. Карамзина, «нет ни слова о причине злодейства» [Карамзин, стб. 11, примеч. 21]. Еще одна отличительная деталь рассказа Ипатьевской летописи — распятие заговорщиками вина в княжеской медуше, о чем более нигде не говорится.

Далее в Ипатьевской летописи читаем: «Началникъ же убийцамъ бысть Петръ Куцьковъ зять, Анбалъ Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучьковичъ, а всихъ неверныхъ убийць 20 числомъ, иже ся бяху сняли на оканный съветъ томъ дни у Петра у Кучкова зятя» [Летопись, с. 398].

Совсем неясно, зачем после того, как летописец сказал, что заговорщики «поидоша на сени», он стал называть их поименно, начиная с их «начальника». Логика рассказа требовала продолжения повествования — о приходе заговорщиков к княжеским покоям, вступлении их в покои, начале борьбы с князем и т. д. Но вместо всего этого мы читаем имена заговорщиков и *повторное* известие об их совете, на котором они решили убить князя. Складывается полное впечатление, что перед нами не продолжение прежнего рассказа, а *начало* нового.

Но это не самое его начало. *Самое* же начало отыскивается в Лаврентьевской летописи: «Убьенъ же бысть месяца июня в 29 день, на память святою апостолу Петра и Павла, в субботу на ночь» [ПСРЛ 1897, с. 350]. Далее — известный текст: «Началникъ же убийцамъ бысть Петръ Куцьковъ зять...» Соединенные части представляют собой связное, последовательное изложение. О том, что это *единый* текст, говорит его логичность и последовательность, а также то, что он в своем *цельном* виде обнаруживается в поздней — Львовской — летописи: «И убиенъ же бысть в субботу на ночь, месяца июня 29, на память святыхъ апостол Петра и Павла. Начальникъ же убийцамъ Петръ, Кучковъ зять...» — и далее — перечисление имен заговорщиков [ПСРЛ 1910, с. 128].

Итак, в составе Ипатьевской летописи обнаруживается не один, а *два самостоятельных отдельных* рассказа об убийстве князя Андрея Боголюбского. Первый рассказ является *уникальным* — нигде более не встречающимся, с указанием причины убийства Андрея Боголюбского, с явною отличительною деталью о распятии заговорщиками вина в княжеской медуше. Отыскать продолжения этого рассказа нам не удалось.

Второй рассказ имеет продолжение: «Постигъши бо ночи субботнии, на память святою апостолу Петра и Павла, возьмше оружье, яко зверье диви пришедшимъ имъ к ложници, идеже блаженный князь Андрей лежитъ...» [Летопись, с. 398]. Далее рассказывается о том, как заговорщики вломи-

лись в княжеский покой, как они боролись с князем и наносили ему удары мечами, саблями и копьями, как затем ушли, а еще живой князь смог выйти из покоев и добраться до сеней. «Они же слышавше гласъ (князя. — *З. И.*), возвратишася опять на нь. И стоящимъ имъ, и рече одинъ: „стоя видихъ яко князя идуща съ сений доловъ“; и рекоша: „смотрите его“; и текоша позорovati его, оже нетуть, идеже его отошли убивше; и рекоша: „то ть есме погибохомъ, вборзе ищите его“. И тако въжегъше свечи налезосоша и по крови. Князь же узревъ я идуща къ себе, и въздевъ руце на небо помолися Богу, глаголя... (далее — три весьма пространные молитвы князя. — *З. И.*). И то ему глаголавшу и моливъшюся о гресехъ своихъ к Богу, и седющю ему за столпомъ въсходнымъ, и надолзе ищющимъ его, и узреша и седяща яко агня непорочно, и ту оканъни прискочиша и, Петръ же отъя ему руку десную» [Летопись, с. 398–399].

Рассказ продолжается и далее содержит насыщенную и эмоциональную сцену с Кузмищей Киянином: «И тече на место Кузмище Киянинъ, оли нетуть князя, идеже убьенъ бысть; и почаша прошати Кузмище: „где есть убить господинъ?“ И рекоша: „лежить ти выволочень в огородъ; но не мози имати его, тако ти молвять вси, хочемы и выверечи псомъ; ожеса кто приметъ по нь, тотъ нашъ есть ворожьбить, а и того убьем“». И нача плакати надъ нимъ Кузмище: „господине мой! какое еси не очютилъ скверныхъ и нечестивых пагубоубийственныхъ ворожьбить своихъ, идущихъ к тебе, или како ся еси не домыслилъ победити ихъ, иногда побежая полкы поганыхъ Болъгаръ?“ и тако плакася и. И прииде Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключ держашеть у всего дому княжа, и надо всеми волю ему даль бяшеть, — и рече възревъ на нь Кузмище: „Амбале вороже! сверзи коверъ ли что ли, что постылати или чимъ прикрыти господина нашего“. И рече Амбалъ: „иди прочь, мы хотимъ выверечи псомъ“. И рече Кузмище: „о еретиче! уже псомъ выверечи? помнишь ли, жидовине, въ которыхъ порътехъ пришелъ бяшеть? ты ныне в оксамите стоиши, а князь нагъ лежитъ; но молютися, сверъзи ми чтолюбо“ — и сверже коверъ и корзно; и обертевь и, несе и въ церковь. И рече: „отомъкнете ми божницу“. И рекоша: „порини и ту въ притворе, печаль ти имъ“; уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: „уже тебе, господине, паробъци твои тебе не знаютъ...“ И тако положивъ и въ притворе у божници, прикрывъ и корзьномъ, и лежа ту два дни и ночи. На третий день приде Арьсений игумень святою Кузмы и Демьяна, и рече: „долго намъ зревшимъ на старейшие игумены, и долго сему князю лежати? отомъкнете божницу, да отпою надъ нимъ, вложимы и любо си в буди, любо си в гробъ, да коли престанеть злоба си, да тогда пришедъ из Володимеря и понесуть и тамо“» [Летопись, с. 400–401].

В Лаврентьевской летописи рассказ значительно сокращен. В нем опущены подробности, распространения, а также самые позорные для заговорщиков и церковников Боголюбова моменты, характеризующие их отношение к убитому князю, — вся сцена с Кузмищей Киянином, содержащая известие о том, что тело убитого князя заговорщики бросили в огород, а затем хотели бросить его псам; отказ боголюбских священников отворить церковь и принять убитого князя; известие о том, что они были пьяны, когда пришел Кузмище и принес тело князя в церковный притвор. Тело убитого князя два дня и две ночи лежало непогребенным в притворе, прикрытое только «корзном» (плащом). Все эти сцены были опущены владимирским летописцем вполне сознательно — чтобы смыть со своих сограждан позорное пятно непочтительного отношения к убитому государю.

Пропущен в Лаврентьевской летописи и намек на участие в заговоре владимирцев: заговорщики после убийства князя «скупыша полкъ, и послаша къ Володимерю: „ти што помышляете на насъ? а хочемъ ся с вами коньчати; не нас бо одинехъ дума, но и о васъ суть же в той же думе“» [Летопись, с. 400].

Рассказ заканчивается известием о грабежах княжеского имущества, причем известие это в Ипатьевской летописи дублируется, на что первым обратил внимание Д. С. Лихачев [Лихачев 1947, с. 243]. Сначала сказано кратко, с оттенком эмоциональности: «И разидошася и вьлегоша грабить, страшно зрети» [Летопись, с. 400]. Затем, после сцены с Кузмищей Киянином и известия о погребении князя, о грабежах говорится подробнее: «Горожане же Боголюбьци разграбиша домъ княжъ, и делатели, иже бяху пришли к делу, золото и серебро, порты и паволокы, имение, ему же не бе числа; и много зла створися в волости его...» [Летопись, с. 402].

В Лаврентьевской летописи о грабежах сказано только один раз — начиная со слов: «Горожане же Боголюбьскыи...» [ПСРЛ 1897, с. 351]. Краткого известия о грабежах в ней нет. Вспомним, что первого рассказа об убийстве Андрея Боголюбского в Лаврентьевской летописи также нет. Возможно поэтому, что краткое известие о грабежах, читаемое только в Ипатьевской летописи, является частью, осколком первого рассказа об убийстве князя, сохранившегося в той же летописи. Можно предположить, что в руках у составителя Ипатьевской летописи было *два* рассказа об убийстве князя Андрея, которые он комбинировал, но предпочтение отдавал второму рассказу. В руках у составителя Лаврентьевской летописи либо не было первого рассказа об убийстве князя, либо он был, но летописец проигнорировал его полностью.

Рассказ о перенесении тела убитого князя из Боголюбова во Владимир в Ипатьевской летописи также содержит эмоциональную сцену: «И бысть по мале времени, и поча выступати стягъ отъ Боголюбого, и людье не мо-гоша ся нимало удержати, но вси вопьяхуть, от слезъ же не можаху про-зрити, и вопль далече бе слышати. И поча весь народъ плача молвити: „уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми ворота, ихъ же делать послалъ бяше той церкви на велицемъ дворе на Ярославле, а река: хочю создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будетъ память всему отечеству моему?“ и тако плакася по немь весь градъ» [Летопись, с. 402–403].

Рассказ этот является вставкой. Перед ним читаем: «И створи тако Феодуль игумень... с Володимерце ехаша по князь во Боголюбое, и взявше тело его привезоша Володимерю, со честию, с плачемъ великымъ» [Летопись, с. 402]. А после него: «И спрятавше тело его съ честию и с писньми благо-хвалными, положиша его... у святое Богородице Златоверхой, юже бе самъ создалъ» [Летопись с. 403]. Таким образом, получается связный логический текст. В этот текст и был включен наш рассказ.

В Лаврентьевской летописи этого рассказа нет, а читается только крат-кое известие о погребении Андрея Боголюбского: «Феодуль же игумень (...) с Володимерци ехаша по князя в Боголюбое, и взявше тело его в 5 день, в четвертокъ, привезше его в Володимерь с честию, положиша и... у святыхъ Богородици Златоверхое, юже бе самъ создалъ» [ПСРЛ 1897, с. 351].

Это подтверждает вывод А. Н. Насонова о существовании общего про-тографа повести об убийстве Андрея Боголюбского: в Лаврентьевской лето-писи этот протограф сокращался, а в Ипатьевской, наоборот, дополнялся. Но в данном случае можно говорить о протографе не всей повести, а только одного рассказа об убийстве князя.

Вполне понятно, почему в Ипатьевской летописи читается рассказ о плаче владимирцев, которые в своем плаче-причитании сравнивали Вла-димирскую церковь с киевскими Золотыми воротами. Это сравнение про-славляло стольный град Киев — и, заметим, *устами владимирцев!*

Затем следует завершение — в житийном стиле: «Радуешися, Андрею, княже великий... молися помиловати братью свою...» [Летопись, с. 403]. В Лаврентьевской летописи окончание немного другое: «Радуешися, Ан-дрею, княже великий... молися помиловати князя нашего и господина Все-волода... съ княгынею и съ благородными детми» [ПСРЛ 1897, с. 352]. Упоминание имени князя Всеволода Большое Гнездо, его княгини и детей — вставка владимирского летописца. В Летописце Переславля Суздальского

вместо имени Всеволода читаем имя переяславского князя Ярослава Всеволодовича [ПСРЛ 1995, с. 101].

Анализируя житие Андрея Боголюбского и рассказ о его смерти в составе Лаврентьевской летописи, замечаешь какое-то *равнодушие* местного летописца к убитому князю, его церковно-строительной деятельности, даже причина убийства князя не названа им (в отличие от южного летописца); в суздальской летописи, как верно заметил Н. М. Карамзин, «не сказано даже и того, чтобы владимирцы оплакивали великого князя» [Карамзин, стб. 13, примеч. 21]. И наоборот — заметно стремление суздальского летописца выгородить боголюбцев и владимирцев, скрыть путем *умолчания* неблагоприятные их поступки — возможное участие в заговоре, оставление тела убитого князя непогребенным в течение двух дней и ночей, намерение заговорщиков бросить тело князя псам и равнодушие к этому жителей Боголюбова, пьянство боголюбских священников и их отказ принять и отпеть тело убитого князя.

За всем этим вырисовывается определенная архивная и интеллектуальная деятельность в столичных городах Древней Руси: собрание и хранение произведений церковно-житийного и светского характера, использование их в местном летописании, каких-то — полностью, каких-то — частично, комбинирование их (отсюда — повторы в летописных статьях и повестях), приспособление их к политическим интересам местных феодальных центров.

Подведем итог. Повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского, дошедшая до нас в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, является сложносоставным произведением. Она включает в себя не одно, а три произведения: житие князя и два рассказа о его убийстве. Житие представляет собой не традиционный агиографический памятник, а повесть, написанную в житийном стиле. Первый рассказ об убийстве князя дошел до нас не полностью — сохранились только его начало и отдельный фрагмент, в котором говорится о грабежах княжеского имения. Этот рассказ является уникальным и, кроме Ипатьевской летописи, нигде более не встречается. Только в нем названа причина убийства князя. Второй рассказ об убийстве князя сохранился полностью и читается как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях. Составители этих летописей приспособляли имевшиеся в их руках житие и рассказы об убийстве князя к местным политическим обстоятельствам, исключали из них те известия, которые в невыгодном свете представляли их сограждан, или же умаляли значение местного феодального центра в сравнении с центром-соперником. Они также дополняли их вставками, прославлявшими их родной стольный град — Киев или Владимир.

Литература

- Адрианова-Перетц — *Адрианова-Перетц В. П.* О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI–XV вв.) // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1960. Т. 16. С. 5–35.
- Бестужев-Рюмин — *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб.: Изд. Д. И. Кожанчикова, 1872. Т. 1. 480 с.
- Бурыкин — *Бурыкин А. А.* К текстологии «Повести об убиении Андрея Боголюбского»: Проблемы хронологии двух редакций Повести и оценка вклада автора — зодчего Кузьмища Киянина в варианты текста Повести // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3, вып. 2 (10). С. 5–13.
- Вилкул — *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*. Cambridge, Massachusetts, 2005. Vol. 13, № 1. С. 21–80.
- Воронин — *Воронин Н. Н.* Повесть об убийстве Андрея Боголюбского // История СССР. 1963. № 3. С. 79–98.
- Гиппиус, Михеев — *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* «Убийцы великого князя Андрея»: надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 63–102.
- Еремин — *Еремин И. П.* Киевская летопись как литературный памятник // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 67–97.
- Зиборов — *Зиборов В. К.* Русское летописание XI–XVIII веков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 512 с.
- Карамзин — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.: Книга, 1988. Кн. 1, т. 1–4. XVII, с., 1342 стб. разд. паг.
- Ковалев — *Ковалёв А.* Убийство Андрея Боголюбского и его освещение в памятниках летописания // *Електронны навуковы часопіс SCRIPTORIUM: Гісторія старажытнага свету і сярэдніх вякоў*. Мінск, 2010. № 2 (6). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91494>
- Колесов — *Колесов В. В.* Повесть об убиении Андрея Боголюбского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л.: Наука, 1987. Вып. 1: (XI — первая половина XIV в.). С. 365–367.
- Кривошеев — *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 240 с.
- Летопись — *Летопись по Ипатскому списку*. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1871. IX, 616, 33, 28, 12 с.
- Лихачев 1947 — *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
- Лихачев 1983 — *Лихачев Д. С.* Текстология. Л.: Наука, 1983. 640 с.
- Насонов — *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М.: Наука, 1969. 555 с.
- Приселков — *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
- ПСРЛ 1897 — ПСРЛ. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1897. Т. 1: Летопись по Лаврентьевскому списку. 633 с.
- ПСРЛ 1910 — ПСРЛ. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1910. Т. 20: Львовская летопись, ч. 1. 418 с.

- ПСРЛ 1995 — ПСРЛ. М.: Археографический центр, 1995. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). 184 с.
- Рыбаков — *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 520 с.
- Серебрянский — *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М.: Синод. тип., 1915. IV, 186, VI с.
- Тихомиров — *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. 478 с.
- Филипповский — *Филипповский Г. Ю.* «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и русско-чешские литературные связи раннего периода // *Československa rusistika*. 1986. Roč. 31, № 1. S. 11–17.
- Хрущов — *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях: XI–XII столетие. Киев: Университетская тип., 1878. X, 212 с.
- Шахматов — *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 372 с.

References

- Adrianova-Peretts, V. P. (1960). 'O realiticheskikh tendentsiyakh v drevnerusskoi literature (XI–XV veka)', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Nauka. Vol. 16, 5–35.
- Bestuzhev-Ryumin, K. N. (1872). *Russkaya istoriya*. Saint Petersburg: Izdanie D. I. Kozhanchikova. Vol. 1, 480 p.
- Burykin, A. A. (2017). 'K tekstologii "Povesti ob ubienii Andreya Bogolyubskogo": Problemy khronologii dvukh redakcii Povesti i otsenka vklada avtora — zodchego Kuz'mishcha Kiyarina v varianty teksta Povesti', *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Seriya "Filologicheskie nauki i kul'turologiya". Vol. 3, 2 (10), 5–13.
- Eremin, I. P. (1949). 'Kievskaya letopis' kak literaturnyi pamyatnik', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 7, 67–97.
- Filippovskii, G. Y. (1986). "'Povest' ob ubienii Andreya Bogolyubskogo' i russko-cheshskie literaturnye svyazi rannego perioda", *Československa rusistika*. Vol. 31, 1, 11–17.
- Gippius, A. A., Mikheev, S. M. (2020). "'Ubijcy velikogo knyazyza Andreya": nadpis' ob ubiistve Andreya Bogolyubskogo iz Pereslavlya-Zalesskogo', *Slověne*. Vol. 9, 2, 63–102.
- Karamzin, N. M. (1988). *Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo*. Moscow: Kniga. Vol. 1, 1–4. XVII p.+1342 col. pag. var.
- Khrushchov, I. P. (1878). *O drevneishikh istoricheskikh povestyakh i skazaniyakh: XI–XII stoletie*. Kiev: Universitetskaya tipografiya, X+212 p.
- Kolesov, V. V. (1987). 'Povest' ob ubienii Andreya Bogolyubskogo', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad: Nauka. Vol. 1 (XI — pervaya polovina XIV veka), 365–367.
- Kovalyov, A. (2010). 'Ubiistvo Andreya Bogolyubskogo i ego osveshchenie v pamyatnikakh letopisaniya', *Elektronny navukovy chasopis SCRIPTORIUM: Gistoryya starazhytnaga svetu i syarednikh vyakov* (Minsk), 2 (6). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91494>
- Krivosheev, Y. V. (2003). *Gibel' Andreya Bogolyubskogo. Istoricheskoe rassledovanie*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 240 p.

- Letopis' po Ipat'skomu spisku* (1871). Saint-Petersburg: Izdanie Arkheograficheskoi komissii, IX+616+33+28+12 p.
- Likhachev, D. S. (1947). *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie*. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 499 p.
- Lihachev, D. S. (1983). *Tekstologiya*. Leningrad: Nauka, 640 p.
- Nasonov, A. N. (1969). *Istoriya russkogo letopisaniya XI — nachala XVIII vekov*. Moscow: Nauka, 555 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 1. Letopis' po Lavrent'evskomu spisku* (1897). Saint Petersburg: Izdanie Arheograficheskoi komissii, 633 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 20. L'vovskaya letopis'* (1910). Saint Petersburg: Izdanie Arheograficheskoi komissii. Pt. 1, 418 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 41. Letopisets Pereslavl'ya Suzdal'skogo (Letopisets russkikh tsarei)* (1995). Moscow: Arkheograficheskii tsentr, 184 p.
- Priselkov, M. D. (1996). *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vekov*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 325 p.
- Rybakov, B. A. (1972). *Russkie letopistsy i avtor "Slova o polku Igoreve"*. Moscow, 520 p.
- Serebryanskii, N. I. (1915). *Drevnerusskie knyazheskie zhitiya* (Obzor redaktsii i teksty). Moscow: Sinodal'naya tipografiya. Pt. 1, IV+186+VI p.
- Shakhmatov, A. A. (1938). *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XV vekov*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 372 p.
- Tikhomirov, M. N. (1956). *Drevnerusskie goroda*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 478 p.
- Vilkul, T. L. (2005). 'O proiskhozhdenii obshchego teksta Ipat'evskoi i Lavrent'evskoi letopisi za XII vek (predvaritel'nye zametki)', *Palaeoslavica*. Cambridge, Massachusetts. Vol. 13, 1, 21–80.
- Voronin, N. N. (1963). 'Povest' ob ubijstve Andrey'a Bogolyub'skogo', *Istoriya SSSR*, 3, 79–98.
- Ziborov, V. K. (2002). *Russkoe letopisanie XI–XVIII vekov*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 512 p.

З. Н. Исидорова

«ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ» НОВГОРОДА В РАННИХ НОВГОРОДСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПАХОМИЯ ЛОГОФЕТА

Резюме

В конце 1430-х гг. Пахомий Логофет (Пахомий Серб) написал по заказу новгородского архиепископа Евфимия II два цикла текстов для местных новгородских церковных праздников: один для дня памяти основателя и первого игумена Хутынского монастыря Варлаама (Хутынский цикл), другой для празднования иконе Богородицы «Знамение», с которой связана легенда о чудесной победе новгородцев над осадившим Новгород зимой 1169–1170 гг. суздальским войском (Знаменский цикл). В обоих циклах есть высказывания, декларирующие некоторые аспекты политической независимости Новгорода. Сопоставление этих «декларативных» фраз из текстов Пахомия с подобной фразой из анонимного «Слова о знамени», которое было основным источником Пахомия при написании Знаменского цикла, показывает, что Пахомий не сохранил декларируемое в «Слове» обоснование права Новгорода на владение территориями санкцией Бога, но уделил особое внимание вопросу о верховной власти над Новгородом. Я предлагаю связать это наблюдение с содержанием остального текста Знаменского цикла, где Пахомий утверждает, что Новгород находится под защитой Бога и Богородицы, и делает акцент на исключительном статусе архиепископа как посредника между Богом и жителями Новгорода. Опираясь на наши знания о политической деятельности архиепископа Евфимия II и тенденциях, отразившихся в новгородских летописях, я высказываю предположение, что вероятной задачей, которую решал Пахомий при создании Знаменского цикла, была легитимация власти архиепископа как главы независимой Новгородской республики.

Ключевые слова: Пахомий Логофет, Пахомий Серб, Новгород, архиепископ Евфимий II, средневековый город, политическая идеология, легитимация власти, республика, теократия, политический язык, риторика

Zoia N. Isidorova

THE “DECLARATIONS OF INDEPENDENCE” OF NOVGOROD IN EARLY NOVGORODIAN TEXTS BY PACHOMIUS LOGOTHETES

Abstract

At the end of the 1430s, Archbishop Evfimii II of Novgorod commissioned Pachomius Logothetes (the Serb) to compose two cycles of texts for the two local religious feasts — the feast of the Novgorodian icon of Our Lady of the Sign (“Znamenie”), associated with the legend of the miraculous rescue of Novgorod from the besieging army of Grand Prince Andrei of Suzdal in 1169–1170, and the feast of St. Varlaam Khutynskii. Both cycles contain statements that express some aspects of political independence of Novgorod. I compare these declarative phrases from Pachomius’s texts with a similar phrase in the anonymous “Slovo o znamenii”, which was the main source for Pachomius’s *Znamenskii* cycle. This comparison shows that Pachomius did not retain the notion that the Novgorodian right to territories was divinely sanctioned. Instead, he paid special attention to different aspects of political power: the political independence of Novgorod, the right of the Novgorodians to invite and expel princes, and the duties of such a prince. I argue that these observations are connected with the main ideas of the rest of the *Znamenskii* cycle where Pachomius presents the Mother of God and even God himself as protectors of Novgorod and emphasizes the exceptionally high status of Archbishop Ioann as an agent who conveys the will of God to the people of Novgorod. Considering what we know about Archbishop Evfimii’s II political activities and the ideological trends that are revealed in the Novgorodian chronicles, I suggest that the task that Pachomius had likely in mind when composing the *Znamenskii* cycle was the legitimation of the power of the archbishop in his capacity as the head of the independent Novgorod republic.

Keywords: Pachomius Logothetes, Pachomius the Serb, Novgorod the Great, Archbishop Evfimii II of Novgorod, medieval city, political ideology, political legitimacy, republic, theocracy, political language, rhetoric

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-38-55

В конце 1430-х гг. Пахомий Логофет (Пахомий Серб) написал по заказу новгородского архиепископа Евфимия II два цикла текстов для местных новгородских церковных праздников: один — для дня памяти основателя и первого игумена Хутынского монастыря Варлаама (далее — Хутынский цикл), другой — для праздника в честь иконы Богородицы «Знамение», связанного с легендой о чудесной победе новгородцев над осадившим Новгород зимой 1169/70 гг. суздальским войском (далее — Знаменский цикл). Оба цикла сохранились в автографах Пахомия в сборнике-конволюте № 429

из Софийского собрания РНБ (далее — Соф. 429)¹. И в том и в другом цикле есть высказывания, в которых языком, хорошо знакомым исследователям по летописным и дипломатическим источникам, декларируются некоторые положения, касающиеся политического статуса Новгорода; далее я буду называть их «декларативными высказываниями» или «декларативными фразами». В Знаменском цикле такие высказывания находятся в начале краткого повествовательного текста под названием «Воспоминание знамени бывша иконою Прѣчистие Владычице наше Богородице въ Великом Новѣградѣ»² (л. 171 об., далее — «Воспоминание»), который предназначался для чтения на утрени после 6-й песни канона, а также в начале второй (повествовательной) части Похвального слова. Выглядят эти фразы так: «Житие проходящимъ человекомъ Великаго Новаграда, самовластно и никымъ же обладаемъ, нь якоже више рѣхомъ владеще областию своею, якоже и лѣпо бѣ, и кнеза имѣюще отъ инихъ странъ призванаго, въ отмъщение съпротивнимъ» («Воспоминание», л. 171 об.—172); «Великы Новѣград самовластьнь и никымъ же обладаемъ» (Похвальное слово Знамению, л. 188). В Хутыньском цикле декларативная фраза находится в начале одной из главок Жития Варлаама Хутыньского (прижизненное чудо о новгородском князе): «Бѣ бо, рече, тогда кнезь въ Великомъ Новѣграде, якоже обичаи есть того града гражданамъ, своею волею кнеза дръжеще въ омыщение съпротивнимъ» [Карбасова, Левшина, Шибаев, с. 192 (л. 36 об.)]³.

В силу эксплицитности своего политического содержания и языка декларативные высказывания в текстах Знаменского цикла Пахомия уже привлекали внимание исследователей политической идеологии Новгорода, и те фрагменты текстов, о которых здесь пойдет речь, не раз становились предметом анализа [Севастьянова, с. 350—351; Агафонов, с. 16—17; Лукин 2021, с. 67—68]. Однако неточности в прочтении и интерпретации этих фраз, а то и ошибки, возникшие вследствие атрибуции Пахомию тех или иных подоб-

¹ По комплексу филиграней и лингвистических особенностей исследователи датируют автографы Пахомия в этой рукописи ранним периодом пребывания сербского книжника в русских землях, то есть концом 30-х — началом 40-х гг. XV в. [Карбасова, Левшина, Шибаев, с. 173—180]. О составе, датировке и атрибуции текстов Знаменского цикла Пахомию Логофету см.: [Карбасова, Исидорова, с. 254—258].

² Тексты Знаменского цикла здесь и далее цитирую по автографу Пахомия в Соф. 429, ссылки на номера листов даются без указания шифра рукописи. Цитаты приводятся в упрощенной орфографии, но с сохранением некоторых особенностей правописания Пахомия, титла раскрываются.

³ Житие Варлаама Хутыньского цитирую по публикации, выполненной Т. Б. Карбасовой [Карбасова, Левшина, Шибаев, с. 190—196], в круглых скобках указан номер листа в автографе Пахомия в Соф. 429.

ных высказываний в позднейших редакциях этих текстов, заставляют еще раз обратиться к ним. Точность здесь тем более важна, что именно декларативные фразы открывают повествовательные части Знаменского цикла, образуя своего рода зачин для пахомиевской версии знаменской легенды, и их содержание не безразлично как для понимания религиозно-политической концепции цикла⁴ и его драматургии, так и для формирования нашего представления о политической идеологии архиепископа Евфимия II в целом. В связи с этим я предлагаю рассматривать декларативные фразы Знаменского цикла в контексте идейного содержания всего цикла, а не изолированно от него, как это обычно делали. Кроме того, необходимо привлечь к исследованию и декларативную фразу из Жития Варлаама Хутынского, остававшуюся до сих пор без внимания.

Чтобы верней оценить идейное своеобразие декларативных высказываний в ранних новгородских циклах Пахомия, я, как и другие исследователи, буду сопоставлять их с подобной фразой в «Слове о знамени» — первом известном нам изложении знаменской легенды, написанном анонимным автором, вероятно, при архиепископе Иоанне, в самом конце XIV в. [Севастьянова, с. 261–264]. «Слово» представляет собой краткий повествовательный текст, предназначенный для чтения в церкви на праздник Знамения. Три самых ранних списка «Слова» датируются первой третью XV в., то есть временем до написания Знаменского цикла Пахомием [Лосева, с. 202]. Это списки в рукописях: ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 325 (далее — Увар. 325), РНБ. Ф.п.І.48 (список неполный из-за утраты листа в рукописи; далее — Ф.п.І.48) и РНБ. Софийское собр. № 396 (далее — Соф. 396). Текст «Слова» по этим спискам был опубликован О. В. Лосевой [Лосева, с. 328–334]. «Слово» было основным источником Пахомия при написании Знаменского цикла. Пахомиевское «Воспоминание» очень близко воспроизводит текст «Слова» [Дмитриев, с. 111–126], но при этом в ряде существенных моментов отличается от него. Список в Прологе Ф.п.І.48 наиболее близок тексту пахомиевского «Воспоминания», поэтому «Слово о знамени» я цитирую по этому списку и при необходимости указываю также существенные различия в Соф. 396. Помимо «Слова о знамени», я буду сопоставлять содержание декларативных фраз в Знаменском и Хутынском циклах Пахомия с идеями, выявленными исследователями в летописных и дипломатических текстах конца XIV — первой половины XV в.

---

⁴ Основные тезисы моей интерпретации этой концепции были представлены в докладе на заседании Отдела древнерусской литературы 29 марта 2023 г. (https://www.youtube.com/watch?v=t-BEGo_9cZg). Подробнее она будет изложена в готовящейся к печати статье.

В своем недавнем исследовании республиканской риторики в Древней Руси П. В. Лукин отметил две основные тенденции в развитии политической идеологии Новгорода в период после монгольского нашествия и до конца новгородской независимости. Наиболее заметно, по мнению историка, проявлялась тенденция к закреплению в новгородских текстах представления о Новгороде как «отчине» владими́ро-суздальских князей, потомков Ярослава Всеволодовича [Лукин 2021, с. 65–66]⁵. Но была и противоположная тенденция, которая отражала стремление «вернуться к представлению о Новгороде как об „отчине“ самих новгородцев». Она выражалась в утверждении фактов самостоятельности Новгорода. Проявления именно этой тенденции Лукин обнаруживает в процитированных выше декларативных фразах из «Слова о знаменнии» и из «Воспоминания» и Похвального слова Знамению Пахомия Логофета. Другие варианты той же тенденции представлены, по мнению Лукина, в альтернативных легендах о начале Новгорода и первых его правителях, не связанных с родом Рюриковичей («варяжская» легенда и предание о первом посаднике Гостомысле), а также в договоре Новгорода с польским королем Казимиром IV (1471 г.), где полностью отсутствует «отчинная» терминология [Лукин 2021, с. 67–68]. Несмотря на убедительную аргументацию общих выводов у Лукина его суждения о текстах, посвященных Знамению, требуют уточнения, тем более что проблемы с интерпретацией некоторых особенностей декларативных фраз в Знаменском цикле Пахомия признает и сам историк [Лукин 2021, с. 68].

Рассмотрим сперва декларативную фразу из «Слова о знаменнии»: «Сиде живущимъ новгородьцемъ и владѣюще своею областью (вар: «областми по своей волѣ» — Соф. 396, л. 1 об.), *якоже имъ Богъ поручилъ*, а князя держажу *по своей воли*» (Ф.п.1.48, л. 122). Можно безусловно согласиться с Лукиным в том, что в этой фразе «под „новгородцами“, владевшими подчиненными им территориями, понимаются жители концов, т. е. (...) новгородское политическое сообщество, состоявшее из членов городских территориальных организаций» [Лукин 2021, с. 67]. Однако утверждение, будто здесь выражено «представление о том, что новгородская „воля“ имеет своим источником не древних или современных князей, а Бога» [Там же], на мой взгляд, не соответствует сказанному в этой фразе, поскольку Божественное

---

⁵ К выводу о том, что почтительное отношение к великокняжеской власти проявлялось в политике новгородских архиепископов вплоть до самого конца периода независимости Новгорода, пришла и О. В. Севастьянова [Севастьянова, с. 323–328].

«поручение» относится в ней к владению территориями, а не к «вольности в князьях»⁶. О волеизъявлении Бога относительно политического управления самих новгородцев, как, впрочем, и вообще о каком-либо источнике новгородского самоуправления здесь ничего не сказано.

К такому же неверному, с моей точки зрения, выводу о том, что в этой фразе говорится о связи «самовластья» Новгорода с Божьей волей, пришла и О. В. Севастьянова. При этом она ошибочно приписала эту фразу и Пахомию [Севастьянова, с. 350–351], будучи уверенной в том, что публикация текста «Воспоминания» в сборнике «Сказания Новгорода Великого (IX–XIV вв.)» [Сказания, с. 324–331], которой она пользовалась, воспроизводит текст в редакции Пахомия, в то время как в этом издании была опубликована одна из позднейших редакций «Воспоминания», названная Л. А. Дмитриевым — на мой взгляд, крайне неудачно — «полной». В этой редакции текст Пахомия был частично заменен или дополнен фрагментами из «Слова о знаменнии» [Дмитриев, с. 111, 115–128, 282–284], и ключевые для исследования Севастьяновой фразы, которые она цитирует в своей книге, принадлежат именно «Слову», а в авторском тексте Пахомия отсутствуют.

Сопоставление декларативных фраз «Слова о знаменнии» с таковыми в текстах Пахомия обнаруживает существенные различия.

«Слово о знаменнии»	«Воспоминание»	Похвальное слово Знамению	Житие Варлаама Хутынского
Сиче живущимъ новгородьцемь	Житие проходящимъ человекомъ Великаго Новаграда, <i>самовластно и никымъ же обладаеми,</i>	Великы Новьград <i>самовластьнь и никымъ же обладаемъ</i>	
и владбюще своєю областью, <i>якоже имъ Богъ поручилъ,</i>	нь якоже више рѣхомъ владеще областью своєю, <i>якоже и льпо бѣ,</i>		

⁶ Формула «вольность в князьях» или «вольности в князьях» используется в историографии для обозначения права новгородцев приглашать и изгонять князей. Формула основана на фразах из Новгородской первой летописи, где идет речь об этом праве, как в обращении к новгородцам князя Мстислава Мстиславича Удатного в статье под 6723 г.: «...а вы вольни въ кнезѣхъ» [ПСРЛ, с. 53, 252]. О развитии в летописании «риторики вольности» и другие примеры подобных фраз см.: [Лукин 2021, с. 48–56].

а князя державу по своеи воли	и кнеза имѣюще от иних странъ при- званаго, въ отмъ- щение съпротивним	якоже обичаи естъ того града гражда- номъ, своею волею кнеза дрѣжше въ омъщение съпро- тивнимъ
----------------------------------	---	---

Лукин, безусловно, прав в том, что в декларативных фразах в «Воспоминании» и Похвальном слове Пахомий существенно развил тему самоуправления новгородской политической общины: если в «Слове о знаменнии» просто сообщается о зависимости князя от воли новгородцев, но при этом никак не оговаривается объем его власти, то в «Воспоминании» Пахомий подчеркивает независимость Новгорода от кого бы то ни было⁷, акцентирует иностранное происхождение призываемого новгородцами князя и разъясняет, что единственная цель, ради которой его приглашают, — организация обороны, что имплицитно подразумевает отсутствие у такого князя власти над Новгородом [Лукин 2021, с. 67–68]. Сходную тенденцию можно видеть и в декларативной фразе в Житии Варлаама Хутынского, где Пахомий соединил формулировку новгородской вольности по отношению к князьям из «Слова о знаменнии» с тем же, что в «Воспоминании», указанием на ограниченность полномочий князя делами обороны (происхождение князя не указано), причем если в «Воспоминании» об источнике этой новгородской «воли» ничего не сказано, то в декларативной фразе в Житии Варлаама такое положение дел прямо обосновано традицией («якоже обичаи естъ»).

Таким образом, ни в «Слове о знаменнии», ни в текстах Пахомия новгородская вольность по отношению к князьям не связывается с Божественной волей. Единственное упоминание о Боге присутствует, как мы видели, только в «Слове о знаменнии», и относится оно к праву на владение землями («владѣюще своею областью, *якоже имъ Богъ поручилъ*»). Пахомий же обосновал право на управление территориями и право собирать с них дань не Божественным установлением, а обычаем, точнее подобающим образом действий: «владеще областью своею *якоже и льно бѣ*» (л. 172). Фразу

⁷ Заметим появление в этом контексте лексем «самовластно», «самовластьнь» — однокоренных слов с одним из вариантов перевода греческого слова αὐτοκράτωρ — «самовластецъ», известного, например, по Ипатьевской летописи, которая этим словом описывает притязания все того же князя Андрея Боголюбского [Филушкин, с. 56–57]. Использование производных от другого варианта перевода слова αὐτοκράτωρ — наречия и прилагательного «самодержавно(е)» — для характеристики независимого положения Сербии в сербских житиях святых отмечено Г. А. Острогорским [Кршлянин, с. 164–165].

«якоже лѣпо бѣ» Пахомий использует в «Воспоминании» еще раз, когда говорит о действиях протодьякона и клирошан Софийского собора, посланных архиепископом за иконой в церковь Спаса на Ильине улице: «и поклоньшися, *якоже лѣпо бѣ*» (л. 174 об.). Таким образом, это выражение Пахомий употребляет для описания обычных, подходящих в определенной ситуации действий. В том, что замену фразы «якоже имѣ Богъ поручилъ» на фразу «якоже лѣпо бѣ» произвел именно Пахомий, сомневаться не приходится, поскольку первая присутствует во всех трех старейших списках «Слова». И замена эта, безусловно, не случайна, поскольку упоминание обычая в описании отношений Новгорода с подчиненными ему территориями Пахомий добавил и в следующий за декларативными фразами рассказ о событиях в Двинских землях: «Едина от власти града того, Двина глаголемаа, отметнувшись убо *обычную* дань даати Новуграду»; «новоградци же съвѣщавшися, даньника *по обычаю* на прѣдречную Двину послаша» (л. 172). В «Слове о знаменнии» обычай в аналогичных фразах не упоминается: «В то же время двинянь не хотяху дани давати Новугороду»; «Новгородци же послаша на Двину данника, Даньслава Лазутиница» (Ф.п. I.48, л. 122). Таким образом, Пахомий по какой-то причине считал необходимым исключить Бога из отношений Новгорода с зависимыми территориями и настаивать на том, что эти отношения основывались на обычае.

Отмечая акцент на обычае в тексте Пахомия, Лукин утверждает, что «эта концепция явно была полемически заострена против идеи о Новгороде как о княжеской отчине» [Лукин 2021, с. 68]. Действительно, ссылаясь на обычай, Пахомий настаивает на том, что в конфликте вокруг двинской дани новгородцы были в своем праве, а «попытки князей вмешаться в установленный порядок обычай нарушают» [Лукин 2021, с. 67]. Это, однако, не объясняет, почему Пахомий удалил упоминание о Божественном установлении права новгородцев на владение «своею областью». Справедливо предполагая, что Пахомий, скорее всего, умышленно изменил текст декларативной фразы в «Воспоминании», Лукин недоумевает о причине такого изменения, поскольку, по его мнению, «Пахомий Логофет только усиливал религиозно-назидательную направленность текста с помощью, по характеристике В. Водова, „цветистой и напыщенной риторики“» [Лукин 2021, с. 68]. Однако такое представление о характере работы Пахомия нельзя признать верным, а то содержательное отличие Похвального слова Пахомия от «Слова о знаменнии», которое сам Водов называет «новым взглядом на события», а именно тот факт, что «автор настаивает на общеновгородском характере покровительственного культа Марии» [Vodoff, p. 7], отражает лишь часть произведенных Пахомием изменений. Более показательным в этом

случае является полнотекстовое сравнение «Воспоминания» со «Словом о знамении», поскольку эти произведения наиболее близки друг другу. Такое сравнение обнаруживает у Пахомия целый ряд пропусков или коррекций, которым подверглись в числе прочего и риторически обставленные упоминания о проявлениях Божественного вмешательства. Наиболее заметный пример — исключение целого риторического пассажа, в котором чудо истечения слез от иконы истолковывается как молитва Богородицы. Изменения несомненно, не были случайными: пропущенные в «Воспоминании» фрагменты отсутствуют также и в Похвальном слове, а при сопоставлении фрагментов, которые Пахомий отверг, с теми, которые он добавил в свои тексты, становится очевидна их идейная несовместимость [Агафонов, с. 17–19; Исидорова, с. 208–209 и примеч. 9; Карбасова, Исидорова, с. 258–268]. Характер внесенных Пахомием изменений говорит, на мой взгляд, не только о стремлении усилить «религиозно-назидательную направленность текста», чего, впрочем, отрицать тоже никак нельзя, но прежде всего о желании что-то поменять в его идеологической концепции. То же можно сказать и о различиях между пахомиевским Житием Варлаама Хутынского и более ранним, известным в списках начала XIV в. проложным Житием этого святого⁸.

Как мы видели, Пахомий обосновывает и новгородскую вольность по отношению к князьям, и право на земли исключительно обычаем, при этом очевидно, что тема новгородской «воли» получает в его текстах приоритет: он усиливает ее, вводя детали, которые подчеркивают ограниченный характер полномочий князя, в то время как тема владения территориями теряет свое сакральное значение — Божественная санкция утрачивается в пользу обычая — и никак не развивается. О том, что территориальный конфликт не играл большой роли в идеологической концепции Знаменского цикла, говорят и другие факты, прежде всего то обстоятельство, что в Похвальном слове Пахомий вообще обошелся без всей двинской части истории — там причиной конфликта названа зависть великого князя к богатству и независимости Новгорода, а не желание наказать новгородцев за разгром великокняжеского войска на Двине. Песнопения Службы Знамения вторят этой трактовке: территориальные споры, как и победа новгородцев в битве за Двинские земли, там совсем не упоминаются. Примечательно также, что, воспроизводя в «Воспоминании» рассказ «Слова о знамении» о победе новгородцев над суздальским войском на Двине, Пахомий опустил столь обыч-

⁸ Проложное Житие Варлаама Хутынского по Прологу первой трети XIV в. (РГАДА. Ф. 381 (Типографское собр.). № 157) с разночтениями по другим прологам XIV — первой трети XV в. опубликовано Лосевой [Лосева, с. 319–324].

ную в летописных рассказах о военных победах фразу «и пособи Богъ новгородцемъ», которая предваряет в «Слове» подсчеты павших в битве (Ф.п. I.48, л. 122). Учитывая все изложенное выше, можно предположить, что и это едва ли было случайным. Скорее всего, здесь, как и в декларативной фразе, Пахомий, в отличие от «Слова о знамении», предпочел не «впутывать» Бога в территориальные отношения новгородцев.

Представляется наиболее вероятным, что эти тенденции сигнализируют об идеологически обусловленной смене объекта внимания по сравнению с аналогичными декларациями в «Слове о знамении». По-видимому, для анонимного автора «Слова» было важно утвердить право новгородцев на владение территориями, когда это право оказалось под угрозой из-за отказа населения Подвинья (двинян) платить дань и великий князь попытался воспользоваться этим, чтобы распространить свою власть на эти земли. Лишь вторым «столпом» политического устройства Новгорода «Слово» объявляет «волю» по отношению к князьям. Вероятно, на такую расстановку приоритетов повлияли исторические обстоятельства, с которыми Севастьянова связывает написание «Слова о знамении». Как пишет исследовательница, идеологема «воля новгородская» или «вся воля новгородская» активно употреблялась в новгородском летописании уже в первой половине XIII в., но формулирование права на земли, например «утверждение о том, что новгородская земля является новгородской волостью», появляется, по ее наблюдению, только в самом конце XIV в., в связи с войной Новгорода за Двинские земли. Именно в это время летописцы начинают называть Новгородскую землю «отчиной и дединой» и говорить о ее принадлежности «святѣи Софѣи». Иначе говоря, легитимность владения территориями обосновывалась в летописи двояко: традицией и принадлежностью местному храму, то есть в конечном счете Богу. Приступая к описанию конфликта между Новгородом и суздальским князем за Двинские земли, автор «Слова о знамении» тоже чувствовал необходимость обосновать право новгородцев на владение территориями, однако его аргументация исключительно религиозная: власть над землями дана новгородцам Богом — «якоже имь Богъ поручилъ» [Севастьянова, с. 112, 120, 123, 251–257, 261–262]. У Пахомия, как мы видели, акценты расставлены иначе: вопрос о землях отодвинут на второй план, а вперед выставлен слабо артикулированный в «Слове о знамении» вопрос о власти над самим Новгородом.

Названные различия между «Словом о знамении» и текстами Знаменского цикла Пахомия находят соответствие в двух отмеченных Севастьяновой тенденциях сводчика Новгородской IV летописи, работа над которой велась при дворе новгородского архиепископа примерно в то же время,

когда Пахомий писал Знаменский цикл, или чуть позже. Летописец, с одной стороны, подчеркивал автономность Новгорода, сокращая сообщения, которые показывали влияние великого князя и зависимость новгородцев от его власти, а также их страх перед князем, но, с другой стороны, в сообщениях о вторжении великокняжеского войска в Новгородские земли он избегал обвинять великих князей в нарушении крестного целования [Севастьянова, с. 305–314, 324–325]. Об изменениях в отношении к праву на земли говорит и отсутствие в тексте Новгородской IV летописи идеологемы времени архиепископства Иоанна (1388–1415): «Новгородская земля — вотчина Св. Софии» [Севастьянова, с. 327]. То есть, как и в Знаменском цикле Пахомия, в этот период летопись отходит от религиозного обоснования права новгородцев на владение территориями.

Севастьянова связывает исключения упоминаний Святой Софии из статей о военных конфликтах за территории с миротворческой тенденцией ефимиевского свода [Севастьянова, с. 330–332]. Однако это предположение как будто бы плохо согласуется с новой репрезентацией Богородицы в Знаменском цикле — ее активной ролью в обороне Новгорода от суздальского войска, а также с настойчиво повторяющимся в текстах Пахомия мотивом «победы» над агрессором [Карбасова, Исидорова, с. 258–268]. Можно предположить, что изменения, о которых пишет Севастьянова, были вызваны трансформацией самой концепции Святой Софии, причем этот процесс и новшества в репрезентации Богородицы могли быть взаимосвязаны. Как бы там ни было⁹, и в Новгородской IV летописи, и в Знаменском цикле конфликты из-за территорий оказались вынесенными из сферы религии. Пахомий перевел вопрос о праве на владение территориями и конфликт вокруг Двинских земель в сферу обычая, исключив их тем самым из своей религиозно-политической концепции. При этом он с какой-то целью усилил внимание к вопросу верховной власти над Новгородом.

Такую расстановку акцентов в текстах Пахомия можно было бы интерпретировать исходя из исторической ситуации, в которой оказался Новгород в 1430-е гг.: фактического отсутствия верховной власти великого князя, с одной стороны, и продолжавшегося постепенного размывания власти Новгорода над территориями — с другой. Давление московских князей на Новгород в это время ослабело из-за разгоревшейся борьбы за московский престол между потомками Дмитрия Донского, а приглашенным новгород-

⁹ Несмотря на некоторые успехи в изучении вопроса о трансформации новгородского культа Святой Софии, это явление всё еще остается загадкой. См. обзор основных исследований и гипотез об этом культе, а также интересную, хотя и не бесспорную его трактовку в недавней книге П. В. Лукина [Лукин 2022, с. 222–235].

ским князем в 1430-е гг. был Юрий Семенович, наместник литовских князей — «от иних странъ призван[ый]» (л. 172), сын Семена-Лугвеня, весьма ограниченный в своих правах и возможностях в Новгороде и зависевший от расположения новгородцев. Размывание власти Новгорода над его огромными территориями выражалось в том, что к XV в. многие Новгородские земли имели по договорам статус совместных владений Новгорода с одной стороны и великого князя Московского или великого князя Литовского с другой. Некоторые новгородские пригороды в тот или иной момент отказывались платить Новгороду дань и отлагались от него. Часть Новгородских земель также находилась во владении различных князей, в числе которых были родственники московского княжеского дома или те, кто придерживался промосковской ориентации, а также московских бояр и княжеских новгородских или московских монастырей [Севастьянова, л. 336–342]. В таких условиях можно было, действительно, с большей уверенностью говорить о самоуправлении новгородской политической общины, чем о данном от Бога праве на владение землями, а потому апелляция к старине, к обычаю в вопросе о владении территориями могла представляться более уместной. Однако эти исторические факты не объясняют усиления внимания к вопросу о верховной власти над Новгородом в текстах Пахомия.

Лукин интерпретирует различия между декларативными фразами «Слова о знамении» и «Воспоминания» как развитие Пахомием темы «самовластия» новгородской политической общины и проявление тенденции «вернуться к представлению о Новгороде как об „отчине“ самих новгородцев» [Лукин 2021, с. 67–68]. Такое мнение может показаться верным, если рассматривать декларативные фразы изолированно от остального текста Знаменского цикла, предполагая в нем исключительно «религиозно-назидательное» содержание. Однако стоит обратить внимание на то, что в Знаменском цикле декларативные фразы находятся в самом начале «Воспоминания» и повествовательной (центральной) части Похвального слова. Такое положение указывает на их функцию: это экспозиция разворачивающейся истории, описание «нормального», «очевидного» положения вещей, существовавшего до завязки знаменской драмы, во время которой происходят чудесные события, раскрывающие «истину», которая до той поры была сокрыта¹⁰. Поэтому вопрос об идейном, в том числе политическом, содержании Знаменского цикла следует адресовать всему тексту в целом.

---

¹⁰ В Хутынском цикле декларативная фраза о «вольности» новгородцев в выборе князя и его ограниченных обязанностях с сюжетом чуда о князе никак не связана, она вставлена как пояснение статуса князя, посещающего святого Варлаама. Однако сам факт введения ее в рас-

Сравнив текст «Слова о знамении» с описанием событий 1169–1170 гг. в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов, И. С. Агафонов отметил, что в «Слове» коренным образом поменялись акценты в репрезентации лиц, облеченных властью в Новгороде. Летописные рассказы называют главными лицами, вокруг которых объединились новгородцы во время осады, князя Романа Мстиславича и посадника Якуна, а также говорят о князе как победителе в битве с суздальцами. Молитвенная помощь архиепископа (в летописи он назван Илией) упоминается лишь в конце заключительной фразы летописной статьи: «и къ вечеру побѣди я князь Романъ¹¹ съ новгородьци, силою крестьною и Святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыки Илие» [ПСРЛ, с. 33, 221]. В «Слове» же от князя осталось лишь имя, о посаднике не упоминается вовсе, а главным действующим лицом стал сменивший имя архиепископ (Иоанн) [Агафонов, с. 16–19].

В Знаменском цикле Пахомий еще больше подчеркнул высокий статус и роль архиепископа как посредника между Богом и жителями Новгорода¹², и, так же как «Слово», полностью проигнорировал посадника и князя в рассказе об обороне города от суздальцев, хотя, казалось бы, намеренно указанные в декларативных фразах «Воспоминания» обязанности князя подразумевали его активное участие в событиях. Вместо князя «воеводой», защищающим Новгород и вдохновляющим его жителей на борьбу с врагами, оказывается в Знаменском цикле Богородица. Она же не раз называется в текстах Пахомия «царицей», причем статус «царицы» и подобающее ему обращение с ее иконой, посредством которой Богородица присутствует в Новгороде, Пахомий сделал предметом особого обсуждения в Похвальном слове [Карбасова, Исидорова, с. 258–268]. Поэтому представляется весьма вероятным, что вставки, подчеркивавшие независимость Новгорода и разъяснявшие происхождение и роль приглашенного князя при полном отсутствии дальнейших упоминаний о нем, нужны были Пахомию не только для того, чтобы тверже заявить о «самовластии» новгородской политической общины в полемике «против идеи о Новгороде как о княжеской отчине» [Лукин 2021, с. 68], но и для того — а возможно, как раз именно для того, — чтобы привлечь внимание к вопросу о власти в городе вообще

сказ о чуде сигнализирует, что тема вызвала определенное беспокойство у заказчика текста, посчитавшего необходимым внести такое уточнение.

¹¹ В Новгородской первой летописи младшего извода после имени князя в этой фразе добавлено упоминание о его детском возрасте (Комиссионный список: «нь еще бо тогда дѣтескъ бяше сын» [ПСРЛ, с. 221]).

¹² Подробнее об этом см. в моем докладе на заседании Отдела древнерусской литературы 29 марта 2023 г.

и в связи с этим, во-первых, утвердить мысль о том, что верховная власть над Новгородом принадлежит Богу и Богородице, а во-вторых, подчеркнуть исключительно высокое положение архиепископа, который в своей роли посредника помогает осуществиться спасительной для города Божественной воле.

В 1439 г. в Софийском соборе были обретены мощи героя Знаменского цикла архиепископа Илии-Иоанна, и, возможно, около того же времени архиепископ Евфимий инициировал его местную канонизацию, хотя в летописи ничего не сказано о назначении специального дня его поминовения, в отличие от погребенных также в Софийском соборе князя Владимира Ярославича и его матери, об установлении памяти которых летопись сообщает [ПСРЛ, с. 420]. Не исключено, что при Евфимии началось и местное почитание других его предшественников на новгородской кафедре, хотя все утверждения об этом, в частности построения А. С. Хорошева [Хорошев, с. 139–141], основаны на данных поздних источников, поэтому говорить о точной дате установления памятней целого ряда новгородских святителей, на мой взгляд, невозможно. Хорошев объясняет обширную, по его мнению, канонизационную деятельность Евфимия II тенденцией к «идеализации исторического прошлого Новгорода» как части разрабатывавшейся архиепископом «идеологической концепции», которая выражала «антимосковские настроения верхушки боярства» [Хорошев, с. 138–139]. А. Г. Бобров, возражая тем, кто видел в действиях Евфимия проявления «новгородского сепаратизма» или «западнической ориентации», связывает обращение архиепископа к новгородской древности с непринятием унии и датирует начало «создания культа новгородской „старины“» осенью 1439 г. [Бобров, с. 199–200]. Анализируя работу евфимиевского сводчика в Новгородской IV летописи, Севастьянова пришла к выводу, что и после 1439 г. Евфимий, при всех стараниях демонстрировать «мощь Новгорода» и отстаивать независимость новгородского судопроизводства, оставался лояльным «к княжеской власти как таковой», признавал авторитет находившегося в Москве митрополита, критически относился к литовским князьям и проповедовал «идеалы миротворчества и смирения». При этом он также старался подчеркивать свою независимость от светских властей Новгорода, в том числе в трактовке происхождения нового порядка избрания архиепископа по жребию. Всё это позволяет, по мнению исследовательницы, «противопоставить политическое мировоззрение Евфимия политическому мировоззрению новгородского боярства», а также не согласиться как с предположением Хорошева об антимосковском характере евфимиевской канонизации, так и с мнением Боброва о влиянии унии на отношение новгородского архиепископа к московским

князьям [Севастьянова, с. 320–323, 335–336, 355]. Факты, связанные с пребыванием в Новгороде Пахомия, свидетельствуют в пользу вывода Севастьяновой об отсутствии существенных различий в политике Евфимия до и после осени 1439 г.: известно, что цикл, посвященный Варлааму Хутыньскому, был готов к лету 1438 г., поскольку он включен в датированную августом того года пергаменную ноябрьскую mineю, написанную по повелению Евфимия для новгородского Софийского собора, — РНБ. Софийское собр. № 191 [Карбасова 2016]¹³. Это обстоятельство показывает, что инициатива архиепископа по созданию пантеона новгородских святых не могла быть вызвана его реакцией на унию, поскольку зародилась раньше.

Выявленные Севастьяновой тенденции в работе евфимиевского сводчика и внимание Евфимия к памяти архиепископа Илии-Иоанна и некоторых новгородских князей позволяют предположить, что отмеченное выше внимание Пахомия к вопросу о верховной власти в Новгороде и отчетливо прослеживаемая в Знаменском цикле тенденция к возвеличиванию роли архиепископа Иоанна в качестве посредника между Богом и жителями города могут быть связаны с желанием заказчика Знаменского цикла утвердить положение архиепископа как религиозного и политического главы Новгорода. Известно, что в реальной жизни полномочия архиепископа в сфере новгородской политики были весьма обширными и в первой половине XV в. его влияние еще больше укреплялось, причем архиепископ Евфимий II предлагал для этого много усилий и немало заботился о внешней репрезентации своей власти [Раба; Лукин 2020]. Этим целям вполне отвечало и создание соответствующих текстов для ежегодного общественного богослужения. В таком случае возможно, что задачей, которую должен был решить Пахомий в Знаменском цикле, была легитимация власти архиепископа как главы независимой Новгородской республики. Эта гипотеза, конечно, нуждается в подтверждении путем тщательного анализа текстов Знаменского цикла, что заслуживает отдельного исследования.

Литература

- Агафонов — *Агафонов И. С.* Идеологические тенденции в нарративах Знаменского цикла XV–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 16–22.
- Бобров — *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). М.: Дмитрий Буланин, 2001. 287 с.

¹³ В списке Жития Варлаама Хутыньского в Соф. 191, как и в автографе Пахомия в Соф. 429, присутствует декларативная фраза «якоже обичаи есть того града гражданамъ, своєю волею кнеза дръжеще въ омъщение съпротивнимъ» [Карбасова, Левшина, Шибяев, с. 192].

- Дмитриев — *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний / ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1973. 303 с.
- Исидорова — *Исидорова З. Н.* Источники текстов Знаменского цикла Пахомия Логофета // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2020. Т. 67. С. 206–239.
- Карбасова 2016 — *Карбасова Т. Б.* Цикл текстов, посвященных Варлааму Хутынскому, в Минее Софийского собрания № 191 // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. Вып. 19. С. 3–57.
- Карбасова 2021 — *Карбасова Т. Б.* О редактировании Жития Варлаама Хутынского в XVI в.: запись чудес // Вестник церковной истории. 2021. № 3/4 (63/64). С. 242–246.
- Карбасова, Исидорова — *Карбасова Т. Б., Исидорова З. Н.* Богородичная тема в творчестве Пахомия Серба // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2020. Т. 67. С. 240–283.
- Карбасова, Левшина, Шибаев — *Карбасова Т. Б., Левшина Ж. Л., Шибаев М. А.* Житие Варлаама Хутынского в автографе Пахомия Серба // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2019. Т. 66. С. 171–196.
- Кршлянин — *Кршлянин Н.* Титул самодержца (автократора) в Сербии и России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 162–183.
- Лосева — *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 472 с.
- Лукин 2020 — *Лукин П. В.* Политические функции новгородских архиепископов в ганзейских документах XIV–XV вв. // Церковь в истории России / Ин-т российской истории РАН. М.: [б. и.], 2020. Сб. 13: К 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Я. Н. Шапова. С. 97–127.
- Лукин 2021 — *Лукин П. В.* Республиканская риторика в Древней Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века: [кол. монография] / Под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 43–85.
- Лукин 2022 — *Лукин П. В.* Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. V–XII, 720 с.
- Сказания — Сказания Новгорода Великого (IX–XIV вв.) / Сост., пер., коммент., вступ. ст. Ю. К. Бегунов. СПб.: Политехника, 2004. 876, [1] с.
- Севастьянова — *Севастьянова О. В.* Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 408 с.
- Филюшкин — *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей, М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 254, [1] с.
- Хорошев — *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во МГУ, 1986. 206 с.
- Raba — *Raba J.* Evfimij II., Erzbischof von Groß-Novgorod und Pskov. Ein Kirchenfürst als Leiter einer weltlichen Republik // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1977. Bd. 25, H. 2. S. 161–173.

Vodoff — *Vodoff V. Le culte du Znamenie à Novgorod: tradition et réalité historique // Oxford Slavonic Papers: New Series. 1995. Vol. 28. P. 1–19.*

References

- Agafonov, I. S. (2015). 'Ideologicheskie tendentsii v narrativakh Znamenskogo tsikla XV–XVII vekov', *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 4 (62), 16–22.
- Begunov, Yu. K., ed. (2004). *Skazaniya Novgoroda Velikogo (IX—XIV veka)*. Saint Petersburg: Politehnika, 876+[1] p.
- Bobrov, A. G. (2001). *Novgorodskie letopisi XV veka*. Moscow: Dmitrii Bulanin, 287 p.
- Dmitriev, L. A. (1973). *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamyatniki drevnerusskoi literatury XII–XVII vekov: Evolyutsiya zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*. Leningrad: Nauka, 303 p.
- Filyushkin, A. I. (2006). *Tituly russkikh gosudarei*. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 254+[1] p.
- Isidorova, Z. N. (2020). 'Istochniki tekstov Znamenskogo tsikla Pakhomiya Logofeta' ['Sources of the "Znamensky" Cycle Texts of Pachomius Logothetes'], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 67, 206–239.
- Karbasova, T. B. (2016). 'Tsikl tekstov, posvyashchennykh Varlaamu Khutynskomu, v Minee Sofiiskogo sobraniya № 191', in: *Ocherki feodal'noi Rossii*. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo. Vol. 19, 3–57.
- Karbasova, T. B. (2021). 'O redaktirovaniy Zhitiya Varlaama Khutynskogo v XVI veke: zapisi chudes', *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (63/64), 242–246.
- Karbasova, T. B., Isidorova, Z. N. (2020). 'Bogorodichnaya tema v tvorchestve Pakhomiya Serba' ['The Theotokos Theme in the Works of Pachomius the Serb'], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 67, 240–283.
- Karbasova, T. B., Levshina, Zh. L., Shibaev, M. A. (2019). 'Zhitie Varlaama Khutynskogo v avtografe Pakhomiya Serba' ['Pachomius the Serb's Autograph of the Life of Barlaam of Khutyn'], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 66, 171–196.
- Khoroshev, A. S. (1986). *Politicheskaya istoriya russkoi kanonizatsii (XI–XVI veka)*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 206 p.
- Kršljanin, N. (2017). 'Titul samoderzhtsa (avtokratora) v Serbii i Rossii' [The Title of Samoderzhets (Autokrator) in Serbia and Russia: Two Ways of Byzantine Heritage Development'], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]*. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 22, 5, 162–183.
- Loseva, O. V. (2009). *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh prologov XII — pervoi treti XV vekov*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 472 p.
- Lukin, P. V. (2020). 'Politicheskie funktsii novgorodskikh arkhiepiskopov v ganzeiskikh dokumentakh XIV–XV vekov' ['Political Functions of Novgorod Archbishops in Hanseatic Documents of the XIV–XV Centuries'], in: *Tserkov' v istorii Rossii*. Moscow: [s. n.]. Vol. 13: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya chlen-korrespondenta Rossiiskoi akademii nauk Ya. N. Shchapova, 97–127.
- Lukin, P. V. (2021). 'Respublikanskaya ritorika v Drevnei Rusi', in: K. A. Solov'ev, ed. *Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka: [kollektivnaya monografiya]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 43–85.

- Lukin, P. V. (2022). *Novgorod i Venetsiya: sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniya respublikanskogo stroya [Novgorod and Venice: Two Republican Models. Essays in Comparative History]*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 302 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 3: Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* (2000). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, V–XII+720 p.
- Raba, J. (1977). 'Evfimij II, Erzbischof von Groß-Novgorod und Pskov Ein Kirchenfürst als Leiter einer weltlichen Republik', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Bd. 25, 2, 161–173.
- Sevastyanova, O. V. (2011). *Drevnii Novgorod: novgorodsko-knyazheskie otnosheniya v XII — pervoi polovine XV veka*. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 408 p.
- Vodoff, V. (1995). 'Le culte du Znamenie à Novgorod: tradition et réalité historique', *Oxford Slavonic Papers: New Series*. Vol. 28, 1–19.

М. В. Кужлев

«КНИГА О ВЕРЕ» ИЗ СПАСО-ЛОМСКОЙ ПУСТЫНИ

Резюме

В статье рассматривается история бытования экземпляра «Книги о вере» (М., 1648) с вкладной записью 1659 г., полученного в ходе археографической экспедиции Древлехранилища Пушкинского Дома на Вятку в 2019 г. На основе текста записи устанавливается место вклада — Спасо-Ломская Игнатьева пустынь. Найденный экземпляр «Книги о вере» является одним из немногочисленных свидетельств раннего периода почитания Игнатия Ломского как чудотворца. Устанавливается также, что «Книга о вере» была вложена в Спасо-Ломскую Игнатьеву пустынь при строителе старце Григории (Иване Неронове) бывшим игуменом Московского Златоустовского монастыря Феокистом и что запись является автографом Феокиста. Сведения вкладной записи рассмотрены в контексте его биографии и литературной деятельности. В ходе исследования текста записи выявлены новые материалы по истории Спасо-Ломской пустыни. В частности, установлена принадлежность книжному собранию пустыни вклада царицы Марии Ильиничны, находящегося сейчас в коллекции М. И. Чуванова (РГБ).

Ключевые слова: игумен Феокист, Иван Неронов, Спасо-Ломская Игнатьева пустынь, Игнатий Ломский, Вятка, старообрядчество, археография

Maxim V. Kuzhlev

A BOOK ABOUT FAITH FROM THE SPASO-LOMSKAIA HERMITAGE

Abstract

This is a study of a copy of *A Book about Faith (Kniga o vere)*, which was published in Moscow in 1648. The book was found in Vyatka in 2019 during an archaeological expedition organized by the Repository of Ancient Manuscripts (*Drevlekhranilishche*) of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg. According to a note

© М. В. Кужлев, 2023

in the book, this copy was donated to the Spaso-Lomskaia Ignatieva Hermitage in 1659. This copy of *A Book about Faith* represents one of the few pieces of evidence for the early period of Saint Ignatii Lomskii's veneration. This study shows that the book was donated when the hermitage was under the rule of Steward Grigorii (Ivan Neronov) and that its donor was Feoktist, the former hegumen of the Moscow Zlatoust Monastery. The note represents Feoktist's autograph. The note is examined in the context of his biography and literary activities. A detailed examination of this note also reveals new materials concerning the history of the Spaso-Lomskaia Hermitage. One of the findings is that one book that represented a gift by Tsarina Maria Ilinichna, which is now housed in the collection of M. I. Chuvanov in the Russian State Library in Moscow, once belonged to the library of the Spaso-Lomskaia Ignatieva Hermitage.

Keywords: hegumen Feoktist, Ivan Neronov, Spaso-Lomskaia Ignatyeva Hermitage, Ignatii Lomskii, Viatka, Old Believers, archaeography

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-56-74

В 2010–2022 гг. сотрудниками Пушкинского Дома была предпринята серия экспедиций на Вятку¹. В результате этих поездок в Древлехранилище Пушкинского Дома было сформировано Вятское собрание рукописных книг (оп. 59)². Также вятские экспедиции дополнили собрание Старопечатных книг (оп. 36) Древлехранилища. Среди поступлений последних лет — экземпляр первого издания «Книги о вере»³.

Найденный экземпляр «Книги о вере» сильно пострадал от времени: переплет утрачен, блок разбит, многие листы и тетради выпадают. От дальнейшей утраты незакрепленных листов и тетрадей книгу спасло бережное отношение к ней: она входила в число любимых и постоянно читаемых книг дарителя⁴. Отделенные от блока листы, в том числе последние, сохранились на своих местах. В экземпляре, переданном в дар Древлехранилищу, отсутствуют только л. 1, 2, первый пустой и полностью 2-я тетрадь, содержащая «Предисловие читателю» и первую главу (л. 8–15).

Вторая тетрадь была разыскана позднее у того же дарителя: она была приплетена к другому раннему изданию Московского Печатного двора — «Лестнице»⁵. Вероятно, оба издания давно утратили переплеты, и на

¹ В 2011–2017 гг. экспедиции проходили в сотрудничестве с Отделом рукописей БАН.

² О начальных этапах формирования собрания см.: [Бильдюг, Галашева, Кужлев].

³ Древлехранилище ИРЛИ. Оп. 36 (Старопечатные книги). № 413. Книга о вере. М.: Печатный двор, 8.V.1648. 2°. Описание издания см.: [Зёрнова, № 209]. Пост. в 2019 г.

⁴ Имена дарителей в современных публикациях Древлехранилища не раскрываются. Но это не лишает автора возможности принести слова благодарности дарителям — вятским старообрядцам, хранителям книжной старины.

⁵ Лестница. М.: Печатный двор, 1.III.1647. 2°. См.: [Зёрнова, № 199]. Переплет позднейший, 10-х гг. нашего столетия.

каком-то этапе совместного бытования незакрепленная тетрадь с «Предисловием» переместилась в «Лествицу», а при последующей реставрации тетрадь была пришта к блоку. Так образовался конволют. Примечательно, что это перемещение ничего не нарушило в плане рубрикации текстов, поскольку вторая тетрадь содержит тексты «Предисловия» и первой главы целиком. Конволют в целом сохранился несравненно лучше, чем экземпляр «Книги о вере», из чего можно заключить, что перемещение второй тетради «Книги о вере» произошло достаточно давно и что книги бытуют вместе уже не одно столетие.

В том, что фрагмент «Книги о вере» в составе конволюта первоначально принадлежал нашему экземпляру, удостоверяет вкладная скрепная запись 1659 г. Ее начало читается во фрагменте конволюта (л. 10–15)⁶, а продолжение — в нашем экземпляре «Книги» (л. 16–66): «Лета 7167-го году, марта в 17 день, дал вкладу в дом Всемилоствиваго Спаса, Нерукотвореннаго Его образа, и Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии, честнаго и славнаго Ея Благовещения, и преподобнаго отца Игнатия чудотворца при стр(ои)теле старце Григорее з братьею святую сию Книгу о вере нищей чернец Феоктист, да брат его старец Аврам, да сестра его старица Ксения, Морозовския пустыни, за спасение своих душ и вечнаго ради поминания своих родителей, а родители их в сенодике написаны оба рода. Аминь»⁷.

Текст записи позволяет установить, что местом вклада была Спасо-Ломская пустынь, основанная преподобным Игнатием Ломским в XVI в. [Зверинский, с. 163; Титов, с. 60; Преподобный Игнатий, стб. 788; Романова 2008, с. 18; Житие Игнатия Ломского, с. 62; Романова 2009, с. 93–94]. Из описи монастырского имущества 1764 г. известно, что церковь в пустыни была трехпрдельной: главный алтарь был освящен в честь Спаса Нерукотворного, другой — в честь Благовещения, а третий — в честь Игнатия Богоносца, святого, соименного основателю пустыни [Преподобный Игнатий, стб. 788].

Преподобный Игнатий умер в конце XVI в., почитание Игнатия как чудотворца документально фиксируется с конца 50-х гг. XVII в.⁸ Наиболее раннее свидетельство почитания святого — запись на Евангелии, вложен-

⁶ Следом за ним в конволюте, на листах самой «Лествицы», имеется собственная владельческая скрепная запись: «Книга, глаголемая Лесвица, Успенского попа Симеона» (скоропись XVII в.). Запись попа Симеона читается на листах оглавления «Лествицы» (л. 2–11).

⁷ Публикуется по правилам, принятым в ТОДРЛ, см.: [К сведению авторов, с. 699].

⁸ О почитании Игнатия Ломского см. подробнее: [Преподобный Игнатий, стб. 789–791; Романова 2008, с. 17–27; 2009, с. 93–95; Черкасова, с. 8].

ном стольником Р. Ф. Боборыкиным в Спасскую церковь Ломской пустыни в 1658 г.: «Лета 7166-го года генваря в 20-е дали сию книгу, глаголемую Евангелие на престольное стольник Роман Федорович Боборыкин в Вологодской уезд, в пустыню Всемилоствиваго Спаса Нерукотвореннаго образа, да Пречистыя Богородицы Благовещения, и великаго чудотворца Игнатия на Сару при строителе старце при Григорее...» [Преподобный Игнатий, стб. 790]. В жалованной грамоте царя Алексея Михайловича 1659 г. Игнатий именуется «преподобным отцем и чудотворцем» [Титов, с. 60; Преподобный Игнатий, стб. 790].

В Житии преподобного три чуда имеют датировку: второе и третье датированы 1659 г., пятое — 1658 г., четвертое датировано 12 января без указания года. Надо полагать, что дата четвертого чуда продолжает хронологическую последовательность: второе чудо датировано маем 1659 г., третье — августом того же года. Если это так, то в четвертом чуде имеется в виду 12 января 1660 г. Рубежом 1650–1660-х гг., вероятно, датируется и составление Жития [Романова 2008, с. 19; 2009, с. 93–94]. Наша вкладная запись относится к этому наиболее раннему периоду почитания Игнатия Ломского, когда были сделаны первые записи чудес и велась работа по составлению Жития святого.

«Книга о вере» была вложена в пустынь, как сказано в записи, «при строителе старце Григорее». Таково было монашеское имя Ивана Неронова, выдающегося проповедника, участника кружка «ревнителей благочестия» («боголюбцев») и деятеля раннего старообрядчества⁹. Преследуемый патриархом Никоном, в 1656 г. Неронов принял постриг с именем Григорий, после чего нашел убежище в Ломской пустыни, а вскоре стал ее строителем.

Ломская пустынь занимала особое место в жизни Неронова. Лом на реке Саре был его родной деревней¹⁰. С. А. Зеньковский и А. М. Панченко предполагали, что пустынь оказала определяющее влияние на становление Неронова [Зеньковский, с. 63–64; Панченко 1984, с. 65]. Покинув Лом

⁹ О личности Ивана Неронова, его роли в движении «ревнителей благочестия» — «боголюбцев» и деятельности в период раскола см.: [Субботин 1875, с. 17–305; Бороздин, с. 9–10, 16–19, 51–58, 84–97, 127; Каптерев 1913, с. 110–116; 1909, с. 3–4, 23, 25–30, 35–36, 71, 74–75, 78–81, 93, 95, 115–116, 120–121, 123–135, 147, 173–175, 261, 270–307, 340; Зеньковский, с. 19, 62–70, 74–90, 102–118, 131–133, 137, 191, 207–215, 233–242, 251–252, 261–262, 355; Панченко 1984, с. 24, 27, 65, 72; 1993, с. 72–76; Записка о жизни Ивана Неронова, с. 50–63, 514–517; Поньырко 1990; 1993; Грицевская; Лавров, Морохин, с. 6–7, 25–30, 55, 57–80, 195–196, 232, 288].

¹⁰ Об этом сообщается в «Житии Григория Неронова»: «Сей, о немже нам предлежит слово, угодник Божий родился в лето бытия мира 7099, Воплощения же Бога Слова 1591, в пределах града Вологды, в месте нарицаемом Лому, еже на Саре, в Волжской волости, отстоящей от града на шестьдесят поприщ» [Субботин 1875, с. 243–244].

в молодости¹¹, Неронов сохранял связь с родными местами¹². А. М. Панченко

¹¹ Из «Жития» известно, что в годы Смуты Лом был разорен, а родители Неронова, по-видимому, погибли: «В та времена, попущением Божиим, грех ради человеческих, в российском государстве бысть смятение велие от польскаго короля и междуособство своих си. Приидоша же и в пределы града Вологды злые человецы, и дом отца Иоаннов разграбиша и огнем сожгоша, и живущии в дому том овыи от огня умроша, инии же разбегошася» [Субботин 1875, с. 246]. Из текста «Записки о жизни Ивана Неронова» следует, что родители Неронова были похоронены в пустыни: «В 164-м (1656) году (...) архимарит Тихон постриже Иоанна и во мнишеском чину нарече ему имя Григорий (...) Егда же мину 40 дни, в пустыню ко Всемилоствому Спасу, рекомую Игнатьеву, ко своим родителем, возвратися» [Записка о жизни Ивана Неронова, с. 53].

¹² О сохранявшейся связи свидетельствуют два книжных вклада. В память по своим родителям в церковь Михаила Архангела на Саре Иваном Нероновым был вложен печатный Апостол, в недавнее время найденный Ю. С. Белянкиным: «Сию книгу, глаголемую Апостол печатной, по обещанию положил Михаилу Архангелу, что в Саре, Казанкия Пречистому Пресвятыя Богородицы Неронов в дом безвыносно по своих родителей». Вклад выявлен Ю. С. Белянкиным в частном старообрядческом собрании на юге Архангельской области. Сведения об этом вкладе см. в публикации, посвященной другой находке автора — книге из библиотеки Стефана Вонифатьева с его владельческой записью: [Белянкин, с. 74–77].

В связи с записью на Апостоле в публикации приводятся сведения об автографе Ивана Неронова на вкладе царицы Марии Ильиничны — декабрьской служебной Минее (М., 7.VII.1645), выявленной в коллекции М. И. Чуванова И. В. Поздеевой, см.: [Коллекция М. И. Чуванова, с. 131]. Комментируя текст записи, Ю. С. Белянкин замечает, что «Минья была вложена в то же село, что и новонайденный „Апостол“, т. е. в село Архангельское на Саре. Но это едва ли так. Во вкладной записи на Минее сказано, что книга вложена «в пустыню на Сару, к церкви Нерукотвореннаго Образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и к церкви Благовещению Пресвятыя Богородицы» и что «быти сей книге в церкви Всемилоствого Спаса и Пречистые Богородицы вечно». В записи речь определенно идет о Спасской церкви Ломской пустыни, которая, действительно, имела придел в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Апостол же был вложен Иваном Нероновым, как это и было определено Ю. С. Белянкиным, в другую церковь — «Михаилу Архангелу, что в Саре», расположенную в соседнем селе Архангельском. Церкви, построенные в Спасском-на-Лому и Архангельском в XIX в., по всей видимости, возникли на месте старых церквей XVII в. и позволяют судить о первоначальной близости их расположения, см.: [Крылов, с. 680–682; Зверинский, с. 163; Преподобный Игнатий, стб. 785–788; Ярославская губерния. Списки населенных мест, с. 164, 165; Монастыри и церкви Ярославской епархии, с. 427–428, 438].

В каталоге старопечатных книг коллекции М. И. Чуванова, составленном И. В. Поздеевой, место вклада не было отожествлено с Игнатьевой пустыней: оно было обозначено составителем как «Сарская пустынь», а церковь в ней — как «Спасская и Благовещенская» [Коллекция М. И. Чуванова, с. 154, 155]. Как отмечает А. А. Романова, до 1673 г. пустынь называлась Игнатиевой или Игнатиевой Спасской, а после — Ломовским монастырем [Житие Игнатия Ломского, с. 62; Романова 2009, с. 94–95]. Вклад Марии Ильиничны в Ломскую пустынь до сих пор еще не был выявлен как имеющий отношение к этой обители и не учтен в литературе о ней.

Из текста вкладной записи Марии Ильиничны следует, что Спасская церковь в момент вклада была еще двухпридельной и что третий придел — в честь Игнатия Богоносца — появился позднее. См. сведения о строительстве Иваном Нероновым новой церкви в пустыни: [Субботин 1875, с. 197; Лавров, с. 102, 103, 105]. А. А. Титов, основываясь на тексте Жалованной грамоты 1659 г. (ныне утраченной), считал, что в пустыни в ту пору было три деревянных церкви. Воз-

писал о Неронове: «По натуре И(оанн Неронов) был вечным странником (...) Два места особенно привлекали его — Москва и родная Спасская обитель на Лому. Последнюю он обустроивает (на деньги московских доброхотов), начинает там каменное строительство и т. д.» [Панченко 1993, с. 75]¹³.

В годы управления Ивана Неронова служба в пустыни велась по «старым службникам», о чем сохранилось его собственное свидетельство в допросных речах 1664 г. [Субботин 1875, с. 195—198]. В тексте «Записки о жизни Ивана Неронова» говорится, что Никон после примирения сам разрешил Неронову служить по «старым службникам» [Записка о жизни Ивана Неронова, с. 59]¹⁴. А. С. Лавров показал, что архиепископ Вологодский Маркелл, в епархии которого находилась Ломская пустынь, терпимо относился к ее независимости и службе по «старым службникам» в ней, но при его преемнике, архиепископе Симоне, это стало одной из причин конфликта, приведшего к удалению Ивана Неронова из пустыни в 1665 г. [Лавров, с. 103—104]. Связь Ломской пустыни со старообрядчеством была причиной того, что почитанию преподобного Игнатия чинились препятствия, и оно не получило развития [Романова 2008, с. 25—26; 2009, с. 94—95; Лавров, с. 103—104]¹⁵. Запись на нашей «Книге о вере» является одним из немногочисленных свидетельств раннего периода почитания Игнатия Ломского как чудотворца.

На основании текста записи и почерка писца устанавливается также личность вкладчика — вклад был сделан бывшим игуменом Московского

можно, именно так надо понимать текст вкладной записи Марии Ильиничны «в пустыню на Сару, **к церкви** Нерукотвореннаго Образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа **и к церкви** Благовещению Пресвятыя Богородицы». Но в конце записи всё же определенно говорится об одной церкви с двумя приделами: «быти сей книге в церкви Всемилостивого Спаса и Пречистые Богородицы вечно».

Примечательно, что вклад сделан Марией Ильиничной в Ломскую пустынь еще в бытность Ивана Неронова протопопом Казанской церкви. Это свидетельствует о том, что заботы Неронова простирались на пустынь еще задолго до того, как он стал ее строителем.

¹³ Подробнее о деятельности Ивана Неронова как строителя пустыни см. в публикациях А. А. Романовой: [Романова 2008, с. 21—25; 2009, с. 93, 94].

¹⁴ См. комментарии к этому месту «Записки»: [Бороздин, с. 92; Каптерев 1909, с. 261—264; Зеньковский, с. 241—242].

¹⁵ А. А. Романова и А. С. Лавров, в частности, отмечают записанное в старообрядческой среде чудо преподобного Игнатия, датированное 1664 г. и включенное в «Христианоопасный щит веры» старца Авраамия («8. Сказание отчасти чудес преподобнаго отца нашего Игнатия, игумена Вологодской, иже на Саре реце пустыни, чудотворца»), изд.: [Субботин 1885, с. 35—40]. См. также: [Черкасова, с. 81, 331]. Перечень документальных материалов XVII в. по Ломской пустыни, помещенный в монографии М. С. Черкасовой, отражает безуспешные попытки строителя Макария в 1676—1688 гг. сохранить почитание Игнатия Ломского, преследуемое церковными властями (см. № 9—11).

Златоустовского монастыря Феоктистом, одним из ближайших сотрудников Неронова в 1650–1660-е гг.¹⁶ В записи употреблена формула самоуничижения «нищей чернец Феоктист», сходная с теми, которые встречаем в письмах старца боярыне Ф. П. Морозовой: «непотребный игумен Феоктист», «непотребный чернец Феоктист» [Субботин 1875, с. 309, 316]. Известны три автографа игумена в документах Московского собора 1666–1667 гг. — это два молебных послания к Собору и подпись Феоктиста под допросной сказкой (все три документа хранятся в составе одной единицы — ГИМ. Собр. синодальных свитков и грамот. № 1111). Сопоставление почерка подтверждает, что наша вкладная запись является автографом.

Во вкладной записи на «Книге о вере» упоминаются брат игумена Феоктиста, старец Авраамий, и сестра, старица Ксения. О брате Авраамии игумен Феоктист упоминает в письме к боярыне Ф. П. Морозовой 1665 г. и в допросной сказке 1666 г. [Субботин 1875, с. 318, 340]¹⁷. В допросной сказке 1666 г. Авраамий назван старцем Устюжского Архангельского монастыря. Из послания боярыне Морозовой и допросной сказки игумена Феоктиста видно, что Авраамий в эти годы был неизменным спутником брата. В письме Ф. П. Морозовой Феоктист с горечью пишет о том, что был ограблен «на Москве» и что, живя у епископа Александра Вятского, они с братом вынуждены делить одно иноческое облачение на двоих: «Здесь во грех у дву братьев одна манатья осталась, и та зело ветха (...) при милости святительской зело зазорно в ней ходить. Помилуй, христороубице, изволь нам з братом Аврамом по манатье с клобуками на Вятку прислать, или нашего чернеческаго сукна нарочитово...» [Субботин 1875, с. 318]. Об обстоятельствах жизни у епископа Александра сказано и в допросной сказке игумена Феоктиста 1666 г.: «И Александр-де епископ принял его к себе в келию и с бра-

¹⁶ Н. И. Субботин показал, что Феоктист был хранителем обширного архива ранней старообрядческой литературы, составителем сборника писем Неронова, направленных против нововведений патриарха Никона, и автором «Записки о жизни протополога Ивана Неронова с 1653 по 1659 год», вошедшей в состав того же сборника, см.: [Субботин 1875, с. 17–19, 79, 85, 104–105, 109–119, 134–135, 306–356; Субботин 1885, с. 84–85]. Исследование архива игумена Феоктиста было продолжено Н. Ю. Бубновым, см.: [Бубнов 1995, с. 50–60, 107, 122, 340, 386]. Н. И. Субботин ошибочно приписывал Феоктисту «Послание об антихристе и тайном царстве его»; мнение Субботина было опровергнуто П. С. Смирновым: [Смирнов, с. LXXII–LXXXIII]. Основные сведения об игумене Феоктисте содержатся в Деяниях Московского собора 1666–1667 гг., см.: [ДАИ, с. 457–458]. Об архиве игумена Феоктиста и его литературной деятельности см. также: [Бороздин, с. 85–86, 91–93; Зеньковский, с. 264; Записка о жизни Ивана Неронова, с. 515; Бубнов 2004, с. 147–148; 2007, с. 94–95; Уо, с. 27, 120; Ранчин, с. 266–272; Лавров, Морохин, с. 28–29].

¹⁷ В письме к Ф. П. Морозовой Феоктист употребляет ту же форму имени «Аврам», что и в нашей вкладной записи.

том его родным, с старцем Авраимом, и со всею рухлядью; и жил у епископа Александра в келье с месяц и больши, и бил челом епископу, чтобы ему дал особую келью, и келья ему дана» [Субботин 1875, с. 340].

О сестре Феоктиста Ксении в записи сообщается, что она была старицей Морозовской пустыни. Сведения о Морозовской пустыни немногочисленны. Ее начало связано с личностью старца Капитона, привлекавшего множество людей строгой аскетической жизнью¹⁸. Несколько обитателей, в их числе две пустыни в Костромском уезде, мужская Троице-Колясниковская и женская Морозовская, были основаны старцем в 1630-е гг. для тех, кто желал в своей жизни последовать его идеалу крайнего аскетизма [Титов, с. 38–55]. Во второй половине 1630-х гг. Капитон пришел к отрицанию таинств и церковной иерархии, за что в 1639 г. был взят под строгий надзор и удален от окормления устроенных им общежитийств. Из Отписки на Челобитную 1651 г. известно, что к тому времени в Морозовской пустыни подвизались 15 старцев, «а они все древния ж, питаются Бога ради» — насельники мужской пустыни помогали старицам дровами, хлебом и «иной земной пищей»¹⁹.

Запись на «Книге о вере» фокусирует наше внимание на образе семьи старца Феоктиста: трое — два брата и сестра — были монахами. Если обобщить то небольшое, что нам известно о двоих из них, старице Ксении и старце Феоктисте, то нельзя не увидеть определенного сходства между двумя выбранными ими путями служения — путем крайнего аскетизма, выбранного Ксенией, и путем активного противодействия реформам, которому последовал игумен Феоктист. Это было два не допускающих компромисса пути. Феоктист своей энергичной литературной деятельностью претворил в жизнь призыв, выраженный Иваном Нероновым в проповеди 4 апреля 1655 г. словами: «Гнев Божий быти имать за молчание...» [Записка о жизни Ивана Неронова, с. 51]. Деятельность Феоктиста навлекла на него уже в преклонном возрасте всю тяжесть гонений. Старец скончался во время Московского собора 1666–1667 гг. [ДАИ, с. 457–458; Субботин 1885, с. 84–85].

Датировка вкладной записи 1659 г. отсылает к знаменательному периоду. В 1658 г. Никон оставил патриарший престол. Иван Неронов и его единомышленники жили надеждой на избрание нового патриарха и отмену церковной реформы. Это были годы энергичной деятельности Неронова и его единомышленников [Субботин 1875, с. 167–192; Бороздин, с. 94–97; Зеньковский, с. 251–252, 261–262]. Именно в это время происходит

---

¹⁸ Подробнее о Капитоне см.: [Смирнов, с. 59–61; Зеньковский, с. 20–21, 144–156; Панченко 1984, с. 23–24, 108; Агеева; Плюханова, с. 37].

¹⁹ Текст Отписки опубликован А. А. Титовым: [Титов, с. 50–52].

обновление и руководимой Нероновым Ломской пустыни: ведется запись чудес преподобного Игнатия, составляется его Житие, царь Алексей Михайлович жалует пустыни земельные наделы, в нее делаются вклады. До этого времени доведено и повествование в «Записке о жизни Ивана Неронова», предполагаемым автором которой был игумен Феоктист. Как отмечалось комментаторами «Записки о жизни Ивана Неронова», работа над ней велась при ближайшем участии самого Неронова, некоторые фрагменты даже сохранили форму изложения от первого лица²⁰. Повествование «Записки» доведено до описания видения Неронова 6 января 1659 г. Датировка вкладной записи на «Книге о вере» — 17 марта 1659 г. — отсылает нас к очень близкому моменту времени, когда, вероятно, игумен Феоктист находился в пустыни и работал над составлением «Записки о жизни Ивана Неронова».

Любопытно, что то наименование пустыни, какое она имеет во вкладной записи игумена Феоктиста, не встречается больше ни в одном другом источнике, кроме Жития преподобного Игнатия. В следующей таблице для сравнения с текстом Жития приведены в хронологической последовательности фрагменты вкладных записей: 1) царицы Марии Ильиничны (между 1649 и 1653 гг.); 2) стольника Р. Ф. Боборыкина (1658 г.); 3) игумена Феоктиста (1659 г.).

Вкладная запись царицы Марии Ильиничны	Вкладная запись стольника Р. Ф. Боборыкина	Вкладная запись игумена Феоктиста	Житие Игнатия Ломского
в пустыню на Сару, к церкви Нерукотворенного Образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и к церкви Благовещению Пресвятыя Богородицы	в пустыню Всемило- стиваго Спаса Нерукотворенного обра- за, да Пречистыя Богородицы Благо- вещения, и великаго чудотворца Игнатия на Сару	в дом Всемилостиваго Спаса, Нерукотвореннаго Его обра- за, и Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и При- снодевы Марии, честнаго и славнаго Ея Благовещения, и преподобнаго отца Игнатия чудотворца	во обители Все- милостиваго Спа- са, Пречистаго Его Нерукотвореннаго образа, и Пречистыя Богородицы, чест- наго и славнаго Ея Благовещения и преподобнаго отца Игнатия, Сарскаго чудотворца [Житие Игнатия Ломского, с. 69] ²¹ .

²⁰ На это обратила внимание Н. С. Демкова, предположив возможное участие в составле- нии «Записки» самого Неронова: [Записка о жизни Ивана Неронова, с. 515]. См. также: [Ранчин, с. 266, 268].

²¹ То же название пустыни читается в самом начале Жития, см.: [Житие Игнатия Ломского, с. 63].

Наименование пустыни во вкладной записи игумена Феоктиста и в тексте Жития преподобного Игнатия наиболее близки между собой.

В «Росписи» бумаг игумена Феоктиста, сделанной в 1666 г., имеется следующий пункт: «35. Служба Филипу митрополиту на четырех тетратех; роспись розпросным речам преподобнаго Игнатия, что на Саре» [Субботин 1875, с. 329]²². Н. И. Субботин предполагал, что здесь имеется в виду запись о чуде, включенном в «Христианоопасный щит веры», но Н. И. Субботину не было известно Житие Игнатия Ломского. Основную часть Жития святого Игнатия составляют тексты посмертных чудес, записанные от жителей окрестных деревень в 1658–1660 гг. «Роспись розпросным речам преподобнаго Игнатия, что на Саре», по всей видимости, представляла собой первоначальные записи этих чудес и сведений о них. Как представляется, приведенный пункт «Росписи» косвенно свидетельствует о том, что игумен Феоктист принимал участие в разыскании и записи чудес преподобного Игнатия. Близость номинации пустыни в нашей вкладной записи и тексте Жития, составлявшемся в то же время, примечательна в этом контексте. В совокупности со сведениями «Росписи» она как будто указывает на причастность Феоктиста к литературной работе по составлению Жития святого Игнатия.

Следует отметить особо то, какую именно книгу вложил в пустынь игумен Феоктист. «Книга о вере» была чрезвычайно значима для первых противников никоновской реформы и сыграла ключевую роль в осмыслении ими происходящих событий как предвестий прихода антихриста [Бубнов 1995, с. 82–84; Гурьянова 2004, с. 205–223; 2007, с. 291–318]. Впервые в старообрядческой литературе мысль о пришествии царства антихриста была высказана именно Иваном Нероновым — во Втором послании царю Алексею Михайловичу из Спасо-Каменного монастыря от 27 февраля 1654 г. [Субботин 1875, с. 52–53]²³. С этого времени тема пришествия антихриста начинает звучать в письмах Неронова и его учеников [Бороздин, с. 88–89]. Так, братья Плещеевы в письме к Неронову ссылаются непосредственно на текст «Книги о вере»: «Сбытися неким хотящим быти раздорам по проречению Книги о вере, в нейже пишет о отпадении Запада и о отступлении и о прельщении юнитов от святых Восточных Церкви к западному костелу, по числу еже от антихриста; повеле бо нам от таковых же вин спасение имети, егда исполнится от Воплощения Сына Божия 1666 лет; се бо ныне

---

²² Н. И. Субботин делает осторожную конъектуру: «роспись розпросным речам (о чуде?) преподобнаго Игнатия, что на Саре».

²³ Значение этого послания в формировании эсхатологических ожиданий среди противников реформы и его влияние на литературную традицию раннего старообрядчества отмечено Н. Ю. Бубновым, см.: [Бубнов 1995, с. 52–53, 82–83].

таково число исполняется, и раздоры таковы, по проречению предреченныя сея книги вводятся» [Бороздин, с. 89]. Эта мысль получила развитие и в словах Спиридона Потёмкина, большинство из которых написаны в период 1656—1658 гг.²⁴, и в близких по времени сочинениях его ученика, диакона Феодора²⁵, состоявшего в переписке с Иваном Нероновым и игуменом Феоктистом.

В Отделе рукописей БАН, в собрании В. Г. Дружинина, хранится старообрядческий сборник 70-х гг. XVII в., который на раннем этапе своего бытования, судя по хозяйственным записям на припереплетных листах, находился в Ломской пустыни²⁶. Рукопись пустозерского происхождения, писана скорописью, близкой по манере почерку дьякона Феодора, содержит его сочинение «Ответ православных» со Сказанием о патриархе Никоне («О волке и хищнике и богоотметнике Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеца антихристов»), которое также, по предположению Н. И. Субботина, поддержанному Н. Ю. Бубновым, является сочинением Феодора [Субботин 1881, с. XXVI—XXVII; Бубнов 1995, с. 243—244, а также с. 232—233, 239—243]. Факт бытования сборника в пустыни свидетельствует о том, что и после удаления Неронова у ее насельников сохранялись контакты со старообрядческими центрами и, вероятнее всего, с московской общиной, которая имела постоянную связь с пустозерскими узниками. Следует полагать, что звучащая в сборнике тема пришествия антихриста отвечала установившимся еще при строительстве Неронова эсхатологическим ожиданиям монастырской общины²⁷.

²⁴ О Спиридоне Потёмкине и его сочинениях см.: [Бороздин, с. 97—104; Смирнов, с. XCIII—XCIV, 12—13; Бубнов 1985, с. 345—363; 1995, с. 84—85, 124—138; 1998, с. 490—493].

²⁵ Библиография о диаконе Феодоре чрезвычайно обширна, основные сведения о написанных им эсхатологических сочинениях см.: [Титова, Шашков, с. 93, 98].

²⁶ БАН. Собр. В. Г. Дружинина. № 762 (806). См. описание сборника, подготовленное Н. Ю. Бубновым: [Описание РО БАН, с. 28—30]. При переплете рукописи в качестве форзацных листов были использованы листы с записями приходно-расходного содержания, сделанными скорописью XVII в.: «Книги переписные Игнатъевы пустыни»; «Роспись росходу дедгам: горшков на пол полтины, да рыбы куплено на пять алтын, да попу дано два алтыны Феларету...»; «В приходе денег...» и др. Исходя из этого, надо предполагать, что сборник оказался в Игнатъевой пустыни и был там переплетен в последней четверти XVII в. Это было время угасания жизни пустыни, связанное как с запрещением почитания Игнатия Ломского, так и с ее удаленностью, на которую сетовал еще Иван Неронов. К началу XVIII в. в пустыни проживало всего пять монахов, а в 1764 г. она была упразднена [Романова 2009, с. 94—95]. Запись на л. III, сделанная канцелярской скорописью XVIII в.: «Дайте 5 за ету книгу. Канцелярист», — по-видимому, свидетельствует о продаже книги после упразднения пустыни.

²⁷ Но едва ли это свидетельствует о том, что в 1670-е гг. Ломская пустынь, по выражению Г. Б. Михельса, «стала важным форпостом для оппозиции новым богослужебным книгам», см.:

Когда произошло перемещение книги из Спасо-Ломской пустыни на Вятку? И почему именно на Вятку? Спасо-Ломскую пустынь с Вяткой непосредственно связывает личность самого игумена Феокиста: старец Феокист с братом Авраамием жили у епископа Александра Вятского с января 1665 г. до начала января 1666 г. [Субботин 1875, с. 308—320, 340]. Это обстоятельство побуждает предположить, что перемещение книги из Спасо-Ломской пустыни в Вятку произошло уже в XVII в. и что оно было связано с решением ее вкладчика.

В августе 1665 г. в результате конфликта с архиепископом Вологодским Симоном Иван Неронов сначала был отослан в Вологду, а 24 августа был выслан в Переяславский Горницкий монастырь [Субботин 1875, с. 202]²⁸. После удаления из пустыни Ивана Неронова богослужение в ней, как того требовал архиепископ Симон, должно было перейти на новоисправленные книги, воспринимаемые противниками реформы как еретические. Можно было бы с осторожностью предположить, что «Книга о вере», вложенная игуменом Феокистом, была забрана из пустыни им или по его просьбе и доставлена в Вятку. Но сведения о последующих событиях в судьбе самого игумена Феокиста делают это предположение маловероятным.

Через несколько месяцев после удаления Ивана Неронова из Ломской пустыни преследования коснулись и самого игумена Феокиста. По царской грамоте от 4 января 1666 г. для его ареста на Вятку были посланы архимандрит Спасского Нового монастыря Иосиф и келарь Симоновского монастыря Иосиф. Игумен Феокист обвинялся в том, что «держит у себя на Церковь Божию многие развратные письма» [Субботин 1875, с. 320—321]. Согласно особому «наказу», был учинен обыск: «А в епископлих во всех кельях, во всяких местех и сосудех, и в ево Феокистовых кельях осмотреть всяких писем, и осмотря взять всякие письма, кроме церковных книги и епископлих домовых» [Субботин 1875, с. 322]. В ходе обыска в епископских кельях была составлена «Роспись» обнаруженных у игумена Феокиста рукописей [Субботин 1875, с. 323—339]²⁹. К этому моменту Феокист и Авраамий уже бежали. Феокист был схвачен позднее в Устюге и доставлен

[Michels, p. 132]. Заключение Г. Б. Михельса основано на ошибочном представлении, что сборник Собр. В. Г. Дружинина. № 762 (806) составлялся на протяжении 1670-х гг. одним из насельников пустыни, хотя это противоречит выводам опубликованного ранее исследования Н. Ю. Бубнова.

²⁸ О конфликте Ивана Неронова с архиепископом Симоном см.: [Субботин 1875, с. 192—198]. См. также: [Лавров, с. 103—104].

²⁹ О составе «Росписи» см. подробнее: [Бубнов 1995, с. 50—60]. Рассмотрев имеющиеся сведения о «библиотеке» игумена Феокиста и ее пребывании на Вятке, Д. К. Уо отметил, что едва ли эти рукописи «оставили след в местной книжной культуре», см.: [Уо, с. 27, 120].

в Москву. На допросе 15 февраля того же года Феокист свидетельствовал, что выехал из Вятки 6 января: «А с Богоявлениява дни отпросился у епископа в Вологодской уезд, в Игнатъевскую пустынь, к старцу Григорью Неронову» [Субботин 1875, с. 340]. Из этого следует, что ни игумен Феокист, ни епископ Александр не имели сведений об удалении Ивана Неронова из Спасо-Ломской пустыни. После ареста и учиненного допроса Феокист был сослан под надзор в Песношский монастырь, откуда присылался на собор 1666 г., затем был переведен в Покровский монастырь, «что на убогих домах», где вскоре скончался [Субботин 1875, с. 352–356; 1885, с. 84–85; Бубнов 2004, с. 148; 2007, с. 95]. Едва ли перемещение книги на Вятку было связано с самим Феокистом. Более вероятно, что книга попала на Вятку каким-то иным путем.

Сохранились сведения о позднейшем этапе бытования книги. По свидетельству дарителя, книга принадлежала старообрядческому наставнику Андрею Артемьевичу Чупракову (1864–1922) и находилась, вероятно, в основанном им «монастыре» — старообрядческом ските возле Кленовского починка в Слободском уезде Вятской губернии³⁰. После закрытия скита³¹ книга бытовала вместе с частью его книжного собрания сначала в Кленовском (Осиновке), затем в Кирове.

Литература

- Агеева — *Агеева Е. А.* Капитон // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2012. Т. 30. С. 547–551.
- Белянкин — *Белянкин Ю. С.* Неизвестный автограф протопопа Стефана Внифантьева // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума) / [Отв. ред. В. Н. Захаров]. М.: Ин-т российской истории РАН, 2020. С. 68–77.
- Бильдюг, Галашева, Кужлев — *Бильдюг А. Б., Галашева Т. Н., Кужлев М. В.* Описание собрания вятских рукописей в Древлехранилище Пушкинского Дома (оп. 59, Вятское собр.) // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2019. Т. 66. С. 387–440.
- Бороздин — *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: А. С. Суворин, 1900. XX, 320, 175 с.
- Бубнов 1985 — *Бубнов Н. Ю.* Спиридон Потёмкин и его «Книга» // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. 40. С. 345–363.
- Бубнов 1995 — *Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб.: БАН, 1995. 435 с.
- Бубнов 1998 — *Бубнов Н. Ю.* Спиридон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3: XVII в. Ч. 3: П–С. С. 490–493.

³⁰ О ските и его основателе А. А. Чупракове см.: [Ефимова, с. 200–216; Бильдюг, Галашева, Кужлев, с. 390, 391, 394].

³¹ По моим наблюдениям, это произошло в 1926 г.

- Бубнов 2004 — Бубнов Н. Ю. Феоктист // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3: XVII в. Ч. 4: Т-Я. Дополнения. С. 147–148.
- Бубнов 2007 — Бубнов Н. Ю. Книжная культура старообрядцев: Статьи разных лет. СПб.: БАН, 2007. 344 с.
- Грицевская — Грицевская И. М. Неронов, Иоанн // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2018. Т. 49. С. 46–50.
- Гурьянова 2004 — Гурьянова Н. С. «Книга о вере» в системе авторитетов старообрядчества // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. М. Юхименко. М.: Языки славянских культур, 2004. Вып. 3. С. 205–223.
- Гурьянова 2007 — Гурьянова Н. С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 378 с.
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. Т. 5. VIII, 510, 10, 9 с.
- Ефимова — Ефимова Н. А. Из истории одной старообрядческой общины Вятского края: (По архивным и экспедиционным материалам) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб.: БАН, 2020. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996) / Отв. ред. Ф. В. Панченко. С. 200–216.
- Житие Игнатия Ломского — Житие Игнатия Ломского / Подгот. текста и вступ. ст. А. А. Романовой // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Геннадия Вологодского и Кассиана Угличского: Тексты и словоуказатель / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 61–92.
- Записка о жизни Ивана Неронова — Записка о жизни Ивана Неронова / Подгот. текста и вступ. ст. Н. С. Демковой, коммент. Н. С. Демковой при участии И. А. Лобаковой // БЛДР. СПб.: Наука, 2013. Т. 17. С. 50–63, 514–517.
- Зверинский — Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб.: Синод. тип., 1897. Т. 3: Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II. [II], 259 с.
- Зеньковский — Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М.: Церковь, 1995. 528 с.
- Зёрнова — Зёрнова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог. М.: ГБЛ, 1958. 152 с.
- К сведению авторов — К сведению авторов, присылающих статьи в «Труды Отдела древнерусской литературы» // ТОДРЛ. СПб.: Пушкинский Дом, 2022. Т. 69. С. 698–700.
- Каптерев 1909 — Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: Т. 1–2. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1909. Т. 1. [2], VI, 525 с.
- Каптерев 1913 — Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: Время патриаршества Иосифа. 2-е изд. Сергиев Посад: М. С. Елов, 1913. VIII, 271 с.
- Коллекция М. И. Чуванова — Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог / Сост. И. В. Поздеева, подгот. при участии М. И. Чуванова. М.: ГБЛ, 1981. 162 с.

- Крылов — *Крылов А. П.* Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской епархии. Ярославль: Тип. Г. Фалька, 1861. 875 с.
- Лавров — *Лавров А. С.* Письмо и челобитная Ивана Неронова // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 101–106.
- Лавров, Морохин — *Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб.: Наука, 2021. 336 с.
- Монастыри и церкви Ярославской епархии — Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль: Тип. Губернской земской управы, 1908. 547 с.
- Описание РО БАН — Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л.: Наука, 1984. Т. 7, вып. 1: Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / Сост. Н. Ю. Бубнов; отв. ред. А. И. Копанев. 318 с.
- Панченко 1984 — *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
- Панченко 1993 — *Панченко А. М.* Иоанн (Гавриил) Неронов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3: XVII в. Ч. 2: И–О. С. 72–76.
- Плюханова — *Плюханова М. Б.* Ранний период старообрядчества в компаративном освещении // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: (к 400-летию со дня рождения протопopa Аввакума) / [Отв. ред. В. Н. Захаров]. М.: Ин-т российской истории РАН, 2020. С. 34–56.
- Понырко 1990 — *Понырко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 58–69.
- Понырко 1992 — *Понырко Н. В.* Житие Иоанна (Григория) Неронова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: XVII в. Ч. 1: А–З. С. 359–361.
- Преподобный Игнатий — Прп. Игнатий Чудотворец и основанная им Спасо-Ломская пуст[ынь], что ныне с[ела] Спасского на Лому церковь // Ярославские епархиальные ведомости. 1892. № 50. Стб. 785–791.
- Ранчин — *Ранчин А. М.* Традиционное и новое в «Записке о жизни Ивана Неронова» // Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 266–272.
- Романова 2008 — *Романова А. А.* Из вологодской агиографии: Житие Игнатия (Иоанна) Вологодского, Житие Игнатия Ломского (Вологодского), Чудеса Герасима Вологодского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Геннадия Вологодского и Кассиана Угличского: Тексты и словоуказатель / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 5–33.
- Романова 2009 — *Романова А. А.* Игнатий, прп. Ломский // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009. Т. 21. С. 93–95.
- Смирнов — *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1898. [4], VIII, CXXXIV, 237, 121 с.
- Субботин 1875 — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» / [Под ред. Н. Субботина].

- М.: Тип. Т. Рис, 1875. Т. 1: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 1: О лицах, судившихся на Соборе 1666–1667 года. 491, [1], VI с.
- Субботин 1881 — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра, митрополита / Под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1881. Т. 6: Историко- и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей. Ч. 3: Сочинения бывшего Благовещенского собора диакона Федора Иванова. XXVIII, 338 с.
- Субботин 1885 — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра, митрополита / Под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1885. Т. 7: Историко- и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей. Ч. 4: «Христианоопасный щит веры», Челобитная и другие сочинения инока Авраамия. XXX, 433 с.
- Титов — *Титов А. А.* Город Любим и упраздненные обители в Любиме и его уезде: Материалы для истории российской иерархии. М.: Изд. И. А. Вахрамеева, 1890. [2], 60, V, [1] с.
- Титова, Шашков — *Титова Л. В., Шашков А. Т.* Федор Иванов // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3: XVII в. Ч. 4: Т—Я. Дополнения. С. 92–101.
- Уо — *Уо Д. К.* История одной книги: Вятка и «несовременность» в русской культуре петровского времени. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 394 с.
- Черкасова — *Черкасова М. С.* Архивы Вологодских монастырей и церковей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда: Древности Севера, 2012. 575 с.
- Ярославская губерния. Списки населенных мест — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб.: Изд. центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1865. Вып. 50: Ярославская губерния: Списки населенных мест по сведениям 1859 года / Обработ. ред. А. Артемьевым. LXIX, 382 с.
- Michels — *Michels G. B.* At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford: Stanford University Press, 1999. 368 p.

References

- Ageeva, E. A. (2012). 'Kapiton', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya enciklopediya". Vol. 30, 547–551.
- Artem'ev, A., ed. (1865). *Spiski naseleennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennyye i izdavaemye Central'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del*. Saint Petersburg: Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del. Vol. 50: Yaroslavskaya guberniya: Spiski naseleennykh mest po svedeniyam 1859 goda, LXIX+382 p.
- Belyankin, Y. S. (2020). 'Neizvestnyj avtoGRAF protopopa Stefana Vnifant'eva', in: V. N. Zakharov, ed. *Starobryadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: problemy izucheniya: (k 400-letiyu so dnya rozhdeniya protopopa Avvakuma)*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 68–77.

- Bildyug, A. B., Galasheva, T. N., Kuzhlev, M. V. (2019). 'Opisanie sobraniya vyatskikh rukopisei v Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma (opis' 59, Vyatskoe sobranie)', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 66, 387–440.
- Borozdin, A. K. (1900). *Protopop Avvakum: Ocherk iz istorii umstvennoi zhizni russkogo obshchestva v XVII veke*. 2nd ed. Saint Petersburg: A. S. Suvorin, XX+320+175 p.
- Bubnov, N. Yu. (1985). 'Spiridon Potyomkin i ego "Kniga"', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 40, 345–363.
- Bubnov, N. Yu. (1995). *Staroobryadcheskaya kniga v Rossii vo vtoroi polovine XVII veka: Istochniki, tipy i evolyutsiya*. Saint Petersburg: Biblioteka Rossiiskoi akademii nauk, 435 p.
- Bubnov, N. Yu. (1998). 'Spiridon', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3: XVII vek. Pt. 3: P–S, 490–493.
- Bubnov, N. Yu. (2004). 'Feoktist', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3: XVII vek. Pt. 4: T–YA. Dopolneniya, 147–148.
- Bubnov, N. Yu. (2007). *Knizhnaya kul'tura staroobryadtsev: Stat'i raznykh let*. Saint Petersburg: Biblioteka Rossiiskoj akademii nauk, 344 p.
- Bubnov, N. Yu., ed. (1984). *Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR. Vol. 7, 1: Sochineniya pisatelei-staroobryadtsev XVII veka*. Leningrad: Nauka, 318 p.
- Cherkasova, M. S. (2012). *Arkhivy Vologodskikh monastyrei i tserkvei XV–XVII vekov: Issledovanie i opyt rekonstruktsii*. Vologda: Drevnosti Severa, 575 p.
- Demkova, N. S., ed. (2013). 'Zapiska o zhizni Ivana Neronova', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 17, 50–63, 514–517.
- Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoi kommissiei* (1853). Saint Petersburg: Tipografiya E. Pratsa. Vol. 5, VIII+510+10+9 p.
- Efimova, N. A. (2020). 'Iz istorii odnoi staroobryadcheskoi obshchiny Vyatskogo kraja (Po arkhivnym i ekspeditsionnym materialam)', in: F. V. Panchenko, ed. *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisei Biblioteki Akademii nauk. Vol. 8: Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Amosova (1948–1996)*. Saint Petersburg: Biblioteka Rossiiskoi akademii nauk, 200–216.
- Gritsevskaya, I. M. (2018). 'Neronov, Ioann', in: *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnyaya Entsiklopediya". Vol. 49, 46–50.
- Gur'yanova, N. S. (2004). "'Kniga o vere" v sisteme avtoritetov staroobryadchestva', in: E. M. Yukhimenko, ed. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX veka): Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 3, 205–223.
- Gur'yanova, N. S. (2007). *Staroobryadtsy i tvorcheskoe nasledie Kievskoi mitropolii*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 2007. 378 p.
- K svedeniyu avtorov, prisylayushchikh stat'i v "Trudy Otdela drevnerusskoi literatury" (2022), in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". Vol. 69, 698–700.
- Kapterev, N. F. (1909). *Patriarkh Nikon i car' Aleksei Mikhailovich*: 2 vols. Sergiev Posad: Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi lavry. Vol. 1, [2]+VI+525 p.
- Kapterev, N. F. (1913). *Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniya tserkovnykh obryadov: Vremya patriarshestva Iosifa*. 2nd ed. Sergiev Posad: M. S. Elov, VIII+271 p.
- Kratkie svedeniya o monastyryakh i tserkvyakh Yaroslavskoi eparkhii* (1908). Yaroslavl: Tipografiya Gubernskoi zemskoi upravy, 547 p.

- Krylov, A. P. (1861). *Istoriko-statisticheskii obzor Rostovsko-Yaroslavskoi eparkhii*. Yaroslavl': Tipografiya G. Fal'ka, 875 p.
- Lavrov, A. S. (2009). 'Pis'mo i chelobitnaya Ivana Neronova', *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 1 (35), 101–106.
- Lavrov, A. S., Morokhin, A. V. (2021). *Revniteli blagochestiya: ocherki tserkovnoi i literaturnoi deyatel'nosti*. Saint-Petersburg: Nauka, 336 p.
- Michels, G. B. (1999). *At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia*. Stanford: Stanford University Press, 368 p.
- Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform*. Leningrad: Nauka, 205 p.
- Panchenko, A. M. (1993). 'Ioann (Gavriil) Neronov', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3: XVII vek. Pt. 2: I–O, 72–76.
- Plyukhanova, M. B. (2020). 'Rannii period staroobryadchestva v komparativnom osveshchenii', in: V. N. Zakharov, ed. *Staroobryadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: problemy izucheniya: (k 400-letiyu so dnya rozhdeniya protopopa Avvakuma)*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossijskoi akademii nauk, 34–56.
- Ponyrko, N. V. (1990). 'Obnovlenie Makarieva Zheltovodskogo monastyrya i novye lyudi XVII veka — revnители blagochestiya', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 43, 58–69.
- Ponyrko, N. V. (1992). 'Zhitie Ioanna (Grigoriya) Neronova', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3: XVII vek. Pt. 1: A–Z, 359–361.
- Pozdeeva, I. V., ed. (1981). *Kollektsiya staropechatnykh knig XVI–XVII vekov iz sobraniya M. I. Chuvanova: Katalog*. Moscow: Gosudarstvennaya biblioteka imeni V. I. Lenina, 162 p.
- 'Prepodibnyi Ignatii chudotvorets i osnovannaya im Spaso-Lomskaya pustyn', chto nyne sela Spasskogo na Lomu cerkov" (1892), *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti*, 50, 785–791.
- Ranchin, A. M. (2007). 'Traditsionnoe i novoe v "Zapiske o zhizni Ivana Neronova"', in: *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaya knizhnost' v interpretatsiyakh, razborakh i kommentariyakh*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 266–272.
- Romanova, A. A. (2008). 'Iz vologodskoi agiografii: Zhitie Ignatiya (Ioanna) Vologodskogo, Zhitie Ignatiya Lomskogo (Vologodskogo), Chudesa Gerasima Vologodskogo', in: A. S. Gerd, ed. *Zhitiya Ignatiya Vologodskogo, Ignatiya Lomskogo, Gennadiya Vologodskogo i Kassiana Uglichskogo: Teksty i slovoukazatel'*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 5–33.
- Romanova, A. A. (2009). 'Ignatii, prepodobnyi Lomskii', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 21, 93–95.
- Romanova, A. A., ed. (2008). 'Zhitie Ignatiya Lomskogo', in: A. S. Gerd, ed. *Zhitiya Ignatiya Vologodskogo, Ignatiya Lomskogo, Gennadiya Vologodskogo i Kassiana Uglichskogo: Teksty i slovoukazatel'*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 61–92.
- Smirnov, P. S. (1898). *Vnutrennie voprosy v raskole v XVII veke: Issledovanie iz nachal'noi istorii raskola po vnov' otkrytym pamyatnikam, izdannym i rukopisnym*. Saint Petersburg: Tovarishchestvo "Pechatnaya S. P. Yakovleva", 4+VIII+CXXXIV+237+121 p.

- Subbotin, N. I, ed. (1875). *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye redaktsiei "Bratskogo slova"*. Vol. 1: *Dokumenty, sodержashchie izvestiya o litsakh i sobyitiyakh iz istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya. Pt. 1: O litsah, sudivshikhhsya na Sobore 1666–1667 goda*. Moscow: Tipografiya T. Ris, 492+VI p.
- Subbotin, N. I, ed. (1881). *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye Bratstvom svyatogo Petra, mitropolita*. Vol. 6: *Istoriko- i dogmatiko-polemicheskie sochineniya pervykh raskolouchitelei. Pt. 3: Sochineniya byvshego Blagoveshchenskogo sobora diakona Fedora Ivanova*. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana, XXVIII+338 p.
- Subbotin, N. I, ed. (1885). *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye Bratstvom svyatogo Petra, mitropolita*. Vol. 7: *Istoriko- i dogmatiko-polemicheskie sochineniya pervykh raskolouchitelei. Pt. 4: "Khristianoopasnyi shchit very", Chelobitnaya i drugie sochineniya inoka Avramiya*. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Y. Romana, XXX+433 p.
- Titov, A. A. (1890). *Gorod Lyubim i uprazdnennye obiteli v Lyubime i ego uезде: Materialy dlya istorii Rossiiskoi ierarkhii*. Moscow: I. A. Vakhrameev, 2+60+VI p.
- Titova, L. V., Shashkov, A. T. (2004). 'Feodor Ivanov', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3: XVII vek. Pt. 4: T–Ya. Dopolneniya, 92–101.
- Waugh, D. C. (2003). *Istoriya odnoi knigi: Vyatka i "nesovremennost'" v russkoi kul'ture Petrovskogo vremeni*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 394 p.
- Zen'kovskii, S. A. (1995). *Russkoe starobryadchestvo: Dukhovnye dvizheniya semnadsatogo veka*. Moscow: Tserkov', 528 p.
- Zverinskii, V. V. (1897). *Materialy dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh v Rossiiskoi imperii*. Vol. 3: *Monastyri zakrytye do tsarstvovaniya Ekateriny II*. Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, II+259 p.
- Zyornova, A. S. (1958). *Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh: Svodnyi katalog*. Moscow: Gosudarstvennaya biblioteka imeni V. I. Lenina, 152 p.

Т. Н. Галашева

ДНЕВНИК ПИНЕЖСКОГО КРЕСТЬЯНИНА
П. Н. НИКИФОРОВА 1914 г.:
ВОЙНА И ПЛЕН ГЛАЗАМИ СОЛДАТА¹

Резюме

В статье впервые публикуется дневник Прокопия Николаевича Никифорова (ИРЛИ. Пинежское собр. № 754), охватывающий события с 18 июля по 30 декабря 1914 г. В записях отражены мобилизация, первые бои, попадание в плен под г. Опатовом 21 сентября, нахождение в двух немецких лагерях военнопленных. Дневник сохранился в подлиннике, записи делались карандашом в специальном издании для нижних чинов — «Записной книжке». При анализе дневника мы сосредоточились на нескольких особенно интересных темах: образе неприятеля, меняющемся в ходе повествования, противопоставленном общности русских солдат; молитвенных песнопениях как способе самоидентификации Прокопия Николаевича и других пленных; событиях в мире лагеря — слухах, еде, погоде, праздниках и буднях. В качестве контекста к записям Прокопия Николаевича приводятся сходные места из других дневников и солдатских писем. Неизвестно, что случилось с автором дневника в дальнейшем, однако описание Пинежского собрания позволило узнать о жизни П. Н. Никифорова в мирное время: записи на печатных и рукописных книгах говорят об их принадлежности деду, отцу Прокопия Николаевича и ему самому.

Ключевые слова: Первая мировая война, плен, дневник, эго-документ, Ваймуша, Графенвёр, Дрелехранилище им. В. И. Малышева

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10135: «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI — начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени».

THE 1914 DIARY OF THE RUSSIAN PEASANT
PROKOPII NIKIFOROV:
THE WAR AND CAPTIVITY THROUGH THE EYES OF A SOLDIER

Abstract

This is the first publication and study of a diary written by Prokopii Nikolaevich Nikiforov (Institute of Russian Literature, Pinega Collection, no. 754), which covers the period from July 18 to December 30, 1914. The entries describe his mobilization, first battles, his capture near Opatov on September 21, and his stay in two German prisoner of war camps. The diary, which is preserved in the original, was written in pencil in a special "Notebook", a printed edition for the lower ranks. This study focuses on several topics: the image of the enemy, which changes over the course of the diary, as opposed to the general Russian soldiers; prayer chants that served as a means of self-identification for Prokopii Nikiforov and other prisoners; and important aspects associated with camp life — rumors, food, the weather, holidays, and daily routines or incidents. The article examines Nikiforov's notes in the context of similar passages in the diaries and letters of other soldiers. It is not known what happened to the author of the diary after 1914, but the description of the Pinega Collection provides some information about his life in peacetime: notes on printed and handwritten books reveal that they belonged to his grandfather, his father, and Prokopii Nikiforov himself.

Keywords: World War I, captivity, diary, ego-document, Vaimusha, Grafenwöhr, Pushkinskii Dom

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-75-105

Голоса очевидцев — участников Первой мировой войны сохранились в источниках личного происхождения: письмах, воспоминаниях, дневниках. В разных источниках звучат сходные мотивы; отражается повседневность войны и, кроме того, «главное — мысли, чувства, душа человека на войне» [Сенявская 1997, с. 5].

По замечанию публикаторов и исследователей таких документов, они «не столько открывают нам неизвестные детали военной жизни, сколько демонстрируют разнообразие личностей» [Первая мировая война в зеркале эго-источников, с. 11], а также «способствуют выявлению изменчивости (...) приоритетов массового сознания, мотивов социального поведения» [Поршнева, с. 66]. Как отмечает М. В. Друзин, для реконструкции военных будней плодотворным является сравнение источников «как по горизонтали, т. е. когда авторами выступают военные одного ранга, так и по вертикали военной иерархии» [Друзин, с. 198].

Восприятие крестьянами событий войны имело большое значение уже для современников, поскольку именно эта наиболее обширная категория ее участников олицетворяла «народ на войне». Сборник устных свидетельств с таким названием был впервые опубликован в 1917 г. — «теперь, когда мы теряем представление о народе своем, и все кажется таким неожиданным» [Федорченко, с. 4]. С той же целью — составить представление о народе — публиковались крестьянские письма [Молостова; Чаадаева]. З. Н. Гиппиус, вступив в переписку с солдатами под маской трех петроградских девушек, составила сборник из писем воинов [Комелина]. К. И. Чуковский предполагал, что в солдатских письмах отразилось бы «коллективное, массовое, сплошное лицо», «лик нового Платона Каратаева, широчайший, поэтический образ всемужицкой, всеславянской души» [Чуковский, с. 10], отмечал преобладание психологического материала над фактическим в письмах русских солдат, в противоположность письмам англичан.

Вопрос о «народе на войне» сохраняет свою актуальность и сегодня. Наиболее полное представление о различных темах, отраженных в письмах с фронта, дает труд А. Б. Асташова и П. А. Симмонса (2015 г.), составленный на основе материалов военно-цензурных органов [Письма с войны]. Но если корпус солдатских писем очень обширен, то введенные в научный оборот солдатские дневники малочисленны. Мрачным настроением и обстоятельностью отличается дневник крестьянина Пермской губернии Александра Дмитриевича Сереброва [Первая мировая война в зеркале эго-источников, с. 227–260], который известен только в копиях, рукописной и машинописной. Также в копии сохранился дневник уроженца Вятской губернии Николая Демидовича Мурсатова, иногда напоминающий скорее воспоминания, написанные на основе более ранних записей [Кудрявцев, Соколов 2014; 2016]².

Дополнить имеющиеся источники позволяет архив крестьянских материалов, представленный в Древлехранилище Пушкинского Дома. Некоторые автобиографические тексты эпохи Первой мировой войны из собраний Древлехранилища уже были опубликованы Г. В. Маркеловым, А. Г. Бобровым и В. П. Бударагиным: воспоминания в стихах ярославского крестьянина Григория Филатовича Кругова; мемуары Ивана Степановича Карпова и Степана Артамоновича Ступина, написанные в 1970-х гг., а также созданные по свежим следам записки Семена Никифоровича Томилова [Первая мировая война в устном и письменном творчестве, с. 278–508]. Ценные

² См. также публикации дневников Михаила Сидоровича Анисимова и Нестора Никитовича Белоуса на сайте проекта «Прожито» (<https://prozhito.org>, дата обращения — 17.02.23).

наблюдения о последних двух источниках, имеющих пинежское происхождение, сделаны в статье А. А. и Н. В. Савельевых. В заметках С. Н. Томилова, в целом представляющих собой «однообразное описание маршрута следования войск», в котором переходы, бои и неустроенность быта представлены как «будничная работа», выделяются первая встреча с немцами, описания богослужений, городов и аэропланов. В мемуарах С. А. Ступина практически отсутствуют фактические данные, в их стиле «сочетаются, с одной стороны, традиционные сказовые интонации и формулы, с другой — устойчивые клише советской эпохи» [Савельев, Савельева 2006, с. 144–149].

В настоящей статье публикуется еще один пинежский по происхождению источник — дневник Прокопия Николаевича Никифорова³. Он привезен археографической экспедицией Института русской литературы (Пушкинского Дома) и Ленинградского государственного университета в 1988 г., получен от Анфисы Егоровны Нифантьевой (д. Ваймуша). В описании отмечена трудночитаемость записей: «Текст написан карандашом, в отдельных местах почти стерт» [Савельев, Савельева 1992, с. 457, 460; Савельева 2003, с. 635–636].

Записи ведутся в специальном издании для нижних чинов — печатной «Записной книжке», которая расчерчена на таблицы для платежных отметок («хлебные и крупяные деньги», «выдача мыла натурой», «детское пособие, квартирные деньги» и т. д.), дополнена изображением ранцевого снаряжения солдата, таблицей результатов пристрелки из винтовки⁴. В книжке есть записи чернилами и карандашом за 1909–1912 гг., связанные с прохождением службы. Из них можно узнать, что Прокопий Николаевич холост, грамотный, знает мастерство письмоводства; родом из деревни Сивизгорской Никитинской волости Пинежского уезда Архангельской губернии. Был зачислен на военную службу в 37 Артиллерийскую бригаду в декабре 1909 г., но через три месяца «уволен по болезни в годичный отпуск на родину» и возвращен в декабре 1910 г.; получил звание младшего унтер-офицера 17 марта 1912 г. При мобилизации Прокопий Николаевич сам обновляет анкетные данные в книжке — снова записывает карандашом свое имя и даты: на службе с 23 июля 1914 г., в роте с 4 августа 1914 г. (л. 1)⁵.

³ ИРЛИ. Пинежское собр. № 754. Солдатская книжка Прокопия Николаева Никифорова за 1910–1914 гг., в 8-ку, 16 л., чернила, карандаш. Серый карандаш два раза сменяется фиолетовым.

⁴ Отдельные листы книжки утрачены, порядок листов был изменен: л. 3 (с. 41–42 записной книжки) вложен перед л. 4 (с. 19–20). Ср., например, с изданием 1915 г. [Записная книжка]: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_gc_2096278/ (дата обращения — 11.04.23).

⁵ Здесь и далее в скобках даются ссылки на листы дневника, который публикуется в Приложении к статье.

Большая часть листов «Записной книжки» не заполняется по назначению. В 1914 г. в книжке появляются карандашные записи поверх таблиц. В них отражен путь на войну, передвижение войска, первые бои и плен. Записи в книжке обрываются с наступлением нового, 1915 г. Записи Прокопия Николаевича уникальны тем, что имеют не мемуарный, а дневниковый характер и при этом сохранились в оригинале. Вчитываясь в стертый карандашный текст, мы слышим человека, находящегося в пути, в бою и в плену, — его горькую иронию, тоску по близким, стремление зафиксировать значение каждого уходящего дня.

На листе с «результатами пристрелки на 100 шагов», вложенном в самом начале книжки (л. 2; см. *ил. 1*), сделана запись обобщающего содержания: Прокопий Николаевич решает перечислить, что произошло с ним и его товарищами в 1914 г. Бои под Сандомиром и Опатовом, попадание в плен 21 сентября, перемещение в лагерь в Германию 28 сентября, перемещение в новый лагерь Графенвёр 12 декабря (исследователи отмечают особенно тяжелое положение русских военнопленных в этом лагере [Müller]). Приведенный отчет (как и само подробное описание попадания в плен) может выглядеть как предуготовленное оправдание на случай допроса: «С точки зрения военного руководства, плен воспринимался как позор, а пленные в большинстве своем — как предатели, изменившие долгу и присяге» [Сенявская 2013, с. 66]⁶. Несколько раз в книжке встречаются адреса: собственный адрес в Баварии, адрес в Петрограде, два раза — адрес матери в Ваймуше (как известно, была возможна не только переписка с военнопленными, но и передача им посылок).

Отправной точкой для дневника является дата получения известия о мобилизации — 18 июля 1914 г. (л. 4 об.). По замечанию А. А. Савельева и Н. В. Савельевой, именно рекрутский набор становился «может быть, единственной возможностью для крестьянина из отдаленных уголков России увидеть иной мир, не ограниченный рамками своей деревни»; «места и люди (...) побуждали не только к устным рассказам, но и к письменной фиксации пережитого, к созданию своих воспоминаний и записок» [Савельев, Савельева 2006, с. 133]. И всё же обращает на себя внимание готовность Прокопия Николаевича именно начиная с этой даты фиксировать события, придавать

---

⁶ Ср. в дневнике Н. Д. Мурсатова: «Я скомандовал „стой“, и взяли мы на изготовку, хотели стрелять, но вижу, что они передаются, бросили винтовки и забормотали по-своему что-то. Мы побежали к ним, стали отбирать у них патроны и вдруг слева прибежали к нам австрийцы, человек 10 и скомандовал один из них: „Бросай патроны!“ Мы ничего не могли сделать — нас забрали самих. Нас было 5 человек, их стало 13; делать было нам нечего — пришлось сдаваться в плен» [Кудрявцев, Соколов 2014, с. 152].

им особое значение. Вероятно, первые записи были сделаны уже в пути, ретроспективно.

Объявление мобилизации повлекло за собой хозяйственные заботы, необходимость срочно вернуться домой из Верколы: «19 дома осматривал хозяйство». Зарисовывается на память картина проводов: «многочисленное стечение односельчан», угощение — «был у дяди, чай, кофе, обѣд» (л. 4 об.). В этой картине важна каждая деталь: 21 июля отмечается участие в «прогулках» и «именинах», причем очередность этих событий, записанных по ошибке в обратном порядке, восстановлена вписанными над словами цифрами; при описании угощения дяди Павла Петровича начатое было слово «кофе» тут же исправляется на «чай». Записываются названия окрестных деревень, отмечается, с кем мобилизованный ехал «на одной парѣ» на сборный пункт в Пинегу, на каком пароходе плыл в Архангельск (пароход «Бородино» братьев Володиных). Посадка на пароход занимает большое место в воспоминаниях С. А. Ступина: «...а 3 свисток был дан прощальный и печальный, жалобный, долгий с воем. Вот тут-то и было родных плаканье, рев, некоторые матери падали без памяти на землю» [Первая мировая война в устном и письменном творчестве, с. 302]. В отличие от своего земляка, П. Н. Никифоров не фиксирует в дневнике никаких горестей прощания. При отдалении от родных мест события ускоряются, кратко записываются перемещения между городами вплоть до Царского Села, а затем — до Варшавы.

Из дальнейших событий короткой военной жизни Прокопия Николаевича отмечаются «днёвки», дни, когда «шли походом», дни, когда «окопы рыли»; переходы рек, исповедь и причастие в г. Гройце. После первого боя под дер. Каменкой 26 августа в дневнике появляется запись с характеристикой врага: «Нѣмцы это Культурный народ, и не как наши русские образованные всѣ». И. В. Нарский отмечает, что страх перед непобедимым противником «постепенно уступил место восхищению немецкой техникой, выдержкой и дисциплиной» и интерпретирует эту тенденцию как «сигнал растущей открытости крестьян в солдатских шинелях к восприятию европейского понимания прогресса» [Нарский, с. 499]. О. С. Поршнева на основании фольклорных текстов и письменных источников крестьянского происхождения делает вывод: «...немец стал приобретать в их глазах черты сверхчеловека, наделенного могучим разумом, волей и даже магическими, сверхъестественными способностями, недоступными русскому человеку» [Поршнева, с. 187]. Впрочем, это первое впечатление Прокопия Николаевича впоследствии уступает место другим, «образ противника (<...> менялся, переходя от абстрактно-обобщенных очертаний к более конкретным, приобретая глубоко личностную, эмоциональную окраску» [Сенявская 1997,

с. 33]. Интерес к немцам как к другому, незнакомому типу людей отражается, например, в записках С. Н. Томилова: «пришел поезд из Белостоку с пленными немцами, где мне пришлось их видеть в военной форме первый раз. Мы при остановке нихного поезда ходили смотреть них (...) И некоторые разговаривали из наших, кто мог по-немецки, и дарили ним яблоки и т. п., папиросы» [Первая мировая война в устном и письменном творчестве, с. 312].

В записях первого месяца в строю уже видно, как важна для Прокопия Николаевича их ежедневность: напротив числа иногда ставится прочерк или буква «т», что значит «то же, что и вчера». Записи очень краткие, на них, очевидно, не хватает времени. Еще в Архангельске Прокопий Николаевич был распределен в Запасный батальон лейб-гвардии 1-го стрелкового полка. Вероятно, он участвовал в подготовке Варшавско-Ивангородской операции (28.09 — 8.11.1914) [Иминов]. Последняя запись военного периода — бой под г. Опатовом 21 сентября. В этот день Прокопий Николаевич попадает в плен и подробно записывает, как это случилось: «не имѣя возможности держаться нашим войскам было приказано отступить, т. к. неприятель окружает нас с 3-х сторон, подкрѣплений с нашей стороны не было при чем обѣ стрѣлковыя бригады были разбиты неприятелем. Бѣжали кто как мог спасался — в этом послѣднем для меня бою я был ранен в правую ногу повыше колѣна на вылет» (л. 8 об.—9; см. *ил.* 2). Раненый долго лежал в ожидании перевязки, затем был перевязан и отведен в польскую деревню, которая на следующий день была взята противником.

Первая встреча лицом к лицу с неприятелем опять производит на автора дневника хорошее впечатление: «...22 Сен(тября) зашел в хату герм(анский) солд(ат) и тут же я был взят и отвѣден на перевяз(очный) пункт (...) тут осмотрен германским доктор(ом) котор(ый) относился весьма хорошо и внимательно ко всѣм больным, а также и Герм(анские) солд(аты) относились хорошо» (л. 9—9 об.). Ср., например, в воспоминаниях А. А. Успенского: «В это время прибыла немецкая санитарная рота с носилками и перевязочным материалом. (...) я невольно восхищался этой немецкой, чисто военной, организацией спасения погибающих на войне воинов» [Успенский, с. 196].

Лагерный опыт Прокопия Николаевича приходится на «фазу импровизации», как исследователи называют период, когда система содержания военнопленных в Германии только начинала складываться [Нагорная 2010, с. 100]. Тема наблюдения за иностранцами и за человеком в целом продолжается в дневнике в дальнейшем. Прокопий Николаевич фиксирует жестокость и несправедливость, в том числе ставшее «предметом международной дискуссии (...) применение по отношению к военнопленным общепринятой в немецкой армии экзекуции — привязывания к столбу» [Нагорная 2010,

с. 123—124]. «Днем видно было как нѣмцы привязывали к столбу виновных и как стегали плѣтью — за воровство» (л. 10); «Интересно отмѣтить, как выдавали масло плѣнным 3 ½ (?) ведра на роту дали а фельдфебель дал по самому ничтожному кусочку, а сам с переводчиками и взводными съѣли чуть не цѣлое ведро» (л. 10 об.); «один нѣмец ударил прикладом одного по шеѣ плѣнного, что тот сразу же поступил в лазарет унесли его на носилках» (л. 10 об.—11) и т. д. Эти же наказания упоминаются в «Воззвании бежавших из плена солдат и офицеров» 1917 г.: «И всегда нас караулил немецкий солдат, который бил нас прикладом (<...> Наказания были самые жестокие: подвешивали к столбу, на 5 часов выставляли на мороз в одном белье, били палками» [Воззвание бежавших].

К ноябрю, на втором месяце плена, появляются записи, в которых автор осознает себя как часть сообщества русских солдат в противопоставлении немцам: «...весьма относились грубо, даже ненавистно, хотѣли прямо живых вогнать в землю но крѣпок русский солдат чего он не перенесет все ему хорошо, сказаному вѣрит, пошли куда послушно идет, все исполнит без малейшаго замедления» (л. 11—11 об.). Наступление зимы означает холод и голод для всего сообщества «несчастливых отцов, сыновей и сирот». Сиротами названы все, кто оказался вдали от родной земли («матери»): так, о празднике Введения Богородицы во храм говорится: «...этот день встрѣтить дома в кругу родных и матушки России» (л. 12). Образ святой Руси связан не только с церковными праздниками, но и с бытовыми обычаями — например, удивление вызывает душ: «30 Декабря водили в баню всего на 15 минут мытья, бани их дождики, не такія, как у нас в Руси святой» (л. 14)⁷.

Особенно заметно разделение на «мы» и «они» в преддверии праздника Рождества. Многократно повторяется указание «их»: «12 декабря их рождество, накануне зажжена была елка, украшена одними электрическими лампочками, играла их музыка, пѣли их пѣвчие — музыканты, потом наши, наши пѣли еще молитвы, как все равно насмѣшка над русскими людьми» (л. 12 об.). Накануне православного Рождества французские пленные устроили елку, но Прокопий Николаевич держался привычных традиций: «...я тут не участвовал, потому, что вечером, под праздник, по христианскому обычаю не полагается и весьма не прилично» (л. 13 об.). В сам праздник никаких подарков не случилось: «улучшения пищи не какой не было, нѣ достойны этого русские люди» (л. 13 об.). По замечанию О. С. Нагорной, «для православных военнопленных чужая религиозная среда содержала в себе

⁷ Ср. из солдатского письма об окопной жизни: «Теперь помылся как бы в своей бане, то поцеловал бы сто раз свою баню, теперь больше двух месяцев не мылись» [Молоствовва, с. 22].

скрытый конфликтный потенциал, так как нарушала маркированный церковными праздниками годовой цикл (...) Большинство пленных к этой дате ожидали маленького чуда: посылки, улучшения пищи, освобождения от работ. Несбывшиеся надежды часто провоцировали эмоциональные срывы» [Нагорная 2010, с. 293–294]⁸.

Впрочем, праздник во время войны так ощущался не только в плену. Ср. в дневнике А. Д. Сереброва: «Рождество Христово! Как весело звучат эти слова, но только дома, а здесь оно заглушено дисциплиной (...) льется кровь, как река, избивают народы друг друга, не зная за что (...) Принесет ли Новый год счастье или несчастье. Господь знает» [Первая мировая война в зеркале эго-источников, с. 233]⁹. То же несбывшееся ожидание нового звучит в горькой записи Прокопия Николаевича, одной из последних в дневнике: «наконец-то и наступил и конец старого года, вечером пѣли молитвы из все-нощной и молебны, а утром — из литургии и молебна — , вот тебѣ и новый год и новое счастье» (л. 14).

Как показывает дневник П. Н. Никифорова, пение молитв, празднование православных праздников было главной опорой, за которую держались пленные. Это был и повод для доброжелательного контакта с чужеземным миром, это было то самобытное, что сохранили и могли показать другим русские пленные: «Сегодня двѣ недѣли плѣну — 4-го окт(ября) в первый раз раздалось пѣние православ(ных) воинов пѣние молитвы Отче наш, Спаси Господи и Воскресени(е) Христ(ово) видѣвше. (...) Вечером пѣли молитву, фельдфебелю Германии понравилось, попросил еще раз пропѣть что было исполнено, а он в свою очередь остался доволен» (л. 10). В литературной обработке В. В. Корсака близкое по сути событие выглядит следующим образом: «Голосов в лагере оказалось немало, и голосов хороших (...) Для начала, в пику немцам, спели русский гимн. (...) Французы и бельгийцы останавливались и прислушивались с удивлением (...) Пришли и встали в сторонке немцы. Ввалились гурьбой англичане, с засунутыми в карманы руками. Пение дало некоторый исход настроению пленных, и спевки стали происходить почти каждый день (...) Может быть, это пение и навело кого-нибудь из

---

⁸ Те же мысли звучат в записях Н. Д. Мурсатова, сделанных в плену: «Сегодня праздничный день, а нам русско-пленным горе и беда, голодом уморяют, а на работу в будни и в праздник выгоняют (...) Когда я был дома, если приходит какой-нибудь Великий праздник, то каждый человек с радостью дожидается. А сейчас только [и] знаешь, что подходит праздник, и так же постепенно проходит, как будто бы не бывало ничего, потому что радости никакой не приносит, кроме печали» [Кудрявцев, Соколов 2016, с. 174, 175].

⁹ О праздниках в окопах в солдатских письмах см. также: [Молостова, с. 48–54].

них на мысль, что русские не такие уж варвары, как они себе представляли» [Корсак, с. 78–79].

Не только церковные песнопения, но и народные песни могли звучать как самопрезентация в ситуации войны. Вот как это описано, например, в одном из солдатских писем (14.08.1916): «В наших передовых окопах был концерт, сперва у немцев играл граммофон, а затем наши запели „три деревни, два села“, с шиканьем и присвистом. Немцам это очень понравилось и с их стороны раздались аплодисменты и крики „браво Рус“, „бис“, и как завечерело, концерты перестали, стали перебрасываться ручными бомбами» [Письма с войны, с. 450–451]¹⁰. Однако в записях Прокопия Николаевича, человека воцерковленного¹¹, многократно упоминаются именно молитвенные песнопения: «Введение во храм Пр(есвятой) Богор(одицы) провели весьма скучно, пѣли, что знали, невольно блеснули слезы, когда услышали пѣние „Христос раждается, славите“ — судить идет Господь» (л. 12). Почти в тех же словах о подобном впечатлении вспоминает А. А. Успенский: «когда импровизированный хор офицеров стройно запел „Слава долготерпению Твоему, Господи“, умилению и слезам нашим не было конца» [Успенский, с. 224]. По замечанию О. С. Нагорной, лагерные церкви становились «местом духовного утешения и убежищем от угнетающей действительности», они «маркировались пленными как „свое“, недостижимое для „чужих“ пространство, поэтому чаще всего они использовались как комнаты для совещаний при подготовке побегов» [Нагорная 2010, с. 105].

В других записях о церковных праздниках также часто встречается пометка «скучно», которая означает особую тоску по дому в эти дни. «Социальная ностальгия для пленных становилась не просто моделью поведения, она определяла их жизнь. В прошлом военнопленные черпали силы (...) Наиболее знаковым моментом для такого рода ностальгии становилась тоска по родным и близким» [Абдрашитов, с. 131]. В дни праздников единственным утешением оказывается общение с земляками, с которыми можно «разделить» время и воспоминания: «8 — ноября Михайлов день — празд-

¹⁰ Ср. также в воспоминаниях полковника Г. Н. Чемоданова: «Заставьте петь армии западных народов. В них вы не услышите пения, а русская армия поет и пела и с горя, и с радости, в часы отдыха и во время самых тяжелых переходов. Она ищет развлечения, утешения и бодрости в пении, это ее особенность» [Сенявская 1997, с. 13]. О создании хора на военной службе и управлении им вспоминал также И. С. Карпов [Первая мировая война в устном и письменном творчестве, с. 290–293].

¹¹ Различные примеры «окопной религиозности» [Аксенов, с. 645–658], «мистической защиты путем выполнения неких ритуальных действий» [Сенявская 1997, с. 69], судя по всему, не относятся к Прокопию Николаевичу, для которого молитва и богослужбное пение были способом самоидентификации (см. подробнее ниже).

ник всѣх православных христиан — вспоминаю прошлое — дѣлю время с Александром Егор(овичем) Щепоткиным» (л. 11 об.). То же — о Рождестве: «...праздник провели скучно и весьма грустно, вспоминая своих родных и знакомых но вспоминали-ли они об нас несчастных, время проходит скучно, подѣлили между собою, и нашлись товарищи — приятели мои братья Кузнецовы — Михаил и Сергѣй Дмитриевы» (л. 13 об.—14). По ощущениям пленных, тоска по близким не получает взаимного отклика. Сходные мотивы покинутости звучат в письмах из плена: «...не знай, так скоро забыли меня, и я, видно, брошен на произвол судьбы» [Молоствовова, с. 95–98].

В своеобразном стиле письма Прокопия Николаевича особенно интересна, как представляется, его способность взглянуть на происходящее со стороны. В записи, относящейся к первым дням плена, он пишет: «30 и 1 окт(ября) разбивали повзводно была неусыпная путаница и со стороны казалось посмѣшной» (л. 9 об.). В воспоминаниях офицера А. А. Успенского есть похожий эпизод: «По тревоге в четыре часа утра был поднят весь лагерь (...) шел проливной дождь. Некоторые офицеры, не успев одеться, укрылись от дождя одеялами или скатертями. Было смешно!» [Успенский, с. 235]. Собственные чувства Прокопий Николаевич почти не описывает, он всегда часть «нас», от лица которых он пишет и которых всех вместе жалеет. Еще один пример грустной иронии построен на сопоставлении понятий на воле и в плену: «13–14 — заговѣнье — заговѣлись коркой черного хлѣба» (л. 12).

Что является событием в мире военнопленных? Несколько раз Прокопий Николаевич записывает слухи. По замечанию М. Блока, ложные новости рождаются из коллективных представлений [Bloch, с. 31], — это прежде всего слухи о мире и победе: «...суп гречневый все время носят слухи об мирѣ — но насколько онѣ вѣрны, утвердительно ни кто не знает» (3 ноября 1914 г., л. 11); «Сегодня носился слух, что Познань взята нашими войсками» (7 ноября 1914 г., л. 11 об.); «слышны слухи, что Германская армия окружена, и предложено сдаться в плѣн или же биться до послѣднего — срок дан будто бы до 10 числа Декабря новаго стиля, т. е. до 28 Ноября» (15–21 ноября 1914 г., л. 12). Или просто наблюдения о погоде: «...из сдѣшних разговоров слышно что в это время не помнят таких морозов, как нынче» (8 ноября 1914 г., л. 11 об.).

Важнейшими темами дневника остаются холод и голод. Фиксируется периодическое появление в меню колбасы, маринованной селедки, чая. По наблюдению Е. С. Сенявской, на войне «опасность становится частью быта, а мелкие бытовые детали неотделимы от функционирования человека в обстановке постоянной опасности» [Сенявская 1997, с. 12]. В иные дни

в записях прорывается накопившаяся тоска: «...пищи и хлѣба весьма мало, помѣщение холодное, шинелей нѣт, у нѣкоторых отобрали, раз в сутки получаем горячую пищу и один раз кофе без сахара...» (л. 11).

Пленных прививали оспу, устраивали обязательные прогулки. Прокопий Николаевич записывает свои рассуждения об этом: «...с утра гоняли на прогулку, для того это сдѣлали, чтобы люди не болѣли, а сами не подумали, что хлѣба малое количество дают, а так-же и пищи...» (л. 11 об.)¹². Но важно не только выплеснуть тоску, но и запечатлеть рутину в ежедневных записях: «3-е окт(ября) прошло однообразно, как всегда» (л. 9 об.); «6-го утро то же самое» (л. 10); «начало Декабря разнообразно» (л. 12 об.). Выражениями «то же», «по обычаю» и другими продлевается непрерывная цепь дней¹³.

Итак, если в первой части дневника основными событиями являются проводы, передвижения, встреча с врагом и причастие, то во второй его части — погода, еда, слухи, пение молитв, случаи несправедливости, встречи с земляками, праздники и будни. Поначалу отсутствовавшая враждебность к неприятелю (на месте которой было любопытство и даже восхищение) постепенно появляется на почве самого устройства лагерной жизни.

При сопоставлении с солдатскими письмами можно заметить, что в дневнике не отражаются многие важные в письмах темы: тяготы окопной жизни (вши, опасность, снаряды); сам процесс письма («не пообезсудьте, что плохо написал, ведь это не на столе, а на коленях и лежа на брюху написано, по всячески» [Молоствовова, с. 29]), внешняя обстановка (разоренные деревни, природа), рассуждения о службе и войне. Вероятно, отсутствие этих тем связано не только с жанром, но и с особенностями личности пишущего. О. С. Нагорная описывает различные практики «пассивного встраивания в ситуацию», которые складывались в плену: употребление алкоголя, табака; формирование жаргона, привычка встраивать в речь немецкие слова [Нагорная 2007, с. 540–542], — всё это не находит отражения в дневнике (немецкое слово употребляется единожды, в первые дни плена: «...наши рота назывались их компании...», л. 9 об.). Исследовательница описывает

¹² Дословно так же рассуждают солдаты в дневнике Н. Д. Мурсатова: «Слышал я разговор от солдат раньше, и теперь — говорят все одно: „Эх, хлеба мало. Если бы хлеба давали побольше, тогда бы и пищи довольно было бы, [а] то все не хватает нам — всегда мы голодны, да еще голодный народ постоянно гоняют на работу“. Почему больных сейчас много, все лазареты ведь наполнены больными? Потому что люди голодные, малокровные, и одежда на них плохая — чуть простыл и заболел» [Кудрявцев, Соколов 2016, с. 171].

¹³ Традиционный для жанра прием, ср. в дневнике А. Д. Сереброва: «Ср. 9 (26) Состояние здоровья то же. Четв. 10 (27) То же самое, особенного ничего» и т. д. [Первая мировая война в зеркале эго-источников, с. 252].

также различные способы, которыми пленные пытались «вернуть себе чувство контроля над собственной жизнью»: накопительство, обход лагерной дисциплины, участие в протестах [Нагорная 2007, с. 542–545]. Вероятно, именно ведение дневника было психологической опорой, способом «возвращения контроля» над жизнью для Прокопия Николаевича Никифорова. Неизвестно, что случилось с ним после наступления 1915 г. Не мог ли привезти дневник на Пинегу кто-то из его земляков? В таком случае возвращенный на родину Прокопия Николаевича дневник стал чем-то сродни «мемуарам павших», имеющим не только мемориальную функцию, но и функцию свидетельства [Стюарт, с. 295]. Одна из последних дневниковых записей говорит о заветном желании вернуться в новом, 1915 г.: «...а что Бог даст в новом, ждем возвращения на родину в Россию...» (л. 14 об.).

Описание Пинежского собрания рукописных (ИРЛИ) и печатных (НБ СПбГУ) книг, подготовленное Н. В. и А. А. Савельевыми, предоставляет возможность познакомиться поближе с автором дневника, узнать чуть больше о довоенном периоде его жизни. В Древлехранилище Пушкинского Дома хранятся рукописи, написанные дедом и отцом Прокопия Николаевича, а также им самим.

Отец — Николай Алексеевич Никифоров, ротный фельдшер. Сохранился принадлежавший ему медицинский справочник («Лечебник») с рецептами по-латыни¹⁴. Большая часть рукописи написана другим фельдшером, однако именно на листах с записями «фельдшера Никифорова» есть характерные пометы — например, под записью глистогонного: «спаси Господи, Вѣрно Nikiforoff Nikiforoff» (л. 74). Есть также карандашная запись фельдшера о командировании в Соловецкий монастырь: «Его Высокоблагородие Господин старший Унтер-офицер младший ротный фельдшер Архангельскаго ротнаго баталиона командированный в Соловецкий монастырь, завѣдующим при оной больницей Николай Алексѣев Никифоров» (л. 81). Подражая латинской подписи отца, расписывается в рукописи и Прокопий Николаевич: «Лечебник принадлежит крестьянину Арх. губ. Пинеж. уѣзд. Никит. вол. Карпог. сельск. общ. села Ваймужскаго Прокопию Николаевичу Никифорову 1904 г. 11 февраля. Nikiforoff» (л. 77 об.). Более ранняя каллиграфическая запись в лечебнике имеет явно ученический характер: «Бывший ученик Прокопий Николаев Никифоров расписался 22-го июня 1901 года» (л. 76 об.).

¹⁴ ИРЛИ. Пинежское собр. № 626 [Савельева, с. 581–582]. Лечебник (Конспекты по медицине), 1883 г., 8°, 83 л., скоропись.

Известен и дедушка автора дневника — священник Прокопий Алексеевич Семенов. Он учился в Воронежской духовной семинарии, затем в Архангельской духовной семинарии. С 1851 г. служил в Чухченемской Никольской церкви, для которой переписал несколько книг. Полууставом и скорописью им переписаны богослужебные тексты, посвященные святителю Митрофану Воронежскому (служба и акафист святому с пометкой: «Все сие на память вывезено из Воронежа в 1849 году. Священником Прокопием Семеновым. 10 Генваря 1852 года»); тропарь, кондак, дни празднования святителю с подписью: «1856 лѣта августа 7 и 8 в Чухченемскую Церковь положил и писал иерей Пр. Семенов»¹⁵. Священник Прокопий Семенов переписал также небольшой Синодик («Для Чухченемской Николаевской Церкви (...) составлен из книжки рукописной (...) священником Прокопием Семеновым. Августа 22 дня, 1862 года»)¹⁶. В более раннем и полном Синодике той же церкви¹⁷ рукою о. Прокопия вписаны в 1868 г. «Род Чухченемскаго Иерея Прокопия Алексиев Семенова, служащаго в сем приходѣ с 1851 1 ч. февр.» (л. 55—55 об.), перечень «успоших раб Б. прихожан, с 1851 года» (л. 87—91 об.). Священником Прокопием Семеновым сделаны выписки из «чина исповедания отроком»¹⁸; им же написаны прошение 1871 г. по поводу «оговора ябедником»¹⁹, хозяйственная записка 1885 г. о покупке муки²⁰ [Савельева 2003, с. 140, 421—422, 424—425, 498, 550—552, 641; Савельев, Савельева 2005, с. 136]. Владельческими пометами Прокопия Семенова отмечены печатные книги, в том числе грамматики французского, немецкого, латинского языков²¹.

¹⁵ ИРЛИ. Пинежское собр. № 409. Служба, акафист, Житие, память и похвала Митрофану Воронежскому, XIX в. (50-е гг.), 4°, 22 л., полуустав и скоропись. Хранится вместе с печатной книгой, имеющей владельческие пометы свящ. Прокопия Семенова: *Димитрий Склабовский, прот.* Святой Митрофан, первый епископ Воронежский и чудотворец. М., 1888.

¹⁶ ИРЛИ. Пинежское собр. № 58. Синодик Чухченемской Никольской церкви, 1862 г., 8°, 8 л., скоропись.

¹⁷ ИРЛИ. Пинежское собр. № 563. Синодик Чухченемской Никольской церкви, XVIII в. (70—80-е гг.) — XIX в. (60—80-е гг.), 8°, 96 л., полуустав и скоропись.

¹⁸ ИРЛИ. Пинежское собр. № 778. Иннокентий (Нечаев). Чин исповедания отроком (выписки), 1869 г., 8°, 2 л., скоропись.

¹⁹ ИРЛИ. Пинежское собр. № 763. Прощение священника Чухченемского прихода Прокопия Алексеева Семенова в Пинежский уездный суд о рассмотрении дела по оговору его крестьянами Александром Никитиным и Андреем Никитиным Табарскими, 1871 г., 9 февраля, 2 л., скоропись.

²⁰ ИРЛИ. Пинежское собр. № 491. Фрагменты рукописей XVII—XIX вв., 5 л.

²¹ Пометки о принадлежности рукописи Прокопию Семенову («Свящ. Пр. Сем.») есть, кроме того, на рукописи ИРЛИ. Пинежское собр. № 405 («Списки о св. праведной Параскеве в Пири-неме и о св. преподобномученике Иове Ущельском чудотворце»), а также на печатных книгах:

Именно записи на печатных книгах говорят о взаимоотношениях с внуком и крестником, будущим автором военного дневника: «Часослов сей подарен крестнику в день его ангела 27 февраля священником и дедушкой Прокопием Семеновым внуку Прокопию Николаеву Никифорову 27 февраля 1900 года»; там же владельческая запись Прокопия Николаевича 1906 г. На другом издании, «Пространном катехизисе для обучения юношества» Ф. И. Янковича де Мириево, также есть запись: «ныне у крестника моего Прокопия Николаева Никифорова» [Савельев, Савельева 2005, с. 79–80, 107–108]. В лагере военнопленных Прокопий Николаевич вспоминал своего деда: «с 12–13 напал снѣг день красивый, память моего креснаго» (л. 12).

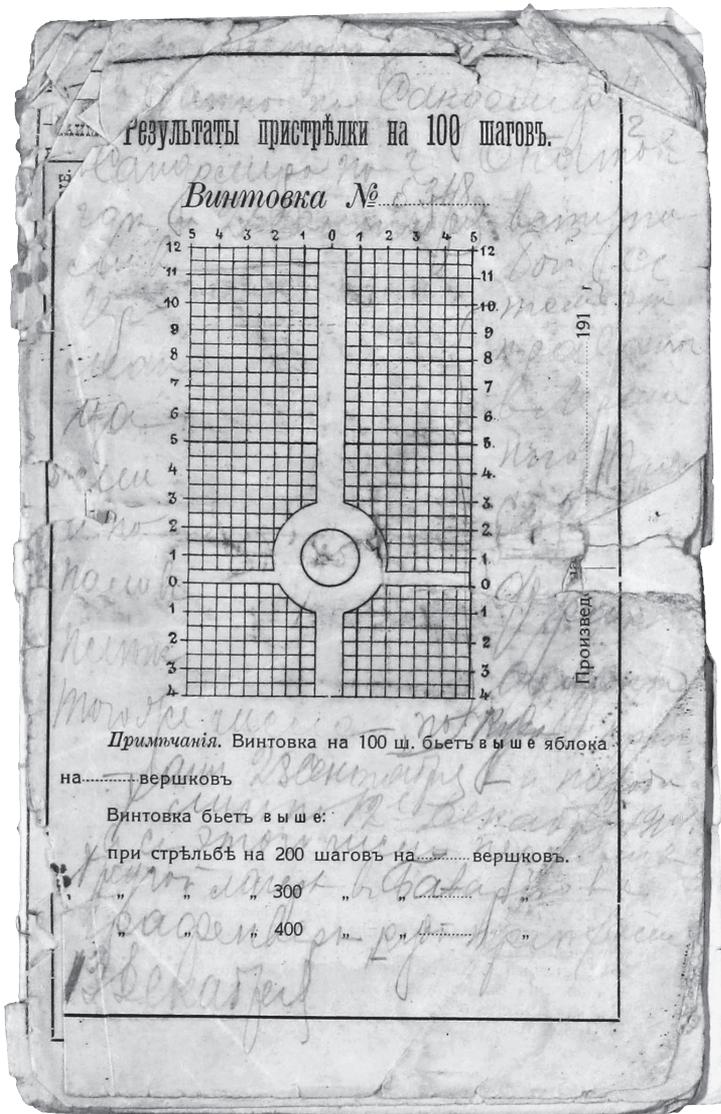
По замечанию Н. В. Савельевой, крестьянская библиотека одной семьи является частью местной крестьянской книжной культуры в целом [Савельева 1994, с. 269]. Складывается впечатление, что Прокопий Николаевич выделялся в семье своей любовью к книгам, был их собирателем и бережным наследником отца и деда. Прокопию Николаевичу принадлежал также нотолинейный сборник богослужебных песнопений («Хвалите имя Господне», прокимны, догматики; на нотах подпись: «Писал Петров») с владельческой записью: «Ноты Пр. Никифорова с. Ваймужскаго»²².

Рукой самого Прокопия Николаевича переписана в 1903 г. «Служба и акафист Артемию Веркольскому» (каллиграфическим почерком), причем Канон Артемию Веркольскому переписан в двух цветах: чернилами — ирмосы, карандашом — песни канона. На обороте обложки многочисленные росписи и пробы пера (в том числе: «Прокопия Никифорова 8-го февраля 1898 года»). На л. 30 об. запись: «Сию тетрадь или Книгу начал писать с 26-го октября и кончил по нерадению своему 30 октября 1903 г. С подлинным вѣрно, смотрѣл и провѣрял Прокопий Никифоров 30 октября 1903 года»; в другой записи уточняется: «⟨...⟩ Писано с Книг Ваймужской Николаевской

1) *Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика... 4-е изд. М.: [Унив. тип., у В. Окороква], 1791; 2) *Перелогов Т. И.* Французская грамматика: Содержащая в себе легкой и основательной способы учиться сему языку. М.: Тип. [Моск.] ун-та, у Хр. Клаудия, 1801. Записи сообщают о Прокопии Семенове как о «студенте богословия Воронежской Дух. Семинарии», «ученике Архангельской духовной семинарии»; 3) *Янкович де Мириево Ф. И.* Пространный катехизис для обучения юношества. М.: Синод. тип., 1786; 4) Служба и акафист святому преподобному Артемию, Веркольскому чудоворцу. М.: Синод. тип., 1880; 5) Часослов. М.: Синод. тип., 1840; 6) Краткая грамматика латинская ⟨...⟩ переведенная Васильем Лебедевым. 3-е изд. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774 [Савельев, Савельева 2005, с. 79–80, 107–110, 124–126].

²² ИРЛИ. Пинежское собр. № 627 [Савельева 2003, с. 582]. Сборник богослужебный (нотолинейный), кон. XIX в., 9 л., скоропись.

Церкви Прихожанином Прихода...»²³. Лечебник Николая Никифорова и все три рукописи Прокопия Николаевича были переданы в Древлехранилище А. Е. Нифантьевой.

Ил. 1. Дневник П. Н. Никифорова. ИРЛИ. Пинежское собр. № 754. Л. 2

²³ ИРЛИ. Пинежское собр. № 629 [Савельева 2003, с. 583]. Служба и акафист Артемию Веркольскому, 1903 г., в 4-ку, 30 л., скоропись.

СЪВѢДѢНІЯ И ПУТЕВЫЯ ДѢЛІЯ.

Мѣсяцъ.	Хабаринскъ.		Нуринскъ.	
	Сумма о выдачѣ.	Отмѣна Р. К. Мѣсяца.	Сумма о выдачѣ.	Отмѣна Р. К. Мѣсяца.
За Январь				
" Февраль				
" Мартъ				
" Апрель				
" Май				
" Июнь				
" Июль				
" Августъ				
" Сентябрь				
" Октябрь				
" Ноябрь				
" Декабрь				

2-й ГОДЪ СЛУЖБЫ.

ВЫДАЧА МЫЛАНАТУРОМЪ.

За каждое сѣдмидне.	ОТЪ АТКА О ВЪЗДАЧѢ.	
	Копи.	Числов.
Январь		
Февраль		
Мартъ		
Апрѣль		
Май		
Июнь		
Июль		
Августъ		
Сентябрь		
Октябрь		
Ноябрь		
Декабрь		

2-й ГОДЪ СЛУЖБЫ.

Дневник П. Н. Никифорова (ИРЛИ. Пинежское собр. № 754)¹

(обложка) ЗАПИСНАЯ КНИЖКА Прокопия Никифорова

Личный № 158

3 Батареи 37 Артил(лерийской) бриг(ады)

Взвода «3»

На 1910 <11 — вставлено> — 1912 года. //

(оборот обложки)² //

л. 1

³ потр(?) Суп

Имя: Прокопий Прокопий

Отчество: Николаев Николаев

Фамилия: Никифоров Никифоров

На службу с «23» Июля 1914 г.

На правах: Общих Общих

В ротъ с «4» Августа 1914 г.

Из сословия: Крестян (так! — Т. Г.)

Губернии: Архангель(с)кой⁴

Уъзда: Пинежскаго

<Го)рода или волости: Никитинская

<С)ела или деревни: Сиверг(орская) Ростовска(го)

<Вер)оисповъдания: Православный

<Холос)т или женат: Холост

Грамотен или нът: Грамотный

Знает ли мастерство: Писмоводство

---

¹ Дневник публикуется в современной графике (с сохранением «Ъ», особенностей орфографии и пунктуации автора). Слова, прочтение которых вызывает сомнения, помечаются знаком вопроса. Текст, разобрать который не удалось, помечается (нрзб). Зачеркнутые слова заключаются в квадратные скобки, вставки и конъектуры — в угловые. Общепринятые сокращения («г.» — год, город, «р.» — река и т. д.) не проясняются. Печатный текст записной книжки передается в том случае, если он связан с рукописным.

² Печатный текст на обороте обложки: «Книжку эту нижний чин должен постоянно хранить у себя. При получении денег он предъявляет ее Завѣдывающему батарейным хозяйством для отѣтки в соотѣвствующих графах, количества выдаваемых денег и времени выдачи».

³ Курсивом на листе переданы печатные графы анкеты и записанные чернилами ответы на них. Текст, написанный позднее карандашом, передан прямым шрифтом.

⁴ Буква «с» вписана карандашом.

Прохождение службы:

Младш(им) унт(ер)-офицером с 17 Марта 1912 г. //

⁵ 1) Прибыл и зачислен на службу в 37 Арт(иллерийскую) бриг(аду) л. 1 об.
в 3 взвод роту (прик(аз) по полку бриг(аде) от [4] 9 Декабря 1909 г.

1909 Декабр(я) 8

2) Канониром 1910 Март (нрзб)

Уволен по болѣзни в годичный отпуск на родину

1910 Дека(брь)

Комиссиею при Пинежской уѣздной и воинской повинности, по прошествии годичнаго по болѣзни отпуска принят для продолжения службы. //

⁶ (нрзб) обратно под Сандомир.

л. 2

с Сандомира по г. Опатов гдѣ и 21 сентября вступили в Бой с германцами и попали в плѣн того же числа, потом отправлены в Германию (нрзб) Франкфурт, куда приѣхали 28 сентября — и находились по 12-е декабря 1914, а с этого числа перешли (?) в другой лагерь в Баварию в г. Графенверг куда приѣхали 13 Декабря //

⁷ (нрзб) //

л. 2 об.

⁸ //

л. 3

⁹ г. Петроград

л. 3 об.

г. Петроград

Апраксин переул(ок)

д(ом) № 21 кв.(артира) 81

Пашенко Семен Семенович

Константину Розанову

¹⁰Германия, Бавария

адрес: Баерн, лагерь вое(ннопленных)

г. Графенверг, 8 ком(пания) 59 Б

---

⁵ Таблица «Прохождение службы», печатный текст на листе передан курсивом.

⁶ Таблица «Результаты пристрелки на 100 шагов».

⁷ Рисунок «Пригонка ранцевого снаряжения».

⁸ Таблица «Детское пособие, квартирные деньги», с расчетами в столбик: «Хл(еб) 60. Вин(о) 40. 1 м(онета) ход(овая)».

⁹ Таблица «Запасный листок».

¹⁰ Фиолетовый карандаш.

Германия / Бавария
 〈Франкфурт на Майнѣ — *вставлено на полях*〉〈?〉 //

- л. 4   11 //
- л. 4 об.   12 18 Июля объявление мобилизации
 Уѣхал домой из Верколы —
 19 дома осматривал хозяйство и был в Карповой Горѣ
 20 ходил к празднику к дядѣ в Немнюгу
 21 — утро, чай, обѣд, прогулки 〈2 — *вставлено*〉, именины 〈1 —
вставлено〉 и отправка на сборной пункт в Марьину гору при многочис-
 ленном стечении односельчан; по дорогѣ в Шетовѣ был у дяди, чай, кофе,
 обѣд; — ѣхал вмѣстѣ со сватом Игнатием и Васил(ием) Ефимов(ым?) на
 одной парѣ, 22 числа Июля был у дяди Павла Петровича, [ко]чай, обѣд,
 проща //
- л. 5   13 ние и путешествие дальше
 22 в Пальегорах 23 В Пинегѣ на сборном пунктѣ
 24, 25, 26 в Пинегѣ, 26 〈нрзб〉 отправка на пароходѣ Бр(атьев) Вол(оди-
 ных) Бородино в гор(од) Арх(ангельск) в тот же день назначение в 1 Гв(ардей-
 ский) Зап(асной) Стр(елковый) бат(альон) — 28 прибытие в Арханг(ельск)
 и вечером из Арх(ангельска), 29-е Вологда, 30-го в Петръ(оград) и Царское
 Село.
 31, 1, 2, 3 и 4 в Царском и 〈по〉 назначении в 1 Л(ейб)-Гв(ардии) Стр(ел-
 ковый) Е(го) Вел(ичества) полк
 4 — отправка в полк в г. Варшаву, 4 в Псков, 5-го и 6-го в Вильнѣ, 7 и 8
 утром в 4 часа в Варшавѣ, дневка и отправление в дер. Вом(?) и присоеди-
 нение к полку. 9 дневка, а вечером разбивка поротно, назначение в роту Его
 Величества 〈нрзб〉 //
- л. 5 об.   14 10-го 〈воскресенье — *вставлено*〉 выступили в поход
 11 Шли
 12 [Шли походом] дневка
 13 Шли [〈нрзб〉] 14 [Шли походом] дневка

¹¹ Таблица «Жалованье, аммуничные и сапожные деньги», с отметками чернилами о вы-
 платах в августе (3 р. 15 коп.) и сентябре (2 р. 25 коп.) 1914 г.

¹² Таблица «Выдача мыла натурой». Серый карандаш.

¹³ Таблица «Хлебные и крупяные деньги».

¹⁴ Таблица «Приварочные и чайные деньги».

15 Исповѣдались и причащались в гор. Гройцѣ и послѣ обѣда выступление в поход, 16 шли, 17 тоже — в Варшаву, 18, 19 и 20 дневки под гор. Варшавой, 21 выступление в гор. Ивангород, а оттуда походное движение на Австрийцев, под дер. Каменку, 26 бой под дерев. Каменкой. Нѣмцы это Культурный народ, и [а] не как [так] наши русские образованные всѣ. //

15 //

16 //

л. 6

л. 6 об.

17 Получено из дому: 1 перевод объявили 17-го Января по 2 м. 13 ф. л. 7
и второй по 10 м 67 фен., 22-го января выдали

1) 10 м 67 ф

2) 2 м 13 ф

Итог 12 м 80 фен

Израсходовано:

хлѣб — 30 ф + 60 + 65 + 80 + 70 + 25

вин(ные) ягоды — 20 ф.

сахару — 10 ф

порция — 5 ф

мыло и откр. ⟨?⟩ — 15 + 5 = 20

сдачи — 20

На орѣхи и масло 1 м 25 фен

которыя воротить по колбасѣ

колбаса

18 февраля остальное //

18 8 Сент(ября) шли поход(ом) и дневки

бой у р. Вислок 4 пали

9 [переход] шли походом

переход р. Вислок

10 шли пох(одом)

11 —

12 —

л. 7 об.

---

¹⁵ Таблица «Деньги за собственное белье», в которой есть отметки чернилами о покупке белья — 2 рубах (1 руб. 6 коп.), 2 исподних брюк (92 коп.), 2 носовых платков (16 коп.), 1 утиральника (19 коп.); карандашом поперек листа крупная запись «27-е»; других записей на листе нет.

¹⁶ Таблица «Единовременные денежные награды и за смотры», без записей.

¹⁷ Таблица «Детское пособие, квартирные деньги», расчеты в столбик на полях.

¹⁸ Таблица «Запасный листок».

- 13 — в сторожевой охран(е)
- 14 Сент перех(од) обратно р. Висл(ок)
- 15 Переход обратно
- 16 т(о же) —
- 17 т(о же) —
- 18 — перех(од) Сандомир
- 19 — дневка окопы рыли
- 20 дневка окопы рыли
- 21 Бой //

л. 8   ¹⁹ Прокопию Никифорову
Адрес:
Карпогорское п(очтово)-т(елеграфное) отд(еление)
Архангельской губ(ернии) Пинежскаго уѣзда
село Ваймужское
Серафимъ Прокопьевнѣ Никифоровой //

л. 8 об.   ²⁰ ПЛѢН —
21-го Сент(ября) был бой под гор(одом) Опатовым, Радомской губ(ернии), на позиции находились 1, 3й, 4й Л(ейб)-Гв(ардии) Стр(елковый) пол(к), в резер(ве) 2-й пол(к) Л(ейб)-Гв(ардии) и на позиции 2 Арм(ейская) стрѣл(ковая) бригада,

Огонь открыт нашей артиллер(ией) в 6 час(ов) утр(а) 21 Сент(ября), к полудн(ю) бой разыгрался и со стороны Германской армии которых было 3 корпуса; не имѣя возможности держаться нашим войскам было приказано отступать, т. к. неприятель окружает нас с 3-х сторон, подкрѣплений с нашей стороны не было при чем обѣ стрѣлковые бригады были разбиты неприятелем //

л. 9   Бѣжали кто как мог спасался — в этом послѣднем для меня бою я был ранен в правую ногу повыше колѣна на вылет. Изливаясь кровью я попросил своего взвод(ного) Казанцева сдѣлать мнѣ перевязку, но он отвѣт(ил), что тут вон в лѣсу, но и тут ничего не сдѣлал, так и прошел. довольно времени, гдѣ мнѣ по приказанию г(осподина) офицера 4 Л(ейб)-Гв(ардии) стр(елкового) полка была сдѣлана их полка фельдшером первая перевязка и тут же

---

¹⁹ Таблица «Жалованье, аммуничные и сапожные деньги», запись карандашом поперек листа.

²⁰ Здесь и далее записи не зависят от печатных таблиц книжки.

недалеко меня отвѣли в польскую (деревню и помѣстили в — *вставлено*) хату, гдѣ (которую — *вставлено*) конечно неприятель занял, а вмѣстѣ (?) с (нрзб) и всѣх находящихся в ней г(оспод) офиц(еров) и ниж(них) чинов, там (?) с этого дня нахожусь уже в плѣну; утр(ом) 22 Сен(тября) зашел в хату герм(анский) солд(ат) и тут же я был взят и отвѣден на перевяз(очный) пункт к сахарному заводу в имѣние Влащево (?) тут осмотрен германским доктор(ом) котор(ый) относился //

весьма хорошо и внимательно ко всѣм больным, а также и Герм(анские) л. 9 об. солд(аты) относились хорошо

23 отправили в гор(од) Опатов в лазарет гдѣ перевязки не было, а 25 рано утром отправили нас раненых на подводах в Германию, в которую мы прибыли 28 Сен(тября) в воскресенье в этот же день разбили нас поротно, наши рота назывались их компании, дали пить по чашкѣ кофе, а потом уже по 1 ф хлѣба и по чашкѣ супу, обѣд, перевязку раненым дѣлали (29, и без всякаго на это внимания помѣщение холодное, что для раненых отзывалось неудобством

30 и 1 окт(ября) разбивали повзводно была неусыпная путаница и со стороны казалось посмѣшней

1 ок(тября) сдѣл(али) перевязку, всѣ эти дни прошли разнообразно, 2-е окт(ября) прошло спокойно, ни каких выстроений кромѣ кофе (?) и обѣд не было, а их коли всѣ своих (нрзб) развѣдчиков (?), вино (?)

3-е окт(ября) прошло однообразно, как всегда. 4 окт(ября) прививали всѣм оспу в том числѣ и мнѣ //

4 Октября суббота, о (?) 5 воскресенья в 7 час(ов) утр(а) выстроили л. 10 и выдали для питья кофе, но только без сахара, а потом для провѣрки людей, оказались всѣ на мѣсте

Сегодня двѣ недѣли плѣну —

4-го окт(ября) в первый раз раздалось пѣние православ(ных) воинов пѣние молитвы Отче наш, Спаси Господи и Воскресени(е) Христ(ово) видѣвше. — Днем видно было как нѣмцы привязывали к столбу виновных и как стегали плѣтью — за воровство. Обѣд был весьма поздно.

Вечером пѣли молитву, фельфебелю Германии понравилось, попросил еще раз пропѣть что было исполнено, а он в свою очередь остался доволен —

6-го утро тоже самое, днем давали колбасы по кусочку —

7-го ходил на перевязку в лазарет — послѣ все тоже, что и прошлые дни —

8-го дождь. Утром чай — , обѣд и 1 селедки,

9 дождь, (утро тоже что и прошлые дни — *вставлено*) 1 взвод ходил на работу в город и около штаба плѣнных —

10 тоже, что и прошлые дни, рота вся ходила на работы, я ходил на перевязку, прекратили выдачу чая вечером [2] 3 день

(9 и 10 компании — *вставлено на полях*) //

л. 10 об.

Чай прекратили вечером с 8 окт(ября)

Уменьшили дачу порции

Интересно отмѣтить, как выдавали масло плѣнным 3 ½ (?) ведра на роту дали а фельдфебель дал по самому ничтожному кусочку, а сам с переводчиками и взводными съѣли чуть не цѣлое ведро, и как еврей переводчик поспорили с одним ст(аршим) у(нтер)-оф(ицером), распространяя свою власть, что я говорит тебѣ начальник, и как пришел нѣмец и разобрался в дѣлах этих

11 Окт(ября) по старому обычаю на работу не ходили

12 тоже — 13 — ходил на перевязку — 14 — давали колбасы, 15 — давали колбасы — 16 — холодно и мелкий град и дождь — 17 — холодно 18 — тоже — 19 — ходил на перевязку 20 — провел хорошо, обѣд хороший рано вечером мариванная (так! — Т. Г.) селедка 21 — по обычаю

²¹22 был у Алек(сандра) Егор(овича) Щеп(откина) провел в скуки, вспоминая прошлое, 23—24—25—26—27—28 и 29 по прошлому, только одно, что 12 (?) чел(овека) заявили себя больными и врач их не признал, оставили их без хлѣба но хлѣб на их получили и подѣлили между собою госп(ода) взводныя и жидаы переводчики и сами поѣли, а они были голодными, и как один нѣмец ударил прикладом одного по //

л. 11

шеѣ (?) плѣнного, что тот сразу же поступил в лазарет унесли его на носилках — давали марированную селедку раз

²²30 и 31 — по обыкновению; 1 ноября был болен а так же и 2 — недомогал с 2 по 3-е напал снѣг, еще замѣтно было и на 2-е, 3 — суп гречневый все время носятя слухи об мирѣ — но насколько онѣ вѣрны, утвердительно ни кто не знает — 4 — холодно и снѣг

с 4 по 5 напал снѣг и мороз

6 — холодно — 7 — тоже и снѣг наступили холода а вмѣстѣ с этим и нам холод и голод для несчастных отцов, сыновей и сирот положение весьма трудное и печальное, пищи и хлѣба весьма мало, помѣщение холодное,

²¹ Фиолетовый карандаш.

²² Серый карандаш.

шинелей нѣт, у нѣкоторых отобрали, раз в сутки получаем горячую пищу и один раз кофе без сахару; еще первое время не продавали и хлѣба, весьма относились грубо, даже ненавистно, хотѣли прямо живых вогнать в землю но крѣпок русский солдат чего он не перенесет все ему хорошо, ска //

заному ⟨?⟩ вѣрит, пошли куда послушно⟨?⟩ идет, все исполнит без малейшаго замедления. Сегодня носился слух, что Познань взята нашими войсками. 8 — ноября Михайлов день — праздник всѣх православных христиан — вспоминаю прошлое — дѣлю время с Александром Егор(овичем) Щепоткиным остальное все по-старому положению; с утра гоняли на прогулку, для того это сдѣлали, чтобы люди не болѣли, а сами не подумали, что хлѣба малое количество дают, а так-же и пищи; сегодня холодно и снѣг; из сдѣшних разговоров слышно что в это время не помнят таких морозов, как нынче

прекратились вести дневные ⟨?⟩ //

обѣд поздно сегодня

л. 12

9—10—11—12 — холодно — с 12—13 напал снѣг день красивый, память моего креснаго 13 ноября нас перемѣстили из одного барака в другой, выгнали на улицу в 7 час(ов) утра при морозѣ и снѣгѣ и держали таким образом до 11 ½ час(ов) дня, до обѣда, потом помѣстили в холодный барак, с устройством нар для людей — обѣд в 11 ½ ч(асов)

13—14 — заговѣнье — заговѣлись коркой черного хлѣба

С 15 по 21 — Введение во храм Пр(есвятой) Богор(одицы) провели весьма скучно, пѣли, что знали, невольно блеснули слезы, когда услышали пѣние «Христос рождается, славите» — судить идет Господь

этот день встрѣтитъ дома в кругу родных и матушки России — , обѣд в 2 ½ часа дня

слышны слухи, что Германская армия окружена, и предложено сдатьсь в плѣн или же биться до послѣднего — срок дан будто бы до 10 числа Декабря новаго стилия, т. е. до 28 Ноября. 22 — холодно 23 — тоже 24—25 — тепло ⟨нрзб⟩²³ //

⟨нрзб⟩²⁴ праздник, освобождены от работы, моление, а нашему православному нѣт ни праздника ни будня, все равно, как насмѣшка над нами,

²³ Половина последней строки не читается.

²⁴ Несколько букв в начале строки утрачено.

²⁵начало Декабря разнообразно, 6 Декабря праздник, пѣли по своему обычаю праздничныя пѣсни, — церковныя, с 9 на 10-е напал снѣг, на их рождество, 12 декабря их рождество, накануне зажжена была елка, украшена одними электрическими лампочками, играла их музыка, пѣли их пѣвчие — музыканты, потом наши, наши пѣли еще молитвы, как все равно насмѣшка над русскими людьми

12 — утром попивши кофе //

л. 13 вдруг прибѣгает переводчик и говорит, чтобы всѣ немедленно выходили строится (так! — Т. Г.), и сдавали всѣ казенныя вещи, выдали по полухлѣбу на каждого, а пообѣдать не дали, и тотчас же отправили на станцию, переводили в другой лагерь, в гор. Графенвер — Бавария

13 приѣхали — в новое мѣсто, с 13 по 25 погода переменная, снѣг стоял и опять новый напал, пришло и наше рождество, на один день только освободили и то нѣсколько раз выгоняли на улицу, вечером 24 — пѣли мы молитвенныя рождественскія пѣснопѣнія, а вечером французы устроили ма //

л. 13 об. ленькую елку, пѣли гимн, но я тут не участвовал, потому, что вечером, под праздник, по христианскому обычаю не полагается и весьма не прилично, в самый праздник собрались и пѣли из утрени и литургии и молебна нѣкоторыя пѣснопѣнія, улучшения пищи не какой не было, нѣ достойны этого русские люди, праздник провели скучно и весьма грустно, вспоминая своих родных и знакомых но вспоминали-ли //

л. 14 они об нас несчастных, время проходит скучно, подѣлили между собою, и нашлись товарищи — приятели мои братья Кузнецовы — Михаил и Сергѣй Димитриевы, наконец-то и наступил и конец старого года, вечером пѣли молитвы из всенощной и молебны, а утром — из литургии и молебна — , вот тебѣ и новый год и новое счастье —

30 Декабря водили в баню всего на 15 минут мытья, бани их дождики, не такія, как у нас в Руси святой, мылся в Варшавѣ 18 августа и 30 Декабря в Германии в гор(оде) Графенвер. //

л. 14 об. так закончили мы старый год, а что Бог даст в новом, ждем возвращения на родину в Россию — , послѣдний день старого году был прекрасный — солнечный — //

---

²⁵ Фиолетовый карандаш.

²⁶ Петроград, 13 (?)

л. 15

53 кв(артира) 6

Григорию Васильевичу Нифантьеву

²⁷ Г. Чернь, Тульской губ(ернии) Земскому почтарю Сошникову, сельцо Моховое, огороднику

²⁸ Г. Чернь, Тульской губ(ернии) Земскому почтарю Сошникову, сельцо Моховое огороднику Михаилу и Сергѣю Дмитриевым Кузнецовым //

⟨нрзб⟩²⁹ и адрес на родину

л. 15 об.

Карпогоры п(очтово)-т(елеграфное) отд(еление)

Архангельской губ(ернии) Пинежскаго уѣзда село Ваймуша

Серафимы Прокопьевны Никифоровой или Ивану Николаевичу Никифорову II-му //

³⁰ //

л. 16

³¹ Адрес Лопатина Г. Рѣчица Минской г(убернии) О(тцу) Протоиерею Иосифу Ребцеевичу, для передачи дер(евни) Озерщины Афанасию Лопатину //

л. 16 об.

Литература

Абрашитов — *Абрашитов Э. Е.* О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 131–135.

Аксенов — *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции: Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.

Воззвание бежавших — Воззвание бежавших из плена солдат и офицеров // Свет и тени Великой войны: Первая мировая в документах эпохи. М.: РОССПЭН, 2014. С. 305–307.

Друзин — *Друзин М. В.* Два дневника генерал-лейтенанта Николая Афанасьевича Обручева // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 3. С. 196–219.

Записная книжка — Записная книжка нижних чинов. Петроград: Тип. Т-ва «Свет», 1915. 64 с.

Иминов — *Иминов В. Т.* Варшавско-Ивангородская операция // Первая мировая война: Энциклопедический словарь. М.: Весь мир, 2014. С. 142–143.

Комелина — *Комелина Н. Г.* «Патриотическая мистификация» Зинаиды Гиппиус // Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского кре-

---

²⁶ Серый карандаш.

²⁷ Фиолетовый карандаш.

²⁸ Серый карандаш.

²⁹ Верхний угол листа утрачен.

³⁰ Лист без записей.

³¹ Запись на листе сделана чернилами.

- стьянства: Новые материалы из собраний Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 510–547.
- Корсак — *Корсак (Завадский) В. В.* Плен. Забытые // Забытая война: Сб. ист.-лит. произведений. М.: Посев, 2011. 464 с.
- Кудрявцев, Соколов 2014 — *Кудрявцев А. Н., Соколов А. В.* В окопах и в плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны // Запад — Восток: Науч.-практ. ежегодник. 2014. № 7. С. 136–152.
- Кудрявцев, Соколов 2016 — *Кудрявцев А. Н., Соколов А. В.* В окопах и в плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны (продолжение) // Запад — Восток: Науч.-практ. ежегодник. 2016. № 9. С. 163–180.
- Молостова — *Молостова Е. В.* Солдатские письма. Казань: Литотип. «Умид», б. Харитонова, 1917. 98 с.
- Нагорная 2007 — *Нагорная О. С.* Русские военнопленные в Первой мировой и Гражданской войнах: другой военный опыт // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 534–552.
- Нагорная 2010 — *Нагорная О. С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
- Нарский — *Нарский И. В.* «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной»: фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 488–502.
- Первая мировая война в зеркале эго-источников — Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 415 с.
- Первая мировая война в устном и письменном творчестве — Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства: Новые материалы из собраний Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. 579 с.
- Письма с войны — Письма с войны, 1914–1917 / Сост., коммент. и вступ. ст. А. Б. Асташова и П. А. Симмонса. М.: Новый хронограф, 2015. 800 с.
- Поршнева — *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
- Савельев, Савельева 1992 — *Савельев А. А., Савельева Н. В.* Пинежская экспедиция 1988 г. // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 1992. Т. 45. С. 456–460.
- Савельев, Савельева 2005 — Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX в.: Опыт исследования. Источники: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Т. 2: Савельев А. А., Савельева Н. В. Описание старопечатных изданий XV — нач. XX в. Указатели. 322 с.
- Савельев, Савельева 2006 — *Савельев А. А., Савельева Н. В.* «Я солдат, не богослов...» (солдатская служба XIX — нач. XX в. в письмах, заметках и воспоминаниях пинежских крестьян) // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 131–149.
- Савельева 1994 — *Савельева Н. В.* Библиотека пинежан Поповых // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб.: Наука, 1994. С. 266–314.

- Савельева 2003 — Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX в.: Опыт исследования. Источники: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1: Савельева Н. В. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. 721 с.
- Сенявская 1997 — *Сенявская Е. С.* Человек на войне: Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 209 с.
- Сенявская 2013 — *Сенявская Е. С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН: История России. 2013. № 1. С. 64–83.
- Стюарт — *Стюарт В.* «Военные мемуары павших»: роль письма и памяти в Первой мировой войне // Август, XX век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 294–307.
- Успенский — *Успенский А. А.* На войне. В плену: Воспоминания. СПб.: Лимбус Пресс, 2015. 448 с.
- Чаадаева — *Чаадаева О.* Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) // Красный архив. М., 1934. Т. 4–5 (65–66). С. 118–163.
- Чуковский — *Чуковский К.* Заговорили молчавшие! (англичане и война). 3-е изд. Пг.: Изд-во Т-ва А. Ф. Маркс, 1916. 187 с.
- Bloch — *Bloch M.* Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre // Revue de synthèse historique. 1921. № 33. P. 13–35.
- Müller — *Müller G.* Das Kriegsgefangenenlager Grafenwöhr — zu Beginn des Ersten Weltkrieges größtes Gefangenenlager Bayerns // Historischer Verein für Oberpfalz und Regensburg. 1988. Vol. 128. P. 265–273.

References

- Abdrashitov, E. E. (2006). 'O sotsial'noi nostalgii rossiiskikh voennoplennykh v Pervoi mirovoi voine', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 4, 131–135.
- Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroeniya rossiyan v gody voiny i revolyutsii (1914–1918)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 992 p.
- Astashov, A. B., Simmons, P. A., eds. (2015). *Pis'ma s voiny 1914–1917*. Moscow: Novyi Khronograf, 800 p.
- Bloch, M. (1921). 'Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre', *Revue de synthèse historique*, 33, 13–35.
- Chaadaeva, O. (1934). 'Soldatskie pis'ma v gody mirovoi voiny (1915–1917 gody)', *Krasnyi arkhiv*. Vol. 4–5 (65–66), 118–163.
- Chukovskii, K. (1916). *Zagovorili molchavshie! (anglichane i voina)*. 3rd ed. Petrograd: Izdatel'stvo Tovarishchestva A. F. Marks, 187 p.
- Druzin, M. V. (2022). 'Dva dnevnika general-leitenanta Nikolaya Afanas'evicha Obrucheva', *Dva veka russkoi klassiki*. Vol. 4, 3, 196–219.
- Iminov, V. T. (2014). 'Varshavsko-lvangorodskaya operatsiya', in: *Pervaya mirovaya voina. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Ves' Mir, 142–143.
- Komelina, N. G. (2014). "Patrioticheskaya mistifikatsiya" Zinaidy Gippius', in: *Pervaya mirovaya voina v ustnom i pis'mennom tvorchestve russkogo krest'yanstva. Novye materialy iz sobranii Pushkinskogo Doma*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom", 2014, 510–547.

- Korsak (Zavadskii), V. V. (2011). 'Plen. Zabytye', in: *Zabytaya voina: sbornik istoriko-literaturnykh proizvedenii*. Moscow: Posev, 464 p.
- Kudryavtsev, A. N., Sokolov, A. V. (2014). 'V okopakh i v plenu: soldatskii dnevnik vremen Pervoi mirovoi voiny', *Zapad — Vostok. Nauchno-prakticheskii ezhegodnik*, 7, 136–152.
- Kudryavtsev, A. N., Sokolov, A. V. (2016). 'V okopakh i v plenu: soldatskii dnevnik vremen Pervoi mirovoi voiny (prodolzhenie)', *Zapad — Vostok. Nauchno-prakticheskii ezhegodnik*, 9, 163–180.
- Molostvova, E. V. (1917). *Soldatskie pis'ma*. Kazan': Lito-tipografiya "Umid", b. Kharitonova, 98 p.
- Müller, G. (1988). 'Das Kriegsgefangenenlager Grafenwöhr — zu Beginn des Ersten Weltkrieges größtes Gefangenenlager Bayerns', *Historischer Verein für Oberpfalz und Regensburg*. Vol. 128, 265–273.
- Nagornaya, O. S. (2007). 'Russkie voennoplennye v Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi voynakh: drugoi voennyi opyt', in: *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 534–552.
- Nagornaya, O. S. (2010). "*Drugoi voennyi opyt*": *rossiiskie voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914–1922)*. Moscow: Novyi khronograf, 440 p.
- Narskii, I. V. (2007). "'Ya kak stal sred' voiny zhit', tak i stala mne voina, chto dom rodnoi": frontovoi opyt russkikh soldat v "germanskoi" voine do 1917 goda', in: *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 488–502.
- Pervaya mirovaya voina v ustnom i pis'mennom tvorchestve russkogo krest'yanstva. Novye materialy iz sobranii Pushkinskogo Doma* (2014). Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom", 579 p.
- Pervaya mirovaya voina v zerkale ego-istochnikov: praktiki opisaniya* (2019). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 415 p.
- Pinezhskaya knizhno-rukopisnaya traditsiya XVI — nachala XX veka. Opyt issledovaniya. Istochniki. 2 vols.* Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1. Savelev, N. V. (2003). *Ocherk istorii formirovaniya pinezhskoi knizhno-rukopisnoi traditsii. Opisaniye rukopisnykh istochnikov*. 721 p. Vol. 2. Savelev, A. A., Saveleva, N. V. (2005). *Opisaniye staropechatnykh izdaniy XV — nachala XX veka. Ukazateli*. 322 p.
- Porshneva, O. S. (2004). *Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 368 p.
- Savelev, A. A., Saveleva, N. V. (1992). 'Pinezhskaya ekspeditsiya 1988 goda', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 45, 456–460.
- Savelev, A. A., Saveleva, N. V. (2006). "'Ya soldat, ne bogoslov...'" (soldatskaya sluzhba XIX — nachala XX veka v pis'makh, zametkakh i vospominaniyakh pinezhskikh krest'yan)', in: *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: Sbornik statei k 60-letiyu A. F. Belousova*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv, 131–149.
- Saveleva, N. V. (1994). 'Biblioteka pinezhan Popovykh', in: *Nizhnyye tsenry Drevnei Rusi. XVII vek. Raznye aspekty issledovaniya*. Saint Petersburg: Nauka, 266–314.
- Senyavskaya, E. S. (1997). *Chelovek na voine. Istoriko-psikhologicheskie ocherki*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 209 p.
- Senyavskaya, E. S. (2013). 'Polozhenie russkikh voennoplennykh v gody Pervoi mirovoi voiny: ocherk povsednevnoi real'nosti', *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Istorija Rossii*, 1, 64–83.

- Styuart, V. (2014). "Voennye memuary pavshikh": rol' pis'ma i pamyati v Pervoi mirovoi voine', in: *Avgust, XX vek: Transformatsiya zhizni chastnogo cheloveka v epokhu sotsial'nykh kataklizmov. Kollektivnaya monografiya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1, 294–307.
- Uspenskii, A. A. (2015). *Na voine. V plenu: Vospominaniya*. Saint Petersburg: Limbus Press, 448 p.
- 'Vozzvanie bezhavshikh iz plena soldat i ofitserov' (2014), in: *Svet i teni Velikoi voiny. Pervaya mirovaya v dokumentakh epokhi*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 305–307.
- Zapisnaya knizhka nizhnikh chinov* (2015). Petrograd: [s. n.], 1915. 64 p.

В. П. Бударагин

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ КАК АРХЕОГРАФ

Резюме

Настоящая заметка посвящена важному направлению исследовательских интересов Л. А. Дмитриева, которое не получило пока подробного освещения в воспоминаниях об ученом, — полевой и камеральной археографии. Сперва были экспедиции Л. А. Дмитриева в Карелию и на Кольский полуостров (на рубеже 1940–1950-х и на рубеже 1950–1960-х гг.), позднее — его выступления на крупных конференциях об археографической работе Древлехранилища ИРЛИ и отеческая забота об этом детище В. И. Малышева. Автор статьи делится своими воспоминаниями о Л. А. Дмитриеве как археографе, с которыми он хотел выступить на конференции в ИРЛИ к 100-летию со дня рождения ученого (2021 г.). Но выступление не состоялось и публикуется сейчас, в год 30-летия со дня смерти Л. А. Дмитриева.

Ключевые слова: Л. А. Дмитриев, археография, Древлехранилище ИРЛИ

Vladimir P. Budaragin

LEV ALEKSANDROVICH DMITRIEV AS AN ARCHAEOGRAPHER

Abstract

This article is devoted to an important area of the research interests of Lev Aleksandrovich Dmitriev, field and cameral archaeography, which has not yet received detailed coverage in the literature about the scholar. First, in the late 1940s and the beginning of the 1950s and then in the late 1950s and the beginning of the 1960s, there were Dmitriev's expeditions to Karelia and the Kola Peninsula. Later there were his reports at major conferences about the archaeological work at the Repository of Ancient Manuscripts of the Institute of Russian literature (Pushkinskii Dom) in Leningrad (St. Petersburg) and his paternal care for the Repository, a brainchild of Vladimir Ivanovich Malyshev. The author of the article intended to present his memories of Dmitriev as an archaeographer at a conference that took place

© В. П. Бударагин, 2023

at the Institute of Russian literature in St. Petersburg in 2021 on the 100th anniversary of the scholar's birth. But since the presentation did not take place, it is published now, in the year of the 30th anniversary of Dmitriev's death.

Keywords: Lev Aleksandrovich Dmitriev, archaeography, Repository of Ancient Manuscripts of the Institute of Russian literature, Drevlekhranilishе

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-106-108

О Льве Александровиче можно говорить в самых разных аспектах его личностного в Пушкинском Доме и филологической науке в целом воплощения. Талант исследователя, организатора науки сегодня достойно оценен коллегами и учениками. Но было еще одно, небезразличное Льву Александровичу направление его исследовательского интереса — я имею в виду археографию в ее камеральном и экспедиционном вариантах. Об экспедициях рубежа 1940—1950-х гг. с участием Е. А. Маймина и 1950—1960-х гг. совместно с А. И. Копаневым я уже рассказывал на «Малышевских чтениях» в 2011 г. Но за эти десять лет существенно обновился состав слушателей, сама же тема, я бы сказал даже, стала восприниматься более значимой и заслуживающей внимания, поскольку не была эпизодической в биографии ученого, а сопровождала его со времени первой, совместной с Е. А. Майминым студенческой экспедиции 1948 г. до выступления на заседании Отделения литературы и языка уже в статусе члена-корреспондента Академии наук по итогам археографической работы Древлехранилища за десятилетие с 1971 по 1981 г. Это не просто фигура речи — интерес к поиску первоисточников, к археографии сопутствовал Льву Александровичу на всем его многоаспектном исследовательском пути. Стоит напомнить и о его вступительном слове на открытии выставки к тысячелетию Крещения Руси. Это был своего рода прецедент, когда в Кухонном корпусе Елагина дворца оказались доступны для обозрения одновременно рукописные раритеты из фондов Библиотеки Академии наук, Публичной библиотеки и Древлехранилища им. В. И. Малышева. Именно Льву Александровичу было доверено тогда первое слово, ибо авторитет его в знании рукописной книжности Древней Руси был непреерекаем.

Основательность и скрупулезность, свойственные научным трудам Льва Александровича, не могли не запечатлеться и в его археографических пристрастиях. Достаточно вспомнить его подробные описания археографических поисковых реалий в письмах к В. И. Малышеву, чтобы почувствовать степень искренних переживаний за неудачи или мажорную тональность в повествовании о находках. Такие письма вполне заменяют экспедиционные

дневниковые записи, так у нас и не прижившиеся, а сопровождающая их фотодокументация, оставаясь для этого времени своего рода прецедентом, наглядно свидетельствует о серьезности и основательности отношения Льва Александровича к избранному ли им самим, порученному ли ему роду занятий, предмету исследования.

Сказанное относится к археографии экспедиционной, т. е. той, которая стала потом называться полевой археографией, но не менее значимы заслуги Льва Александровича в археографии камеральной, т. е. во введении в научный оборот найденного или сохраненного прежде, но оставшегося по разным причинам за пределами доступности для исследователей. Изложению подобного рода обзоров фондов необходима уже известная филологическая компетентность и талантливость повествователя. Льву Александровичу все это оказалось вполне присуще, пусть и не сразу осознаваемо. Надо было видеть, как внимательно и неторопливо рассматривал Лев Александрович очередные экспедиционные находки, чтобы осознавать легкий налет грусти от вряд ли уже возможных для него в это время поездок в северные деревни, от обретения еще не встречавшегося и такого реально зримого. Что-то было в этом отношении к реальным археографическим поискам свое, глубоко личное, так и оставшееся, быть может, не до конца воплощенным и высказанным.

В целом же отношение Льва Александровича к нашим археографическим поискам можно сравнить в эти годы даже со своего рода опекуном, чуть ностальгическим и доброжелательным. После кончины В. И. Малышева Лев Александрович как бы добровольно взял на себя ответственность за археографическую составляющую созданного Малышевым Древлехранилища, хотя официально нашим куратором был утвержден А. М. Панченко. Впрочем, оба этих замечательных ученых горевали об уходе Владимира Ивановича искренне и всерьез, оставались верны его памяти до конца своих дней. Характерно, что полагавшееся по статусу члена-корреспондента Академии наук выступление в Москве Лев Александрович посвятил археографической работе Древлехранилища за предшествовавшее тому десятилетие.

И пусть в весьма многоаспектном и жанрово многообразном научном наследии Льва Александровича археография не занимает ведущих позиций, но без нее облик ученого был бы неполон, утратил бы долю личностного, неповторимого.

А. В. Пигин

Л. А. ДМИТРИЕВ КАК СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ КНИЖНОЙ СТАРИНЫ ЗАОНЕЖЬЯ И ПОМОРЬЯ¹

Резюме

В статье представлены основные результаты полевой археографической работы Л. А. Дмитриева в 1948–1960 гг. В этот период он был участником пяти экспедиций в Заонежье и Поморье; привезенные им рукописи и старопечатные книги находятся сейчас в Древлехранилище им. В. И. Малышева. Источниками сведений о поездках служат архивные материалы и публикации ученого. Предложен обзор наиболее значимых находок Л. А. Дмитриева. Полученные во время экспедиций опыт, наблюдения и материалы были использованы Л. А. Дмитриевым в его исследовании рукописной книжности Заонежья и севернорусской агиографии. В приложении к статье опубликованы архивные источники: отчеты об экспедициях 1948 и 1950 гг., а также два письма Л. А. Дмитриева к В. И. Малышеву, содержащие интересные подробности о поездках 1959 и 1960 гг.

Ключевые слова: Л. А. Дмитриев, археографические экспедиции, Карелия, Заонежье, Поморье, старообрядчество, Древлехранилище им. В. И. Малышева

---

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

LEV ALEKSANDROVICH DMITRIEV AS A COLLECTOR AND RESEARCHER OF HANDWRITTEN AND EARLY PRINTED BOOKS FROM ZAONEZHIE AND POMORIE

Abstract

The article presents the main results of Lev Aleksandrovich Dmitriev's archaeographic collection activities in the period from 1948 to 1960. At that time, Dmitriev took part in five expeditions to Zaonezhie and Pomorie. The manuscripts and early printed books that he brought back from these regions are now in the Repository of Ancient Manuscripts (*Drevlekhranilishche*) of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg. Archival materials and works published by Dmitriev provide information about those trips. Dmitriev used his experience, observations, and materials that were obtained during the expeditions in his study of the Zaonezhie manuscript tradition and of the hagiography of Northern Russia. Reports on the expeditions of 1948 and 1950 and two letters from Dmitriev to Vladimir Ivanovich Malyshev, which provide interesting details about the trips of 1959 and 1960, are published in an appendix to the article.

Keywords: Lev Aleksandrovich Dmitriev, archaeographic expeditions, Karelia, Zaonezhie, Pomorie, Old Believers, Repository of Ancient Manuscripts of Pushkinskii Dom, Drevlekhranilishche

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-109-132

В мемориальном издании 1995 г., посвященном памяти Л. А. Дмитриева, хорошо представлены его заслуги в изучении древнерусской агиографии, «Слова о полку Игореве», научном редактировании и переводе древнерусских памятников на современный русский язык [Лев Александрович Дмитриев]. Отсутствие здесь отдельного очерка о Дмитриеве-археографе объясняется, вероятно, случайным стечением обстоятельств, поскольку полевая и камеральная археография занимала важное место в его научной деятельности². Памятная дата — в этом году исполнилось 30 лет со дня кончины Л. А. Дмитриева — является достойным поводом для того, чтобы хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

В кратком очерке В. П. Бударagina в настоящем номере журнала предложена общая характеристика научного вклада Л. А. Дмитриева как ученого-археографа. В свою очередь, эта статья имеет целью осветить отдельные

² На XXXV «Малышевских чтениях» в 2011 г. В. П. Бударагин выступил с докладом «Л. А. Дмитриев и Древлехранилище Пушкинского Дома», посвященным археографическому аспекту биографии ученого. Однако текст доклада не был превращен в статью; краткое изложение доклада см.: [Конусова, с. 243–244].

факты из истории экспедиций ученого в Карелию и Мурманскую область, благо в нашем распоряжении имеются архивные материалы (полевые дневники, отчеты, описи найденных рукописей, письма, фотоматериалы); некоторые из них ранее не были известны.

Поисками рукописей Л. А. Дмитриев занимался в ранний период своего научного пути; для экспедиций была выбрана территория Карелии и Кольского полуострова. В 1948–1960 гг. состоялось пять экспедиций Л. А. Дмитриева: две из них в Заонежье (1948, 1949) и три в Поморье — от Поморского до Терского берегов Белого моря (1950, 1959, 1960)³. Все рукописи, найденные Л. А. Дмитриевым, хранятся сейчас в Карельском собрании Древлехранилища Пушкинского Дома: из 600 единиц хранения этого собрания около ста было приобретено им.

Первая экспедиция Л. А. Дмитриева состоялась летом 1948 г., когда молодой археограф был студентом 3-го курса филологического факультета Ленинградского государственного университета. Об этой экспедиции мы имеем сейчас исчерпывающие сведения благодаря сохранившимся полевым дневникам, отчету и фотоматериалам [Пигин 2023]. В поездку Л. А. Дмитриев отправился вместе со своим однокурсником и близким другом Е. А. Майминым (1921–1997), ставшим в последующие годы крупным специалистом по русской литературе XIX в. Вдохновил на эту поездку молодых ученых проф. М. О. Скрипиль, семинар которого по древнерусской литературе в университете они посещали. Место поисков — Заонежье — было выбрано по совету В. И. Малышева, который не раз ездил в Карелию с археографическими целями. В экспедицию Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина направлял петрозаводский Институт истории, языка и литературы Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР (ИИЯЛ); здесь уже имелось в это время достаточно крупное собрание рукописных и старопечатных книг. По договоренности с ИИЯЛ все найденные в ходе экспедиции старинные книги должны были поступить в это собрание. Большую помощь ученым оказал К. В. Чистов, незадолго до этого, в 1947 г., возглавивший сектор литературы ИИЯЛ.

---

³ В одной из поздних публикаций Л. А. Дмитриев написал, что до их совместных с А. И. Копаневым экспедиций 1959 и 1960 гг. он «четыре раза ездил на поиски рукописей в Заонежье, Кемский и Беломорский районы Карелии» [Дмитриев 1992, с. 91]. Между тем в более ранних своих статьях исследователь сообщал только о трех экспедициях: 1948 и 1949 гг. — в Заонежье [Дмитриев 1972, с. 333] и 1950 г. — в Кемский и Беломорский районы [Дмитриев, Копанев 1961, с. 531]. Ни о какой «четвертой» экспедиции нет сведений и в архивных источниках. Предположить, что в столь отдаленные районы мог быть совершен кратковременный выезд, который не принес результатов и потому не был нигде упомянут, довольно сложно. По всей видимости, в публикацию 1992 г. закралась ошибка.

Илл. 1. Л. А. Дмитриев в Петрозаводске перед поездкой в Заонежье, 1948 г.
ИРЛИ. Карельское собр. № 606. Л. 2

Экспедиция состоялась в июле и длилась чуть меньше трех недель. За это время Л. А. Дмитриев и Е. А. Маймин обследовали около 50 деревень Заонежского полуострова (Великая Губа, Космозеро, Великая Нива, Фоймогуба, Толвуя, Падмозеро, Кузаранда и менее крупные поселения рядом с ними), всего было найдено 14 книг: 10 рукописных и 4 старопечатных.

Е. А. Маймин позднее вспоминал об этой поездке так: «Первозданная красота природы Заонежья, памятники старины, бедные, но крепкие люди-староверы, их особенная и высокая культура, их двухэтажные крепко сколоченные избы, их незабываемые бани, самовары, разного рода самодельная утварь — все это помнится и никогда не забудется. (...) мы сами — совсем не ученые, а просто студенты, одетые в поношенные шинели, без карт и не очень знающие, что и как искать, но полные интереса и жажды найти, голодные и неунывающие. (...) Мы привезли из экспедиции множество рукописей и первопечатных книг. К этим рукописям и книгам Лев Александрович относился с большой серьезностью. Рукописи и книги интересовали его не только внешним образом, но и внутренне, глубоко. В нем уже тогда готовился и был замечен серьезный любитель и знаток старинной русской книги» [Маймин, с. 57].

В экспедиционных материалах (дневниках Л. А. Дмитриева и Е. И. Маймина и отчете) большой интерес представляют «портреты» знатока фольклорной традиции П. Г. Горшкова, владельцев рукописей И. М. Абрамова и М. Ф. Котова, заметки бытового характера, дающие яркое представление о повседневной жизни заонежан в послевоенные годы. Л. А. Дмитриев старался запечатлеть все увиденное и на фотографиях: фотоальбом этой экспедиции, включающий 41 снимок, а также диапозитивы хранятся в настоящее время в Карельском собрании ИРЛИ (№ 606). На них и местные жители, и храмы, и предметы крестьянского быта, и пейзажи, и сами участники экспедиции. Особую ценность имеют фотографии с изображением семейства И. М. Абрамова — известного заонежского иконописца и художника [Петтерссон].

*Ил. 2. И. М. Абрамов с семейством, д. Космозеро, 1948 г.
Карельское собр. № 606. Л. 13*

Летом 1949 г. Л. А. Дмитриев вновь отправился в Заонежье, в археографическую экспедицию, о которой известно гораздо меньше. На этот раз он ездил один и приобрел 20 рукописных и печатных книг и отдельных листов, которые поступили в собрание ИИЯЛ. В Научном архиве Карельского научного центра РАН сохранилась «докладная записка» Л. А. Дмитриева на имя заместителя директора ИИЯЛ Е. С. Гардина с просьбой разрешить ему

продолжить археографическое обследование Заонежья — «той части района, которая не была захвачена прошлой экспедицией»⁴. Л. А. Дмитриев побывал примерно в ста деревнях Типиницкого, Паяницкого и Деригузовского сельсоветов. Весьма вероятно, что он посетил также Косозеро, как и планировал после поездки 1948 г., чтобы опять встретиться с И. М. Абрамовым: одна приобретенная в 1949 г. рукопись происходит из его библиотеки (Карел. собр. № 27). Экспедиция вновь предпринималась «по рекомендации» М. О. Скрипиля. Как и годом ранее, ученый занимался фотосъемкой; некоторые фотографии 1949 г. находятся сейчас в Древлехранилище (Карел. собр. № 613)⁵. Л. А. Дмитриев посылал фотографии запечатленным на них заонежанам (Ф. В. Кирикову из Типиниц и др.) и получал в ответ благодарственные письма⁶.

Материалы заонежских экспедиций 1948 и 1949 гг. были использованы Л. А. Дмитриевым в двух публикациях⁷. В первой из них, написанной в форме отчета по живым впечатлениям, перечислены обследованные районы Заонежья, охарактеризованы некоторые владельцы книг (И. М. Абрамов и М. Ф. Котов), кратко представлены наиболее интересные рукописи [Дмитриев 1951]. Вторая статья была приурочена к 60-летию В. И. Малышева и вошла в состав первого «малышевского сборника», изданного спустя почти четверть века после экспедиций [Дмитриев 1972]. В это время Л. А. Дмитриев, как опытный ученый, уже имел возможность посмотреть на заонежскую книжность более широко — в свете приоритетной для малышевской археографической школы проблемы региональных книжно-рукописных традиций. На материале рукописей, собранных в Заонежье в начале XX в. В. И. Срезневским, и собственных находок Л. А. Дмитриев попытался определить специфические черты местной книжности. Среди наиболее важных он назвал влияние старообрядческого Выга и большое число, наряду

⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 30. Л. 1 (Отчеты, докладные записки по экспедициям ИИЯЛ за 1949 г.). Разыскать отчет этой экспедиции пока не удалось.

⁵ Папка включает фотографии экспедиций 1949 и 1959 гг.

⁶ Письма сохранились в домашнем архиве Н. Л. Дмитриевой. Так, Ф. В. Кириков писал Л. А. Дмитриеву: «Спешу уведомить, что письмо ваше и высланое фото мы получили, за что вас, Львов Алек(сандровичей), очень благодарим, что вы такие большие трудности уложили, и очень вышли съемки хороши, и нам очень пондравались. И не знаем, чем мы тебя благодарить за эти услуги и такое интересное фото, Лева, что закачаеся, вышла замечательная память» (письмо от 19 октября 1949 г.).

⁷ О заонежских экспедициях 1948 и 1949 гг. Л. А. Дмитриев сделал также доклад на научной конференции в Петрозаводске, посвященной народной культуре Заонежья (7–11 июля 1964 г.), — об этом известно из его писем к В. И. Малышеву (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 433 (письма Л. А. Дмитриева к В. И. Малышеву). Л. 52–54).

с богослужебными книгами, сборников литературного содержания, включающих жития святых, историко-героические и сказочно-повествовательные произведения, а также местные сочинения.

Кроме тех примечательных рукописей и произведений, которые выделил из общего ряда Л. А. Дмитриев, можно отметить еще некоторые. Рукописный Катехизис конца XVIII в. происходит из библиотеки Выго-Лексинского общежительства, о чем сообщает полистная скорописная запись XIX в.: «Даниловской библиотеки, находящейся в Соборной бывшей раскольнической часовни» (Карел. собр. № 224. Л. 4 и далее). После закрытия общежительства в середине XIX в. рукопись, вероятно, оставалась в Даниловской часовне, обращенной в приходской храм господствующей церкви, — по этой причине она не вошла в описание той части выговской библиотеки, которая была вывезена в Петрозаводск [Барсов]⁸. Впоследствии рукопись попала к местным жителям и была приобретена Л. А. Дмитриевым. Культурное влияние на Заонежье оказывали и другие старообрядческие согласия. Л. А. Дмитриев цитирует В. И. Срезневского, которому довелось встречаться в Заонежье со старообрядцами-скрытниками (странниками, бегунами) и читать книги их письма [Дмитриев 1972, с. 333]. По-видимому, страннической по происхождению является Беседа инока Захарии с учеником Евфимием об антихристе [Пигин 2015] в составе сборника, найденного Л. А. Дмитриевым в 1949 г. (Карел. собр. № 72. Л. 65 и далее). Подобные тексты могли попадать в Заонежье из Каргополья, которое в XIX—XX вв. являлось самым крупным на Севере центром странничества. В обеих статьях о заонежской книжности Л. А. Дмитриев особо отмечал небольшой сборник начала XX в., найденный им в Фоймогубе и содержащий, помимо молитвенных текстов, стихи духовного и светского содержания (среди них «Ангел» М. Ю. Лермонтова) (Карел. собр. № 91). Одно входящее в состав этого сборника стихотворение представляет собой поэтическое переложение древнерусской патериковой Повести о бесе Зерефере [Пигин 2013] и в других списках пока не обнаружено. Остатками некогда богатой библиотеки иконописцев Абрамовых являются два рукописных сборника (Карел. собр. № 27, 322), ярко характеризующих литературные интересы заонежских крестьян (сборники включают Скитское покаяние, Слово Ипполита папы римского о скончании мира, Слово Палладия мниха о Страшном суде, Слово о делах Бога и дьявола, приписываемое Иоанну Златоусту, Поучение «о злой лаи матерной», Повесть о 12 снах царя Мамера и др.).

---

⁸ Об истории этого собрания см.: [Юхименко, т. 1, с. 67–113; т. 2, с. 364–421].

Зимой 1950 г., опять один, Л. А. Дмитриев отправился в экспедицию в Поморье — в Беломорск, Кемь и Шуерецкое. В НА КарНЦ РАН сохранились его отчет об этой поездке (см. Приложение) и список приобретенных двадцати книг — все они также поступили в петрозаводский институт. Поморский берег в археографическом отношении был основательно обследован до войны В. И. Малышевым, который за две поездки собрал здесь 326 рукописей. По этой причине значительных находок ожидать не приходилось. К тому же в годы войны жители Беломорска и Кеми были эвакуированы, в их дома вселились военные, которые уничтожали или выбрасывали книги на улицу. «Несколько человек рассказывало мне, — писал Л. А. Дмитриев в отчете, — что во время войны на Ковжино и на Сорокском острове валялись по улицам и дворам домов листки из рукописных книг и целые книги». Тем не менее собрание ИИЯЛ обогатилось в результате этой поездки списками житий Трифона Печенгского (Карел. собр. № 25), Артемия Веркольского (№ 126), Василия Нового (№ 100), выговских сочинений «О плаче сего времени», «Слово обличительное о последних временах» (№ 29) [Маркелов, с. 49 (№ 74), 100 (№ 206)] и др. Вероятно, от одного владельца были получены три небольшие рукописи без переплетов с однотипной владельческой записью солдата архангелогородского гарнизона Ивана Щекина (№ 25, 126, 206). Интересны также многочисленные записи на свободных листах сборника, включающего преимущественно разные молитвы (№ 77): в конце XVIII в. рукопись использовалась, по сути, как хозяйственная книга для ведения расчетов между Онегским соляным магазином и соляными варницами в Нименьге.

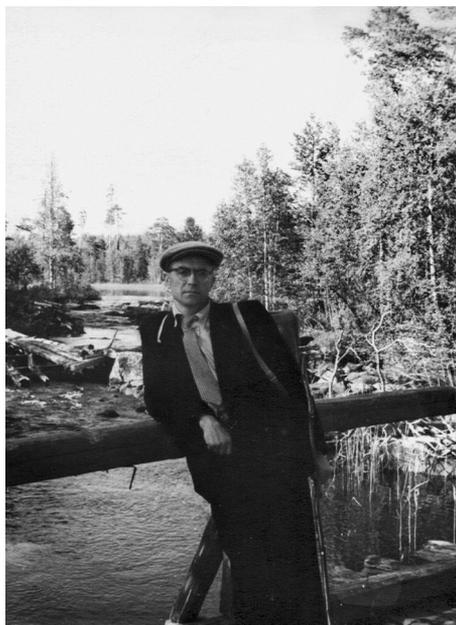
В 1959 и 1960 гг., когда были организованы еще две экспедиции в Поморье с участием Л. А. Дмитриева, собрание рукописей ИИЯЛ находилось уже в Пушкинском Доме, где стало именоваться Карельским. Поморские экспедиции 1959 и 1960 гг. проводились Пушкинским Домом совместно с БАН; от Пушкинского Дома ездил Л. А. Дмитриев (он работал здесь с 1953 г.), от БАН — А. И. Копанев. В «Трудах Отдела древнерусской литературы» В. И. Малышев вел раздел «По рукописным собраниям», где публиковались отчеты археографических экспедиций ИРЛИ. Отчеты Л. А. Дмитриева и А. И. Копанева были изданы в 17 и 18-м томах «Трудов» — они дают достаточно полную информацию о поездках [Дмитриев, Копанев 1961; 1962].

Интересные подробности, дополняющие эти отчеты, содержатся в письмах Л. А. Дмитриева, которые он написал своему наставнику в области археологии В. И. Малышеву во время этих экспедиций.

Поездка 1959 г. в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карелии была весьма успешной: всего удалось приобрести 69 рукописей и 39 старопе-

чатных книг. Рукописи между ИРЛИ и БАН были поделены поровну (35 поступили в Карельское собрание ИРЛИ; 34 — в собрание Текущих поступлений БАН), но все старопечатные книги стали достоянием БАН [Дмитриев, Копанев 1961, с. 535—536]. Как свидетельствует письмо Л. А. Дмитриева, написанное во время этой поездки В. И. Малышеву, собрание старопечатных книг стало предметом разногласий между участниками экспедиции. «Копанев, — писал Л. А. Дмитриев В. И. Малышеву, — собрал целую массу старопечатных (книг. — А. П.).

Из-за этого у меня с ним ссоры были: я считаю, что это только лишний груз. Самые ранние — не позже первой половины 17 века, а поздние — конца XVIII в. Но убедить его не набирать этих книг так и не смог. Правда, я сразу же от них отказался, сказав, что пусть они все пойдут в БАН» (письмо от 24 июня 1959 г., см. Приложение). В Древлехранилище ИРЛИ имелось небольшое собрание старопечатных книг (разряд IV, оп. 36), однако их приобретение не было приоритетной задачей археографов ИРЛИ. Среди ленинградских специалистов по старинной книге, кто занимался целенаправленным поиском кириллических изданий, включая старообрядческие, должны быть в первую очередь названы А. Х. Горфункель и А. И. Копанев. Вполне очевидно, что раздел о старопечатных книгах в совместном отчете об экспедиции 1959 г. Л. А. Дмитриева и А. И. Копанева был написан последним. Как будто полемизируя со своим коллегой, А. И. Копанев писал здесь: «Напав на значительное количество древних рукописей, находящихся до сих пор в крестьянских домах Керети, мы решили брать и все старопечатные книги, которые нам удастся обнаружить, для того чтобы представить с большей ясностью всю ту книжность, которая была в обращении населения поморского села в XVI, XVII и XVIII вв. (...) Эти книги (...) дают материал для решения таких специальных книговедческих и библиоведческих вопросов, как распространение книги в XVI—XVII вв., пути продвижения книги, места хранения

Ил. 3. Л. А. Дмитриев в экспедиции 1959 г.
Карельское собр. № 613

целенаправленным поиском кириллических изданий, включая старообрядческие, должны быть в первую очередь названы А. Х. Горфункель и А. И. Копанев. Вполне очевидно, что раздел о старопечатных книгах в совместном отчете об экспедиции 1959 г. Л. А. Дмитриева и А. И. Копанева был написан последним. Как будто полемизируя со своим коллегой, А. И. Копанев писал здесь: «Напав на значительное количество древних рукописей, находящихся до сих пор в крестьянских домах Керети, мы решили брать и все старопечатные книги, которые нам удастся обнаружить, для того чтобы представить с большей ясностью всю ту книжность, которая была в обращении населения поморского села в XVI, XVII и XVIII вв. (...) Эти книги (...) дают материал для решения таких специальных книговедческих и библиоведческих вопросов, как распространение книги в XVI—XVII вв., пути продвижения книги, места хранения

книги, отношение населения к книге и т. д. (...) Поэтому хотя приобретенные нами книги и имеются в фондах больших библиотек, однако положение их в ряду вообще русских книг, мастерство печати и их оформление вполне оправдывают покупку этих книг» [Дмитриев, Копанев 1961, с. 536–537]. Трудно не признать правоту А. И. Копанева.

Согласно воспоминаниям Л. А. Дмитриева об экспедициях 1959 и 1960 гг., А. И. Копаневу принадлежала еще одна важная инициатива: в тех случаях, когда книги принимались в дар, ученые просили дарителей сделать об этом запись на книгах. «Дарителям делать такие записи было очень приятно. По возвращении в Ленинград мы послали всем дарителям официальные письма от имени Пушкинского Дома и БАН с благодарственным текстом. Когда мы в 1960 г. посещали те дома, где уже бывали в прошлом году, то иногда видели эти благодарственные письма на бланках БАН и Пушкинского Дома висящими под стеклом на стене» [Дмитриев 1992, с. 92].

Скептическое отношение Л. А. Дмитриева к собиранию печатных книг с лихвой компенсировалось его интересом к фольклору. Во всех экспедициях, насколько это позволяло ему не отвлекаться от основной — археографической — задачи, исследователь фиксировал наиболее интересные явления устной традиции и самобытного творчества местных жителей. В 1948 г. в Великой Губе от библиотекаря Ольги Собакиной Л. А. Дмитриев и Е. А. Маймин получили записи частушек, в деревне Загорье записали стихи Ивана Антиповича Якушева о колхозной жизни. В 1950 г. в дер. Шуерецкое под Беломорском Л. А. Дмитриев записал духовные стихи и былины в исполнении Федора Андреевича Федосеева, в 1959 г. в Керети — предания о святом Варлааме Керетском. К сожалению, местонахождение этих фольклорных записей неизвестно.

Экспедиция 1960 г. позволила Л. А. Дмитриеву убедиться на собственном опыте, что остатки книжной старины можно встретить на Севере только в тех местах, где ранее проживали старообрядцы. Так, в письме от 21 июня 1960 г., написанном в деревне Кузомень на Терском берегу, Л. А. Дмитриев жаловался В. И. Малышеву: «Что-то в этом году нам совершенно не везет. Забрались Бог знает куда, с большим трудом, никак не можем выбраться отсюда. И самое обидное и самое главное: нет, нет ничего, да и не было тут никогда рукописей. Единственное утешение: уж после нас не надо будет больше ездить на Терский берег за рукописями. В этих местах старообрядцев не было, и, по-видимому, этим все и объясняется» (см. Приложение). Действительно, население Терского берега находилось в XVII–XVIII вв. в зоне религиозного и культурного влияния официального православия: московских монастырей (Троице-Сергиева, Новоспасского), Крестного

Онежского монастыря, Понойского прихода, Патриаршего дома [Дмитриев, Копанев 1962, с. 412–413]. Заметим попутно, что фольклорная традиция Терского берега была как раз очень богатой, о чем свидетельствуют, в частности, экспедиционные материалы Д. М. Балашова. Однако между книжно-рукописной и фольклорной традициями в том или ином регионе нет прямой зависимости.

Благодаря экспедициям 1959 и 1960 гг. Карельское собрание пополнилось 52 рукописями XVI–XX вв., содержащими интересный литературный материал (жития свв. Зосимы и Савватия Соловецких, Никиты Переславского, Александра Ошевенского; Повесть об Азовском осадном сидении; Хождение Трифона Коробейникова; разнообразные апокрифы, большое число старообрядческих, в том числе выговских, сочинений и т. д.).

После 1960 г. в археографические экспедиции Л. А. Дмитриев не ездил. Полученные в Поморье и Заонежье знания и впечатления очень пригодились ему позднее в научной работе. Литературе Русского Севера посвящена монография Л. А. Дмитриева «Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.» [Дмитриев 1973], которая легла в основу его докторской диссертации. В одной из глав этой книги Л. А. Дмитриев исследовал рукописную традицию Жития Варлаама Керетского, устные предания о котором услышал когда-то на Белом море. В разделе о Житии Артемия Веркольского он использовал список данного памятника, привезенный им из экспедиции 1950 г. (Карел. собр. № 126). Л. А. Дмитриеву принадлежат интересные наблюдения и о житиях севернорусских подвижников, входящих в Собор карельских святых, — Александра Свирского и Александра Ошевенского. Причем, в отличие от многих других исследователей русской агиографии, Л. А. Дмитриев не ограничивался решением источниковедческих и текстологических задач, его всегда интересовали художественная природа житийных памятников, присутствие в них устно-поэтических традиций [Демкова].

Культура Русского Севера, живое знакомство с которой состоялось во время заонежских и поморских экспедиций, оказала важное влияние на становление Л. А. Дмитриева как ученого, на долгие годы определила круг его научных интересов.

В Приложении к статье публикуем несколько архивных документов: отчет Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина о заонежской экспедиции 1948 г., отчет Л. А. Дмитриева о поморской экспедиции 1950 г. и два письма Л. А. Дмитриева к В. И. Малышеву, написанные во время поморских экспедиций 1959 и 1960 гг. В угловые скобки заключены отсутствующие в рукописях слова и буквы, предложенные издателем названия документов; многоточием в угловых скобках отмечены пропуски текста.

**Отчет экспедиции Института <истории>, языка и литературы
Карело-Финской Базы Акад(емии) наук СССР
по собиранию старинных рукописей и старопечатных книг¹**

16 июля 1948 г. экспедиция в составе 2-х человек, студентов Ленинградского университета Дмитриева Льва Александровича и Маймина Евгения Александровича, выехала из г. Петрозаводска в район Великой Губы. Вся предварительная подготовка в той ее части, которая непосредственно касалась Института <истории>, языка и литературы, была проведена исключительно быстро, без лишних задержек и формальной волокиты. Были даны необходимые указания и ориентировочно составлен план экспедиции. К сожалению, из-за досадной ошибки не была вовремя изготовлена карта района, что до некоторой степени затруднило работу.

Практический метод разыскания рукописей был заранее подсказан проф. Скрипилем², Малышевым и Чистовым³ и заключался в планомерном обходе каждой деревни, каждого дома. Однако малочисленность экспедиции при достаточной обширности района обследования и, главным образом, специфика местных условий заставила участников несколько видоизменить предлагаемый метод.

Избиралось место, где по тем или иным путем полученным сведениям предполагались «книжные люди», делалась остановка, тщательно обследовалась соответствующая деревня, а затем уже и деревни вокруг нее. Хранители рукописей обычно знали друг друга, и от них получались самые верные адреса. Эти адреса в значительной мере и определяли направление разысканий. Подобный метод обеспечивал наибольшую продуктивность работы, а одновременное обследование окрест лежащих сел делало ее в достаточной степени и всеобъемлющей. Впоследствии, когда «адресов» стало меньше, местом остановки избиралась деревня, в которой находился сельсовет. Это значительно экономило время, затрачиваемое на техническое оформление всякого рода документов, и заодно обеспечивало некоторые бытовые удобства (квартиры, хлеб).

Таким образом, были обследованы:

Село Великая Губа — районный центр, дер. Верховье;

Деревни Космозерского с(ель)с(овета): Космозеро, Демидово, Артово, Терехово, Пургино, Мягкая Сельга, Комлево и др(угие).

Деревни Великоновского с(ель)с(овета): Великая Нива, Якорь-Ледина, Пороги, Крохино, Палтега, Севрозеро, Мироньково, Бесовы.

Деревни Фоймогубинского с(ель)с(вета): Шильтя, Спировка, Патрово, Фоймогуба.

Деревни Толвуйского с(ель)с(вета): Белохино, Русино, Пустоши и др(угие) деревни на юг и юго-запад от Толвуя.

И последними были обследованы значительная часть деревень⁴ Кузрандского сельсовета.

Всего было куплено 14 книг: 10 рукописных и 4 старопечатных⁵. По содержанию книги духовные. Наиболее интересные из них: сборник — «Скитское покаяние» и др(угие), приibl(изительно) XIX в.; Евангелие от Матвея с толкованиями, предположительно XVI в.; Евангелие, писанное уставом XVI в.; Чудеса богородицы XVIII—XIX в.; сборник церковный XIX в. — «Жития Сав(в)атия и Зосимы» и др(угие); сказание св. Епифания 1597 г., печатная⁶; Требник печатный XVI в.

Из хранителей рукописей следует особо отметить Абрамова Ивана Михеевича⁷ и Котова Михайло Федоровича. Первый — слепой старик 80 лет, иконописец, знал Срезневского⁸ (подробнее см. дневник⁹), имеет много книг, которые обещает показать, когда вернется его внук. Котов — старообрядец-начетчик, строго верующий, девственник; к книгам относится ревнительно, редко кому показывает, тем более не допускает к ним. Очень возможно, что имеет рукописи, представляющие значительный интерес. Остальные владельцы или менее рельефны, или оказались ими случайно.

Общая продолжительность экспедиции — 18 дней.

В течение всего этого времени участниками проводилась разъяснительная работа среди населения, особенно среди молодежи, о необходимости сохранения и собирания старинных книг и рукописей.

Одновременно бралось на заметку все, что представляет интерес для фольклориста, а при случае делались и соответствующие записи материала.

Дополнительные замечания:

1. Все замечания делаются из практического опыта участников и никак не могут восприниматься¹⁰ как что-то навязанное и обязательное.

2. Совершенно необходимо обеспечивать экспедицию картой обследуемого района.

3. Предпочтительнее посылать экспедиции в те районы, которые во время оккупации не подвергались со стороны финнов насильственной эвакуации. Опыт показал, что там, где финны эвакуировали местное население, рукописей почти вовсе не сохранилось.

В Заонежском районе по тем или иным причинам остались неиспользованными следующие адреса:

а. В дер. Йогрогксы¹¹, в 12 км от Великой Губы, у 2-х старушек.

б. Дер. Пустоши Толвуйского с(ель)с(вета), в доме Проказовых, живет старуха Серафима, бывшая скрытница; по словам населения, имеет много книг; в настоящее время выехала в Петрозаводск, но должна скоро вернуться.

в. В дер. Лебешино Загубского с(ель)с(вета) Тимошин Алексей Тимофеевич, имеет одну рукописную книгу, по словам его племянника-инженера, весьма древнюю.

г. В дер. Нюнция¹² Беломорского р(айо)на жил и, возможно, живет еще старик-старообрядец по имени Василий¹³, с молодости писавший сам книги.

5. Следует съездить еще раз к Абрамову, который наряду с книгами имеет много старинных вещей¹⁴; у его жены сохранились старинные вышивки. Не лишнее было бы заехать еще раз к Котову.

6. Дальнейшее обследование Заонежского р(айо)на мыслится весьма желательным, особенно вглубь и на север до Медвеж(ь)ей Горы. Организовать ее следует возможно быстрее, ибо ценные книги и рукописи сжигаются, а то, что они по преимуществу духовного содержания и написаны на непонятном (для молодежи особенно) языке, только ускоряет этот процесс.

Л. Дмитриев, Е. Маймин

Отчет об археографической экспедиции в города Кемь и Беломорск в период 17 ноября — 4 декабря 1950 г. Дмитриева Л. А.¹⁵

До войны Кемский и Беломорский районы были обследованы В. И. Малышевым¹⁶. Археографическая экспедиция В. И. Малышева дала положительные результаты: было найдено большое количество древнерусских рукописных памятников, но сами города Кемь и Беломорск остались необследованными. Целью моей археографической экспедиции было проверить в археографическом отношении города Кемь и Беломорск.

В Кемь по адресам, данным мне В. И. Малышевым, и по полученным мною во время поисков книг в городе, я посетил оставшихся в живых староверов или же семьи, родители и деды которых были староверами.

Было обнаружено очень немного служебных церковных книг. Судя по рассказам местных жителей, основными владельцами старинных книг в Кемь были купцы. Так, например, большая и богатая библиотека была у купцов Ремягиных. Во время раскулачивания и конфискации имущества отбирались и книги. В основном все старые книги складывались из местных

церквей и из частных собраний в Успенский собор. Все книги из Успенского собора, как удалось выяснить в городском совете, были взяты в Москву.

В настоящее время хранителей старинных книг или начетчиков в Кеми нет. До войны жила в деревне Мегрега старуха Соломания, пользо(ва)вшаяся большим почетом у всех местных староверов. Очевидно, книг у нее было много, но куда всё попало после ее смерти, никому не известно.

Перечень некоторых жителей Кеми, к которым я ходил за рукописями:

Лежев Василий Михеевич — осталось несколько рукописных книг позднего письма, все церковные.

Миронова Ольга Васильевна — остались книги от матери, но большую часть их она раздала, остатки книг — церковные, интересных нет.

Анастасия Михеевна (бывшая прислуга купцов Ремягиных) — книг нет; по ее словам, у Ремягиных книг было очень много, все они были конфискованы.

Пойгина Александра Михайловна, умерла, книги были, но у родственников ничего не осталось.

Семенов Иван Михеевич — оставалось немного книг от бабки, но не так давно все выброшены (до этого валялись на чердаке). Судя по описанию внешнего вида, одна книга была большая, писанная уставом, с цветными миниатюрами.

По словам большинства местных жителей, книги могут быть в районе в деревнях Летняя Речка, Пангома¹⁷, Гридино, Кавголоша¹⁸, Шуерецкое.

По пути из Кеми в Беломорск я заехал в село Шуерецкое. В течение одного дня (24.XI.50 г.) были проверены в основном все те дома, в которых живут старики, старухи и семьи бывших старообрядцев. Это удалось сделать благодаря тому, что по домам ходил с местным стариком-старовером Федосеевым Федором Андреевичем. По словам всех местных жителей, книг в деревне всегда было очень много, но в основном все они погибли во время войны, в последние годы. Много книг имеется у местной крестьянки Акулины Кузьмовны; в настоящее время (за несколько дней до моего приезда) она уехала из Шуерецкого, и дом ее забит.

В Шуерецкой были найдены две книги позднего поморского устава — сборники различного содержания. Ни продать, ни отдать, ни променять на другие книги этих книг не¹⁹ согласились. Содержание одной из них — жития, Скитское покаяние, отрывки из патериков и Прологов; другой — церковные тексты, отрывки из патериков, отрывок из книги Иосифа Волоцкого от слова 7-го, послание инока Авраамия и некоторые староверческие тексты.

У Федосеева Федора Андреевича была Псалтирь, представляющая интерес в том отношении, что приблизительно известен ее переписчик:

лет 70—80 тому назад ее делал инок Макарий, живший в скиту недалеко от Шуерецкой (Федосеев знал его с детства лично). Псалтирь писана обычным поморским уставом. Приобрести книгу не удалось — владелец не согласился ни продать, ни отдать ее.

Федор Андреевич Федосеев знает несколько духовных стихов, былин. Некоторые из них мне удалось от него записать. Поет он с охотой; очевидно знает больше того, что напел мне, но не сразу и с трудом вспоминает.

Пребывание в Беломорске дало приблизительно такие же результаты, что и в Кеми. Основными местами, в которых жили старообрядцы и где было много книг, — районы города Сорокский остров и Ковжино. Как в Кеми, так и в Беломорске очень много старинных книг погибло в годы войны. По рассказам тех стариков и старух, у которых я был, и особенно по рассказам Комбалиной Таисии Ивановны, местной вершительницы старообрядческих обычаев, совершенно очевидно, что в Беломорске было очень много рукописных старинных книг. Особенно большая библиотека была у Анастасии Ивановны Дементьевой, жившей на Ковжине и умершей в эвакуации во время войны. По словам Комбалиной, очень хорошо знавшей Дементьеву, в доме последней было несколько шкафов со старинными книгами различного содержания: церковно-служебные, Прологи, минеи, жития и, очевидно, сборники исторического и литературного содержания. По словам Комбалиной, были книги, писанные уставом на коже, т. е. на пергамене, были лицевые рукописи; Комбалина уверяет, что была пергаменная лицевая книга. Во время войны в доме Дементьевой жили различные жильцы, после войны новым владельцем дом перестраивался, и все собрание погибло.

Основная масса рукописных книг погибла в годы войны: население было эвакуировано из Беломорска, и в их дома вселились военные, эвакуированные из Петрозаводска, и книги или уничтожались, или выбрасывались на улицу. Несколько человек рассказывало мне, что во время войны на Ковжино и на Сорокском острове валялись по улицам и дворам домов листки из рукописных книг и целые книги.

Из Беломорска был сделан выезд в село Сумский Посад. И в Сумпосаде такая же картина, как и в Беломорске, но все же кое-где книги сохранились. Наиболее интересные книги из всего собрания этого года были приобретены именно в Сумпосаде у двух старух Евтюковых (однофамильцы). Наиболее интересной была встреча с Евтюковой Соломанией Степановной (старуха 90 лет). Она говорит, что еще до революции к ней часто приезжал из Петрограда Федор Антонович Каликин²⁰, который занимался собиранием рукописных книг в Беломорском районе и обычно останавливался у нее. Очевидно, С. С. Евтюкова собирала и подыскивала для него книги, т(ак) к(ак) он

находился с ней в постоянной переписке. Евтюкова прекрасно знает староверов не только в Сумпосаде, но и в других деревнях этого района. Евтюкова обещала, если ей позволит здоровье, разузнать о том, где и у кого есть старинные книги, и, если будет возможность приобрести их, сообщит мне об этом. Опыт поездки в Сумпосад показывает, что в деревнях Беломорского и Кемского районов есть больше возможностей найти что-либо интересное, чем в Беломорске и в Кеми. Очевидно, в связи с изменениями и переездами жителей во время войны часть книг от старых владельцев перешла к новым, и из одних мест книги перешли в другие. Кроме этого, некоторые жители, которые при исследовании этих мест В. И. Малышевым с(к)рывали книги, сейчас умерли, и их родственники (если книги сохранились) продают их. Все это говорит, как мне кажется, о целесообразности более тщательного исследования деревень Кемского и Беломорского районов.

Заведующий отделом пропаганды и агитации Беломорского райкома партии тов. Назаров А. Н. и Евтюкова Соломания Степановна обещали сообщить мне о том, имеются ли где-нибудь книги или нет (Назаров умеет читать древнерусские рукописи и обещал²¹ интересоваться этим вопросом во время командировок по району). Если будут положительные сообщения от этих лиц, то вполне целесообразно организовать повторную поездку в эти районы летом (19)51 года.

Одновременно с основной работой по собиранию рукописей в городах Кеми и Беломорске мною были прочитаны лекции о «Слове о полку Игореве». К отчету прилагается охранный опись приобретенных рукописей.

Л. Дмитриев

6.XII.50 г.

⟨Письма Л. А. Дмитриева В. И. Малышеву⟩

⟨Письмо от 24 июня 1959 г.⟩²²

Здравствуйте, дорогой Владимир Иванович!

Все собираюсь написать Вам, да никак не выбрать времени: мотаемся с утра до поздней ночи. Сейчас полшестого утра, сидим на ст(анции) «Узкий», куда пришли из села Черная Речка, это севернее Чупы, около самого полярного круга. Когда были в Керети, то слышали, что здесь могут быть рукописи, и поэтому после Керети решили заехать сюда. Так как это очень маленький разъезд, то добираться сюда пришлось на товарняке и даже с него соскаки-

вать на ходу. Но все благополучно. Добрались сюда вчера часов около шести вечера. Договорились о ночлеге и сразу же пошли по деревне. Т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ определенных адресов не было, то решили обойти все дома. К сожалению, самого главного книжника не оказалось на месте: один старик; говорят, что верующий и имеет много книг. Он уехал в Кереть. В Керети мы его, между прочим, видали и говорили с ним. Он сказал, что у него книг нет и в Черной Речке книг тоже ни у кого нет. Так что, если бы мы его и застали, то вряд ли удалось бы у него что-либо выманить. Многие дома были закрыты: уехали в море на тони, но ждать нет смысла, так как уехали накануне и вернулись бы не ранее субботы — понедельника. Несмотря на все эти неудачи, немного книг все же нашли — 8 штук. За исключением одной, все поздние, служебные, неинтересные и очень трепанные.

Однако есть и одна неплохая — старообрядческий сборничек в хорошем состоянии: «Алфавит духовный», «О житии Андрея Юродивого», «Слово, еже всяк возревый на жену согрешает», «О скверном блужении злом», «Слово Кирилла о двадесяти мытарствы», «Слово Петра некоего о супротивии всяцем», «Слово Ефрема Сирина о антихристе», «Повесть от Старчества», «Повесть зело полезна некоего старца о царе Феодосии», «Похвала девственником», «Повесть о старце Павле Торомском», «Сказание о страдании и терпении священномученика Павла, епископа Коломенского», «О игумене Досифее новгородския области и о соборе отец соловецких» и целый ряд других²³.

Если Руфина Петровна²⁴ показывала Вам мое вчерашнее письмо, то Вы уже знаете, что в Керети мы приобрели довольно много. Рукописей больше 20, а если считать за отдельные единицы, то и за 30 перевалит. По содержанию, по-моему, особо интересных нет, но зато порядочно старых списков.

Копанев собрал целую массу старопечатных. Из-за этого у меня с ним ссоры были: я считаю, что это только лишний груз. Самые ранние — не позже первой половины 17 века, а поздние — конца XVIII в. Но убедить его не набирать этих книг так и не смог. Правда, я сразу же от них отказался, сказав, что пусть они все пойдут в БАН. Набралось у нас книг столько, что пришлось отправлять их малой скоростью в ящиках — ящики достали на торговом складе. Два больших с книгами послали на БАН, а рукописи — на ИРЛИ. Все пришлось делать так спешно, что я, по правде говоря, некоторые рукописи даже не раскрывал.

Успела ли дойти до отчета моя телеграмма из Керети²⁵ и огласили ли Вы ее на отчете?

Сейчас поедет в Боярскую — это между Лоухи и Кемью, слышали вчера здесь, в Черной Речке, что там м⟨огут⟩ б⟨ыть⟩ рукописи. Оттуда в Кемь, из

Кеми попытаюсь добраться до Гридино — из Керети туда никакого транспорта не было.

Видно все же, что в Карелии можно еще порядочно насобирать рукописей, и надо с этого года начать сюда ежегодные поездки. Надеюсь, что мне удастся это делать и Вы будете способствовать мне в этом, и уж пусть эти идеи так пока за мной и останутся.

Не знаю только, как мы будем теперь делить все рукописи с БАН. Пока мы ничего не делим и оставляем эту процедуру до Ленинграда. Поэтому было бы хорошо, если бы Вы могли дожидаться моего возвращения, и мы бы решили этот вопрос. Платим не более 5 руб. за ркп., многие дают вообще даром.

Черкните пару слов в Беломорск до востребования, м(ожет) б(ыть) успею получить. Настроение хорошее, хотя порядком уже устал и поизмотался. С погодой повезло: тепло и сухо. Места тут замечательные. (...) Дайте почитать это письмо Руфине Петровне. Жму руку.

Ваш Л. Дмитриев.

24.VI.1959

〈Письмо от 21 июня 1960 г.〉²⁶

Здравствуйте, дорогой Владимир Иванович!

Что-то в этом году нам совершенно не везет. Забрались Бог знает куда, с большим трудом, никак не можем выбраться отсюда. И самое обидное и самое главное: нет, нет ничего, да и не было тут никогда рукописей. Единственное утешение: уж после нас не надо будет больше ездить на Терский берег за рукописями. В этих местах старообрядцев не было, и, по-видимому, этим все и объясняется. Должны были сегодня утром уехать из Кузомени²⁷ на пароходе, который, как вчера объявили в сельсовете, должен был отбыть в 10—11 утра. Пристань в деревне в 4-х км от устья, куда подходит пароход. В 8-м утра уехали со всеми собиравшимися ехать из деревни на моторной лодке к устью. Подъехали туда, а пароход минут за 15—20 до этого отошел: увидели только на горизонте, как он удаляется. Вскоре должен был проходить грузовой пароход. Когда он появился против нас, то понеслись за ним вдогонку, проехали км 10, но так и не остановился, а дальше ехать было уже рискованно — боялись, что не хватит бензина. Вот и пришлось вернуться обратно в деревню. И сейчас сидим здесь с надеждой улететь завтра на самолете. А вот осуществится ли эта надежда, не знаем: самолет очень небольшой, а желающих, тем более теперь, когда на пароход очень многие не попали, вполне достаточно.

Самое обидное в том, что бесцельно пропадает время. Правда, сможем досконально всех обходить, но здесь от этого толку нет никакого: рукописей ни ранних, ни поздних не было. Этот случай заставляет, как мне кажется, сделать бесспорный вывод о том, что здесь, на Севере, единственными хранителями старых рукописных традиций были только старообрядцы. Вероятно, это не ново, но все же наша поездка, думается мне, лишний раз подтвердит это положение. По времени возникновения места очень старинные и очень глухие, во всяком случае гораздо более глухие, чем те, в которых мы были в прошлом году. И все же ничего нет. И бесспорно, как показывают наши многочисленные расспросы и беседы, ни у отцов, ни у дедов уже пожилых людей, живущих ныне, книг тоже не было. Вот пока единственный результат поездки этого года. Грустно, конечно, и обидно, но что же поделаешь! И в довершение всех бед никак не выбраться из этого неудачного района.

О том, где мы уже побывали и как добирались, я подробно написал Руфине Петровне, и Вы расспросите у нее, а Вам я писать сейчас уже не буду. Письмо ей и Вам я посылаю одновременно. М(ожет) б(ыть), Вы получите немного раньше, чем она, так как ей пишу на домашний адрес в Автово, а Вам на служебный. Скажите ей: пусть сразу же напишет мне по адресу²⁸: Карельская АССР, Лоухский район, поселок Чупа, до востребования. Хоть проездом, но там будем, вероятно, если вообще когда-нибудь выберемся отсюда, — хоть пешком махать 150 км. Вообще-то мы, наверное, даже решились бы и на это, если бы путь наш лежал через деревни, в которых мы не были, а мы всюду уже побывали, и всюду ничего нет. Уж очень обидно впустую столько махать. Быстрее, чем за три дня, не пройти, а за это время, я думаю, что или на самолете, или на рабочей шхуне какой-нибудь выберемся, может быть. Становится уже тоскливо столько времени ничего не знать о том, что делается дома и в Секторе. (...) Вам кланяется А. И. Копанев. Всего доброго.

Ваш Л. Дмитриев

21.VI.60 г.

Комментарии

¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100. Л. 44–46 (рукопись, автограф Е. А. Маймина); на л. 17–20 и 40–43 две машинописные копии этого отчета. Архивное дело содержит также экспедиционный дневник Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина и опись приобретенных книг.

² Михаил Осипович Скрипиль (1892–1957) — доктор филологических наук, профессор, исследователь древнерусской литературы; в 1938–1957 гг. работал в Отделе древнерусской литературы Пуш-

кинского Дома, одновременно, в 1945–1957 гг., — на кафедре русской литературы Ленинградского государственного университета.

³ Кирилл Васильевич Чистов (1919–2007) — доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР (1981), фольклорист. В 1947–1961 гг. работал в Петрозаводске, возглавлял сектор литературы в ИИЯЛ, читал лекции в Петрозаводском университете.

⁴ Слово написано над строкой.

⁵ Найденные в ходе экспедиции рукописи и книги находятся в настоящее время в Древле-хранилище ИРЛИ: 1) рукописи: Карельское собр. № 40, 145, 228, 229, 238, 239, 322, 330, 364, 394; 2) печатные книги: Собр. старопечатных книг (оп. 36). № 6, 13, 103. Одну печатную книгу — «Церковный устав» Почаевской типографии — разыскать не удалось. Подробнее см.: [Пигин 2023].

⁶ Речь идет об Апостоле (М., 1597), первая статья которого имеет название: «Сказание святого Епифания, епископа Кипрского, о двенадцятих святыах апостол...». ИРЛИ. Древлехранилище. Собр. старопечатных книг (оп. 36). № 6.

⁷ Иван Михеевич Абрамов (1869–1949) — крестьянин из деревни Космозеро, иконописец, живописец, резчик по дереву, книжник, занимавшийся перепиской рукописей.

⁸ Всеволод Измаилович Срезневский (1867–1936) — археограф, чл.-корр. по Отделению русского языка и словесности Академии наук, хранитель Отдела рукописей в Библиотеке Академии наук. В 1902–1905 гг. собирал рукописи в Олонецкой губернии, в том числе в Заонежье.

⁹ Имеется в виду полевой дневник экспедиции (см.: [Пигин 2023]).

¹⁰ Слово написано поверх зачеркнутого.

¹¹ Правильно: Вегорукса (в местном произношении — Вёгруксы).

¹² По-видимому, речь идет о Нюхче.

¹³ Об этом Василии более подробные сведения содержатся в полевом дневнике 1948 г.: «Старо-обрядец, живет в Беломорском районе, в дер. Тюкция <так!>, пишет уставом. Чуркина о нем только и знает, что зовут его Василий. Всю жизнь проводит в постоянных молитвах, способен с утра до вечера и всю ночь писать книги, не обращая внимания ни на что окружающее. А когда спросят, кто он, как его зовут, ответит: „Раб Божий“. Его имя сделалось почти легендарным даже среди его ближайших родственников» [Пигин 2023]. По-видимому, он же упоминается и в отчете об экспедиции 1959 г.: «В Нюхче было много старообрядцев. <...> Одна местная жительница <...> была когда-то в очень близких отношениях с наставником старообрядцев Васенькой, теперь уже покойным. У Васеньки было очень много книг...» [Дмитриев, Копанев 1961, с. 535].

¹⁴ Далее несколько слов зачеркнуто.

¹⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 191. Л. 12–16 (рукопись, автограф Л. А. Дмитриева).

¹⁶ В. И. Малышев ездил в указанные районы дважды: в сентябре 1940 г. (вместе с В. М. Морозовым) и в апреле 1941 г. [Малышев, с. 149–155].

¹⁷ Правильно: Поньгома.

¹⁸ Правильно: Калгалакша.

¹⁹ Далее зачеркнуто слово «удалось».

²⁰ Федор Антонович Каликин (1876–1971) — старообрядец, собиратель древнерусских и старо-обрядческих рукописей, иконописец, реставратор икон.

²¹ Слова «и обещал» написаны дважды.

²² РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 433 (письма Л. А. Дмитриева к В. И. Малышеву). Л. 24–27.

²³ ИРЛИ. Карельское собр. № 58. Сборник конца XVIII в., в 8-ку, 359 л., полуустав. Переплет: доски в коже.

²⁴ Руфина Петровна Дмитриева (1925–2001) — доктор филологических наук, исследователь древнерусской литературы; в 1954–1989 гг. работала в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Жена Л. А. Дмитриева.

²⁵ Из Керети была послана телеграмма следующего содержания: «В Керети собрали более двадцати рукописей. Много шестнадцатого века. Дмитриев»; она сохранилась в фонде В. И. Малышева: РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 433. Л. 23.

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 433. Л. 36–41 об.

²⁷ Село Кузомень находится в Терском районе Мурманской области, на берегу р. Варзуги, недалеко от ее впадения в Белое море.

²⁸ Далее написано и зачеркнуто: «Мурманская обл.».

Литература

Барсов — *Барсов Е. В.* Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб.: Изд. Археогр. комис., 1874. [2], IV, 85 с.

Демкова — *Демкова Н. С.* Русская житийная литература в исследованиях Льва Александровича Дмитриева // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 17–25.

Дмитриев 1951 — *Дмитриев Л. А.* Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. Вып. 3. С. 287–290.

Дмитриев 1972 — *Дмитриев Л. А.* Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1972. С. 330–337.

Дмитриев 1973 — *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. 304 с.

Дмитриев 1992 — *Дмитриев Л. А.* Запах ржаного хлеба // Александр Ильич Копанев: Сб. ст. и воспоминаний. СПб.: БАН, 1992. С. 90–95.

Дмитриев, Копанев 1961 — *Дмитриев Л. А., Копанев А. И.* Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 531–544.

Дмитриев, Копанев 1962 — *Дмитриев Л. А., Копанев А. И.* Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18. С. 412–419.

Конусова — *Конусова Е. Д.* XXXV Малышевские чтения // Русская литература. 2012. № 1. С. 243–247.

Лев Александрович Дмитриев — Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 140 с.

Маймин — *Маймин Е. А.* Памяти друга // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 55–61.

Малышев — *Малышев В. И.* Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 149–158.

Маркелов — *Маркелов Г. В.* Писания выговцев: Каталог-инципитарий. Тексты: По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 420 с.

- Петтерссон — *Петтерссон Л.* Иконописная мастерская в Заонежье // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1993. М.: Наука 1994. С. 264–275.
- Пигин 2013 — *Пигин А. В.* Стих о бесе Зерефере // Живая старина. 2013. № 1. С. 27–30.
- Пигин 2015 — *Пигин А. В.* «Слово от Старчества»: Беседа инока Захарии с учеником Евфимием об антихристе — малоизвестное старообрядческое сочинение XIX в. // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 406–422.
- Пигин 2023 — *Пигин А. В.* Дневники Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина: археографическая экспедиция в Заонежье в 1948 году // Русская литература. 2023. № 3 (в печати).
- Юхименко — *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.

References

- Barsov, E. V (1874). *Opisanie rukopisei i knig, khraryashchikhsya v Vygoleksinskoj biblioteke*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Arkheograficheskoi komissii, [2]+IV+85 p.
- Demkova, N. S. (1995). 'Russkaya zhitiinaya literatura v issledovaniyakh L'va Aleksandrovicha Dmitrieva', in: *Lev Aleksandrovich Dmitriev. Bibliografiya. Tvorcheskii put'. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 17–25.
- Dmitriev, L. A. (1951). 'Arkheograficheskie ekspeditsii v Zaonezhskii raion Karelo-Finskoi SSR', in: *Doklady i soobshcheniya Filologicheskogo instituta Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 3, 287–290.
- Dmitriev, L. A. (1972). 'Sostoyanie i perspektivy izucheniya knizhno-rukopisnykh traditsii Zaonezh'ya', in: *Rukopisnoe nasledie Drevnei Rusi: po materialam Pushkinskogo Doma*. Leningrad: Nauka, 330–337.
- Dmitriev, L. A. (1973). *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamyatniki literatury XIII–XVII vekov. Evolyutsiya zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*. Leningrad: Nauka, 304 p.
- Dmitriev, L. A. (1992). Zapakh rzhanogo khleba, in: *Aleksandr Il'ich Kopanev: sbornik statei i vospominanii*. Saint Petersburg: Biblioteka Akademii nauk, 90–95.
- Dmitriev, L. A., Kopanev, A. I. (1961). 'Arkheograficheskaya ekspeditsiya v Belomorskii, Kemskii i Loukhskii raiony Karel'skoi ASSR letom 1959 goda', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 17, 531–544.
- Dmitriev, L. A., Kopanev, A. I. (1962). 'Arkheograficheskaya ekspeditsiya v Murmanskuyu oblast' i Karel'skuyu ASSR letom 1960 goda', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 18, 412–419.
- Konusova, E. D. (2012). 'XXXV Malyshevskie chteniya', *Russkaya literatura*, 1, 243–247. *Lev Aleksandrovich Dmitriev. Bibliografiya. Tvorcheskii put'. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1995. 140 p.
- Maimin, E. A. (1995). 'Pamyati druga', in: *Lev Aleksandrovich Dmitriev. Bibliografiya. Tvorcheskii put'. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 55–61.
- Malyshev, V. I. (1947). 'Zametki o rukopisnykh sobraniyakh Petrozavodska i Tobol'ska', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 5, 149–158.

- Markelov, G. V. (2004). *Pisaniya vygotsev. Katalog-intsipitarii. Teksty. Po materialam Drevlekhranilishcha Pushkinskogo Doma*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 420 p.
- Pettersson, L. (1994). 'Ikonopisnaya masterskaya v Zaonezh'e', in: *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik 1993*. Moscow: Nauka, 264–275.
- Pigin, A. V. (2013). 'Stikh o bese Zerefere', *Zhivaya starina*, 1, 27–30.
- Pigin, A. V. (2015). "'Slovo ot Starchestva": Beseda inoka Zakharii s uchenikom Evfimiem ob antikhriste — maloizvestnoe staroobryadcheskoe sochinenie XIX veka', in: *Krugi vremen: V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoi*. Moscow: Indrik. Vol. 2: Issledovaniya. Posvyashcheniya i vospominaniya, 406–422.
- Pigin, A. V. (2023). 'Dnevnik L. A. Dmitrieva i E. A. Maimina: arkhograficheskaya ekspeditsiya v Zaonezh'e v 1948 godu', *Russkaya literatura*, 3 (in print).
- Yukhimenko, E. M. (2002). *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': dukhovnaya zhizn' i literatura*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1, 544 p.; Vol. 2, 480 p.

Е. Д. Конусова

«С НЕЖНЫМ ЧУВСТВОМ ВСПОМИНАЮ ВСТРЕЧУ
С ВАМИ...»: ПИСЬМА Г. П. ГУНЬКИНА (Г. ГУННА)
В. И. МАЛЫШЕВУ

Резюме

В статье исследуются и публикуются письма писателя, историка, искусствоведа Генриха Павловича Гунькина (псевд. Г. Гунн; 1930–2006) выдающемуся археографу доктору филологических наук Владимиру Ивановичу Малышеву (1910–1976). Письма (всего 35) за период с 1969 по 1976 г. хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Все они, как и целый ряд книг Гунькина, подписаны творческим псевдонимом Г. Гунн. Письма содержат важные сведения об успехах и трудностях, с которыми автор писем встречался на своем творческом пути, о профессиональной помощи, которую В. И. Малышев оказывал ему в работе над книгами, посвященными истории и культуре Русского Севера. Эти письма, несмотря на их скромное по объему место в фонде ученого, важны и с биографической точки зрения, и как часть многостраничной эпистолярной эпопеи, разворачивающейся в письмах сотен корреспондентов В. И. Малышева и повествующей о судьбах российской интеллигенции 70-х гг. прошлого века.

Ключевые слова: эпистолярные тексты, археография, Г. П. Гунькин (Г. Гунн), В. И. Малышев, А. М. Ремизов, протопоп Аввакум, Русский Север

"WITH A TENDER FEELING I REMEMBER MEETING YOU...":
LETTERS OF GENRICH PAVLOVICH GUN'KIN (G. GUNN)
TO VLADIMIR IVANOVICH MALYSHEV

Abstract

The article presents a study and the publication of the letters by the writer, historian, and art critic Genrich Pavlovich Gun'kin (1930–2006), also known under the pseudonym G. Gunn, to Vladimir Ivanovich Malyshev (1910–1976), Doctor of Philology, who was an outstanding archaeographer. A total of thirty-five letters covering the period from 1969 to 1976 are stored in the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg. Like a lot of Gun'kin's books, all these letters are signed with his pen name "G. Gunn." The letters contain information both about Gun'kin's achievements and difficulties that he encountered in his professional career. They also provide insight into the professional help that Malyshev rendered to Gun'kin when he wrote his books on the history and culture of the Russian North. Despite their modest place in Malyshev's fonds, Gun'kin's letters are important because they reflect some aspects of Malyshev's life. From a larger perspective, they form a part of the multi-page epistolary epopee that is unfolding in the letters of hundreds of correspondents with the scholar, an epopee that gives insight into the life of Russian intelligentsia in the 1970s.

Keywords: epistolary texts, archaeography, Archpriest Avvakum, Genrich Pavlovich Gun'kin, G. Gunn, Vladimir Ivanovich Malyshev, Aleksei Mikhailovich Remizov

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-133-166

Материалы эпистолярной части фонда В. И. Малышева, хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ РАН¹, являются важным источником сведений, которые позволяют создать более полное представление о трудах и жизни ученого.

Однако, помимо ценности собственно биографической, колоссальное собрание писем фонда важно и с другой точки зрения. Являясь своеобразным документальным депозитарием исторической памяти о людях и событиях, он отразил интеллектуальную жизнь целого поколения российской интеллигенции 40–70-х гг. прошлого века.

Переписка Владимира Ивановича с писателями, деятелями советской культуры и науки не раз была предметом ряда статей и публикаций [Гре-

---

¹ РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. *Малышев Владимир Иванович (1910–1976)* — исследователь древнерусской литературы, выдающийся археограф, основатель Древлехранилища Пушкинского Дома.

чишкин, Маркелов; Маркелов 1993; 1997; 2008; 2015; Матханова, Титова, Юдин; Пигин 2021; 2022].

Вынесенные в название настоящей статьи слова — цитата из письма Генриха Павловича Гунькина, писателя, историка, искусствоведа, почитателя и знатока истории и культуры Русского Севера (№ 5)².

Памятникам архитектуры, природе Русского Севера посвящен целый ряд книг Генриха Павловича, многие из которых вышли в серии «Дороги к прекрасному» [Гунн 1968; 1972; 1974; 1976; 1979; 1984]. В течение тридцати лет он работал над рассказами о местночтимых севернорусских святым, вошедшими в сборник «Клейма», изданный под псевдонимом Геннадий Русский [Гунн 2002]³. Творческие поиски писателя не сводились к одной теме: его перу принадлежат прозаические произведения разных жанров, многие из которых под тем же псевдонимом издавались им на собственные средства в 1996–2006 гг. [Гунн 1996; 2000; 2002; 2004a; 2004b]. Тем не менее именно Северу и северянам была отдана его любовь.

В июне 2007 г. в Каргопольском музее открылась Библиотека Русского Севера. В ее основу легло личное книжное собрание писателя, согласно его воле переданное в дар музею вдовой писателя Лидией Ивановной Иовлевой⁴.

В течение семи лет Генрих Павлович был корреспондентом В. И. Малышева, свидетельством чему его письма (числом 35) за 1969–1976 гг. Замечу, что Генрих Павлович подписывал письма одним из своих литературных псевдонимов, наиболее частым, — Генрих Гунн, ставшим как бы его вторым именем. Так, Библиотека Русского Севера в Каргополе носит имя Г. П. Гунна. На этом основании далее, чтобы избежать путаницы, говоря о Генрихе Павловиче, буду использовать не его настоящую фамилию, а именно этот его псевдоним.

Заочное — по телефону — знакомство Малышева с Гунном состоялось в ноябре 1969 г. Поводом к нему стал его очерк «Сказание о Пустозерске: Из дневника путешествия по Печоре», опубликованный в 1969 г. под псевдонимом Г. Гунн в альманахе «На суше и на море» [Гунн 1969]. Неудивительно, что инициатором знакомства стал Малышев, корреспондентов которого

---

² *Гунькин Генрих Павлович* (1930–2006; псевд. Г. Гунн, Генрих Гунн, Г. П. Гунн, Виктор Вельский, Геннадий Русский). Здесь и далее после цитат из публикуемых в статье писем даются отсылки к Приложению: арабскими цифрами обозначены порядковые номера писем.

³ Отдельные рассказы из этой книги публиковались в 1980–1990-х гг. под тем же псевдонимом в парижских изданиях — журнале «Континент» и газете «Русская мысль».

⁴ *Иовлева Лидия Ивановна* (1931–2018) — искусствовед. В течение многих лет работала первым заместителем генерального директора Государственной Третьяковской галереи.

объединяла «любовь и преданность к родной старине, протопопу Аввакуму и Русскому Северу» [Гречишкин, Маркелов, с. 281].

Получив через Александра Вениаминовича Храбровицкого⁵ отзыв Малышева об очерке «Сказание о Пустозерске», Гунн писал ему:

«Признаюсь, я и смущен, и тронут. Я не ожидал, что мой скромный очерк заинтересует кого-либо из ученых, тем более Вас. Говорю так потому, что знаю Вас заочно не только по научным публикациям — Ваше имя приходилось мне слышать и в Усть-Цильме, и на Пижме. Как человек, любящий древнерусскую литературу, я пользуюсь случаем выразить Вам свою признательность и благодарность. (...) Слишком все это неожиданно для меня — вряд ли я заслужил это своим очерком» (№ 1)⁶.

Любому автору ценна поддержка, без нее он может потерять веру в собственные силы. Лестный отклик Малышева на очерк о Пустозерске был важен Генриху Павловичу, встречавшему на протяжении своей творческой деятельности немало препятствий. Так, непростой была судьба его книги «Очарованная Русь». Она была сдана в издательство «Искусство» в 1969 г., в следующем году была готова верстка книги. Однако спустя еще год публикация книги застопорилась: издательство предложило книгу переделать. «Почему-то пугает имя Ремизова», — сетовал Гунн (№ 7)⁷. Творчество Алексея Михайловича Ремизова, очерк о котором вошел в эту книгу, — еще одна точка притяжения, объединявшая литературные пристрастия Гунна и Малышева. Потеряв надежду на издание, автор решил — по совету Малышева — передать верстку книги «в библиотеку Пушкинского Дома»

---

⁵ Храбровицкий Александр Вениаминович (1912–1989) — крупный отечественный специалист по творчеству В. Г. Короленко, писатель, краевед; многолетний московский друг и корреспондент В. И. Малышева. Сохранилось более трехсот писем Храбровицкого к Малышеву за 1948–1976 гг. (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1291–1294). Переписку с Малышевым Храбровицкий назвал «самой большой» [Храбровицкий, с. 270].

⁶ Позднее Гунн вспоминал: «Ни сам альманах художественно-географического содержания, ни мой очерк не содержали ничего такого, что могло бы привлечь внимание ученого-специалиста. Так мне казалось. Однако я не знал повышенного внимания В. И. ко всем печатным упоминаниям об Аввакуме, Пустозерске, Печоре. Он знал буквально все, что пишется на эти темы, даже в малоизвестных изданиях, даже самые незначительные упоминания» (Гункин Г. Три поездки в Ленинград (Воспоминания о В. И. Малышеве) // РО ИРЛИ. Ф. 494. Пост. 2022 г. № 38. Л. 2).

⁷ Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) — писатель; эмигрировал в 1921 г., жил и работал в Берлине, с 1923 г. — в Париже. О растянувшихся на 20 лет драматических перипетиях, связанных с изданием книги, см.: Гунн Г. История издания книги «Очарованная Русь». Авторское пояснение // РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 5. № 480. Л. 1–2.

и обратился к нему за помощью в этом деле (№ 7)⁸. А сама книга, к слову, вышла в свет лишь через 20 с лишним лет после сдачи ее в издательство [Гунн 1990].

Такого же рода неприятности не раз встречались на пути Генриха Павловича. В 1972 г. вышла в свет его книга «Печора — золотые берега» [Гунн 1972]. Вскоре появилась рецензия на нее, автор которой, по словам Гунна, «щипал» его «по мелочам» [Помадов 1972].

«Я не обижаюсь (<...>), — писал он Малышеву, — да вот издательство очень болезненно реагирует на это. А у меня сейчас в задумке новая книга о трех северных реках — Двине, Пинеге и Мезени (<...>). Да вот боюсь, что теперь со мной договор не заключат с перепугу» (№ 15)⁹.

И действительно, даже через год издательство не торопилось с оформлением договора, оставляя автора «в состоянии неопределенном» (№ 21). Гнетущая зависимость от издательства принудила Гунна обратиться к Малышеву с просьбой о содействии:

«Владимир Иванович! Не себя ради и не корысти для, а на пользу нашего общего дела, быть может, кто-нибудь из Ваших именитых друзей не то чтобы отклик, а хотя бы письмо в Издательство напишет, скажем, с благодарностью за пропаганду деятельности хранилища древних рукописей Пушкинского Дома. Любое доброе слово сейчас пошло бы на пользу» (№ 15).

«...Живу предчувствиями встречи с Севером», — признавался Генрих Павлович в одном из писем (№ 28). Более трех десятилетий он путешествовал по северным городам и весям, забираясь в самые недоступные для рядового туриста места, собирая материал для своих очерков, в которых он скрупулезно фиксировал состояние памятников зодчества и с восхищением рассказывал о северной природе. Несомненно, именно знакомство с Малышевым придало его поездкам новый — археографический — поворот.

В 1972 г. Гунн делился с Малышевым своими впечатлениями о поездке на Северную Двину: «Этим летом я проплыл по Сев(ерной) Двине, посетил места, где был 20 лет назад. Много, многое изменилось: облик деревень, люди. Удручающее впечатление оставляют памятники старины, и горестно было глядеть на их разгром, „да что долго петь“, как говорил любимый Вами Протопоп» (№ 18).

---

⁸ На самом деле верстка книги предполагалась для передачи в Рукописный отдел Пушкинского Дома. Позднее Гункин просил Малышева сообщить шифр, под которым верстка была зарегистрирована (№ 14).

⁹ Замысел книги осуществился в книге Гунна «Две реки — два рассказа» [Гунн 1976].

В ту поездку Генрих Павлович побывал и в Зачачье у наследников Николая Ивановича Заборского, хорошо знакомого Малышеву¹⁰. «У старика, — писал Гунн, — была когда-то огромная библиотека; увы, все растащили. Пользуясь нищетой сына-инвалида, скупили за бесценок. Хорошо, что Пушкинский Дом, а точнее — Вы, забрали в свое время все рукописи¹¹. Были у старика и собственные сочинения, рукописные книги, им самим написанные, — любопытнейший краеведческий материал, но и те попали в Архангельский краевед(ческий) музей. Так что ничего интересного в археографическом отношении я не нашел» (№ 18).

Однако несмотря на эту неудачу, именно благодаря Генриху Павловичу во второй половине 1970-х гг. Северодвинское собрание пополнилось Дневником Николая Ивановича Заборского¹². В одну из своих поездок на Север Генрих Павлович получил эту рукопись от Александра Николаевича Заборского, сына Н. И. Заборского, и подарил Дневник Древлехранилищу. В 2006 г. В. П. Бударагин опубликовал фрагменты этого документа [Бударагин 2006].

¹⁰ *Заборский Николай Иванович* (1887, по другим сведениям, 1888–1953) — северодвинский крестьянин из с. Зачачье. См. о нем: [Гунн 1976, с. 71–72; 1990, с. 8–11; Бударагин 2003].

¹¹ В 1961 г. от И. Н. Заборского — вероятно, одного из сыновей Н. И. Заборского — в Древлехранилище поступили: 1) Сказание о Киево-Печерской богородичной церкви (из Киево-Печерского патерика), XVIII в. (посл. четверть), в 8-ку, 24 л., скоропись, в картонном переплете (Отд. пост. Оп. 23. № 56); 2) Сборник, XVII (посл. четверть) — XIX в. (нач.), в 8-ку, 163 л., полуустав и скоропись разных почерков (Отд. пост. Оп. 24. № 3); 3) «Скаска» крестьян Коскошенской, Никольской и Звонской волостей Емецкого стана в Дворцовый приказ, 1649 г., столбец, скоропись (Отд. пост. Оп. 26. № 17).

¹² ИРЛИ. Древлехранилище им. В. И. Малышева. Северодвинское собр. № 907. 220 л. Документ никак не озаглавлен. Первые 24 листа рукописи занимает своего рода «летопись» села Зачачье, фиксирующая основные события в жизни села с 1801 по 1945 г. С 1946 г. жанровая отнесенность записей меняется, и «летопись» превращается в «дневник» [Бударагин 2006, с. 762]; последняя запись в нем датирована 4 апреля 1953 г. Упомянутый Гунном рукописный свод материалов краеведческого характера, составленный Заборским, хранится в Архангельском краеведческом музее под архивным названием «Дневник Николая Ивановича Заборского» (шифр хранения: АОКМ КП-11038/1). В отличие от рукописи из Северодвинского собрания Древлехранилища, этот документ озаглавлен: «Тетрадь для внесения заметок о настоящих и прошлых событиях». Он охватывает период с 1951 по 1953 г. и сопровождается оглавлением, которое свидетельствует о преимущественной краеведческой направленности содержания документа. Кроме названия на титульном листе архангелогородского Дневника помещена фотография Заборского. Под ней три записи разными почерками: 1) «Заборский Николай Иванович, род. 1888 г. 4 ок(тября) по старому (стилю?) 27 ок(тября)»; 2) «Скончался 21 апреля 1 час ночи 1953 г.»; 3) «умер 64 года». Благодарю хранителя коллекции «Документы» Архангельского краеведческого музея И. Ю. Мельцеву за предоставленные сведения об этой рукописи. Сопоставление ее текста с хранящимся в Северодвинском собрании Древлехранилища поможет будущему исследователю уточнить историю создания обоих документов и их жанровую принадлежность.

Г. Гунн сталкивался не только с издательскими трудностями, но и с осуществлением своих поездок: «...командировки мне не дают, — писал он Малышеву, — а расходы на путешествия почти равняются гонорарам за книжки» (№ 18).

Поездки Генриха Павловича в Ленинград для работы в Пушкинском Доме зависели от получения гонорара. Только тогда, «чутьочку разбогатев», он мог планировать встречу с Малышевым (№ 24). Невозможность приезжать чаще восполнялась перепиской.

Не раз Гунн обращался к ученому за консультациями. Так, задумав в 1974 г. вторую книжку о Печоре [Гунн 1979], он советовался с Малышевым о целесообразности этой работы. «...Я в недоумении, — писал он. — В книге должны быть описаны Пустозерск, Усть-Цильма с Пижмой и Цильмой, Ижма. Пустозерск — ладно, написать можно, а вот как быть с У(сть)-Цильмой и Ижмой? Материалы Пушкинского Дома — еще не все. Нужны памятники деревянного зодчества — избы, часовни и пр. (...) Вы же — единственный человек, мне знакомый, который все эти места подробнейшим образом знает. Так вот, Владимир Иванович, скажите: можно в У(сть)-Цильме, на Ижме подобрать какой-то материал по деревянному зодчеству? Каково Ваше мнение? Мне оно особенно дорого» (№ 30). Владимир Иванович, подвижнически ведший ежедневную переписку со своими многочисленными корреспондентами, и на этот раз не преминул ответить, одоббив тему и приободрив автора¹³. Несмотря на благожелательное напутствие Малышева и подписанный контракт, Генрих Павлович колебался, стоит ли начинать работу, сетуя на тогдашнюю издательскую политику: «В издательстве («Искусство». — Е. К.) сейчас новые веяния, исходящие сверху. Все историческое в художественно-географической книге считается едва ли не крамольным и тщательно изгоняется. А уж от одного вида церквушек и прочей старины шарахаются, аки бесы. Так что ныне мой очерк о Пустозерске¹⁴ не увидел бы света. (...) Не знаю, какой я получу ее (книгу. — Е. К.) из рук редактора и захочу ли ее издавать. Будут корезить главы об Усть-Цильме и Пустозерске, а это все равно что по живому» (№ 35).

---

¹³ Фрагмент ответного письма Малышева Гунн привел в книге «По нижней Печоре»: «Я что-то не помню хороших образцов деревянного зодчества в Усть-Цилемском и Ижемском районах. Обычные рядовые избы. Церквей деревянных, интересных в архитектурном плане не встречал. Все постройки здесь отличаются обычностью. Это не Мезень и Пинега. Но написать о Печоре следует. Деревни и села расположены красиво, выглядят хорошо. Да и о прошлом есть что сказать. Один Пустозерск чего стоит. Для печорцев характерен и жилой дом. Стоит написать» [Гунн 1979, с. 8].

¹⁴ [Гунн 1969].

Сомнения Генриха Павловича исчезли после получения внезапного известия о кончине ученого, и он отправился на Печору для сбора материала. В 1978 г. книжка о нижней Печоре вышла и была подарена Древлехранилищу с такой дарственной записью: «Первый экземпляр — в Древлехранилище имени В. И. Малышева. Г. Гунн. 25 дек. 1978 г.».

В предисловии к книге Генрих Павлович писал: «С чувством душевного трепета приступаю я к написанию этой книжки. Она посвящена памяти Владимира Ивановича Малышева. Он благословил меня на сей труд, он стал бы его первым читателем и критиком» [Гунн 1979, с. 6].

Семь лет знакомства Генриха Павловича с Малышевым отмечены всего тремя личными встречами, а сопровождавшую их переписку нельзя назвать очень интенсивной. Однако читая письма, убеждаешься в искренней душевной привязанности Генриха Павловича к своему ленинградскому корреспонденту, ставшему ему и другом, и советчиком, и помощником, и единомышленником в деле сохранения памятников отечественной старины. Неудивительно, что контакты Генриха Павловича с Пушкинским Домом не прекратились и после кончины Владимира Ивановича: в течение следующих лет он продолжал быть читателем Древлехранилища, не раз выступил с докладами на Малышевских чтениях¹⁵ и оставил воспоминания о Малышеве¹⁶.

Воспоминания, как и письма к Малышеву, несмотря на их скромное по объему место в фонде ученого, важны не только с биографической точки зрения. Являясь частью многостраничной эпистолярной эпопеи, разворачивающейся в письмах сотен корреспондентов основателя Древлехранилища, они повествуют о судьбах наших соотечественников совсем недавнего прошлого.

---

¹⁵ На Малышевских чтениях Г. П. Гунн выступил с докладами «Патриарх Никон и Елеазар Анзерский» (3 мая 1979 г.), «Кожеозерский монастырь XVII в.» (7 мая 1980 г.), «Историософская концепция Аввакума» (5 мая 1982 г.), «Еще раз о времени основания города Пустозерска» (24 апреля 1985 г.), «Дневник северодвинского „книгочая“ Н. И. Заборского» (8 мая 1996 г.).

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 494. Поступление 2022 г. № 38.

Письма Г. П. Гунькина (Г. Гунна) В. И. Малышеву¹

№ 1

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Ваш друг Александр Вениаминович Храбровицкий передал мне Ваш отзыв о моем очерке о Пустозерске². Признаюсь, я и смущен, и тронут. Я не ожидал, что мой скромный очерк заинтересует кого-либо из ученых, тем более Вас. Говорю так потому, что знаю Вас заочно не только по научным публикациям — Ваше имя приходилось мне слышать и в Усть-Цильме, и на Пижме. Как человек, любящий древнерусскую литературу, я пользуюсь случаем выразить Вам свою признательность и благодарность.

Я также заранее благодарен Вам за Ваше любезное предложение предоставить мне материалы об Аввакуме. Слишком все это неожиданно для меня — вряд ли я заслужил это своим очерком. Единственное, что дает мне основание с радостью принять Ваше предложение, — мое благоговение перед именем «огненного протопопа»³ и тем, кто произнес эти слова, — А. М. Ремизовым.

Я знаю, что Вы состояли в переписке с Алексеем Михайловичем⁴. Мне же приходилось немного заниматься его творчеством — сейчас в издательстве «Искусство» находится в работе моя книга очерков о некоторых писателях и художниках, среди них Лесков, Ремизов и др. Это не специальное исследование, а книга человека, который размышляет или пытается размышлять о русской тематике, русском слове, традициях и всем прочем.

Мне неловко беспокоить Вас, но ради Аввакума и Ремизова я все-таки решусь. Правда, не в ближайшее время, а, видимо, после Нового года⁵ — сейчас мне надо сдавать книгу о Печоре⁶, где я пишу о местах, в которых Вы неоднократно бывали.

Еще раз благодарю Вас.

Доброго Вам здоровья, Владимир Иванович!

Искренне Ваш
Г. Гунн

14 ноября 69 г.

№ 2

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!
Послал бандеролью Вам свою книжечку об Онеге⁷.
Если все будет хорошо, надеюсь в последней неделе февраля быть в Ленинграде.

Искренне Ваш
Г. Гунн

9/II-70 г.

№ 3

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Иванович!
Не знаю, как и благодарить Вас за Ваше гостеприимство.
А если надоел я Вам своими расспросами или что не так было — простите великодушно.

Записку Вашу (Александру Вениаминовичу) Храбровицкому я передал, обещал все исполнить в точности. Он Вам напишет, и не мелким почерком. Нашел я А(лександра) В(ениаминовича) немного приболевшим (простуда), но бодрым. Показал он мне кое-какие материалы, касающиеся А. М. Ремизова, и благожелательно прочел мои писания об А(лексее) М(ихайлови)че.

Храню самые нежные воспоминания о встрече с Вами, о прогулках по Среднему проспекту (« — „Не холодно?“ — „Не, не, что Вы!“») и о «можжевеловой»⁸.

Будете в Москве — не забывайте, пожалуйста. А может быть, и навестите при возможности? У нас лифт, а курить дома я не буду⁹.

Если чем-нибудь могу быть Вам полезен — пишите, звоните и пр.

С широкой Вас масленицей! (надеюсь, блины Вам не противопоказаны?!).

Доброго Вам здоровья и творческих сил, Владимир Иванович!

Искренне Ваш
Г. Гунн

3 марта 70 г.

Р. С. Шлю привет и поздравления Вашему юному сотруднику Глебу¹⁰.

№ 4

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Иванович!
Поздравляю Вас, ветерана войны, с 25-летием Дня Победы¹¹.

Желаю Вам доброго здоровья и многих сил, столь потребных в работе над Аввакумовой летописью и в собирании новых рукописей.

Владимир Иванович! Вы говорили мне, что этим летом должна приехать m-me Кодрянская¹². Прошу Вас, когда Вы точнее узнаете о времени ее приезда, сообщите мне. Хотелось бы встретиться с нею в Москве и кое-что уточнить об А. М. Ремизове. Книга моя с очерком об А(лексее) М(ихайло-виче) пошла в производство, но еще не поздно будет исправить неточности в верстке, если таковые найдутся.

Когда Вы, Владимир Иванович, будете в Москве — не забывайте, пожалуйста.

Всего Вам лучшего.
Ваш Г. Гунн

4 мая 70 г.

№ 5

Дорогой Владимир Иванович!

Александрю Вениаминовичу я позвонил. Он жив-здоров. Говорит, что письмо Вам послал.

Так что все в порядке.

С нежным чувством вспоминаю встречу с Вами и свое короткое, но приятное пребывание в Пушкинском Доме.

Приезжайте в Москву!

Ваш
Г. Гунн

(22 мая 1970 г. — по почтовому штемпелю)

№ 6

Дорогой Владимир Иванович!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом!

От всей души желаю Вам здоровья, бодрости и новых успехов в славном деле аввакумоведения и пустозерского летописания.

Ваш
Г. Гунн

(30 декабря 1970 г. — по почтовому штемпелю).

№ 7

Дорогой Владимир Иванович!

Душевно тронут был, получив буклет Вашего Хранилища¹³. Рад, что Вы меня не забываете.

Хочется навестить Вас и Пушкинский Дом, но все никак не удается поехать в Питер. Все еще жду выхода своих книжек. Верстки были.

В книге о Печоре Усть-Цилемскому рукописному собранию посвящена целая глава¹⁴. Уж не знаю, как она Вам понравится. Неизвестно, как скоро книжка выйдет, — пока нет тиража. Может быть, придется подождать.

С книгой второй дело обстоит хуже¹⁵. Почему-то пугает имя Ремизова. Предлагают переделать.

Кстати, в этой связи хочу спросить Вас, Владимир Иванович. Когда я занимался в библиотеке Пушкинского Дома, я подписывал какую-то бумагу, где было сказано, что верстку своей будущей книги я обязуюсь выслать в Пушкинский Дом. Так вот: как мне это сделать? Может быть, выслать верстку Вам, а Вы уже передадите по назначению? Выйдет книга или не выйдет, а верстка пусть хранится, авось когда-нибудь и кому-нибудь понадобится¹⁶.

Если не затруднительно, ответьте, пожалуйста, на этот вопрос.

Как Ваши труды-дни, Владимир Иванович? Как здоровье? Не собираетесь ли в Москву? Не приезжала ли Кобрянская?

Напишите, если не трудно.

С сердечным пожеланием доброго здоровья и исполнения всех начинаний.

Искренне Ваш

Г. Гунн

29/VI-71 г.

№ 8

Дорогой Владимир Иванович!

До сих пор не удосужился выслать Вам обещанную верстку — ее пока читают друзья. А сейчас уезжаю на Север.

Надеюсь осенью побывать в Ленинграде и привезу верстку, а если не удастся — пришлю по почте.

Доброго Вам здоровья и творческих успехов!

Искренне Ваш

Г. Гунн

2 августа 71 г.

№ 9

Дорогой Владимир Иванович!

Мне звонил по Вашей просьбе А(лексан)др Вен(иаминович). Наверное, он Вам писал об этом. Со своей стороны сообщаю, что книга моя о Печоре должна в скором времени выйти в свет¹⁷. Если все будет благополучно, постараюсь привезти книжку и верстку Вам в Питер. Думаю, что произойдет это в декабре. Но жизнь так идет, что наперед сказать трудно.

Я часто вспоминаю о Вас. Хотелось бы повидаться, хотелось бы побывать в Пушкинском Доме.

Желаю Вам доброго здоровья и творческих успехов.

Поздравляю с праздником.

Ваш Г. Гунн

3/XI-71 г.

№ 10

Дорогой Владимир Иванович!

Отклик в «Литературную газету» на статью Н. Н. Михайлова о Пустозерске я отправил¹⁸. Не думаю, что напечатают, но дело сделал.

На днях ожидается сигнал книги о Печоре¹⁹. Так что скоро книга выйдет, но не раньше Нового года. Поэтому мой предполагаемый визит в Ленинград несколько откладывается. Надеюсь все-таки приехать вскоре после Нового года, а как получится — сказать трудно.

С пожеланием всего наилучшего

Ваш
Г. Гунн

3 дек. 71 г.

№ 11

Дорогой Владимир Иванович!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом!

Желаю Вам много сил, бодрости и здоровья!

Обязательно навещу Вас в Новом году в скором времени, но вряд ли раньше конца января.

Книжка моя о Печоре вышла и объявлена в газете «Книжное обозрение» как вышедшая, но я сам еще не держал ее в руках. Почему-то изда-

тельству или книготоргу выгоднее пустить ее на прилавок в январе. Все это, конечно, мелочи, но они оттягивают мою поездку в Питер.

Так что скоро я пришлю книжку на Ваш строгий суд, а потом и сам приеду на церемонию передачи верстки о Ремизове²⁰.

По поводу Пустозерска мне сообщили из редакции «ЛГ»²¹, что они еще вернутся к этой теме, а пока прислали мой отклик писателю Н. Михайлову, который за это дело взялся.

Надеюсь, что вскоре поговорим обо всем подробнее.

Светлых Вам праздников и хорошего, творческого настроения!

Искренне Ваш

Г. Гунн

28 дек. 71 г.

№ 12

Дорогой Владимир Иванович!

Только что отправил Вам бандероль со своей наконец-то вышедшей книжкой²².

Посылаю ее заранее, с тем чтобы в мой приезд Вы смогли бы высказать свое мнение. Надеюсь на Вашу снисходительность. Не считайте, пожалуйста, мои строки о Вас и Вашей деятельности грубой лестью; они, может быть, и грубые, но искренние.

Приеду либо в конце января, либо позже. О приезде своем сообщу.

Доброго Вам здоровья и всех благ.

В надежде теперь на скорую встречу

Ваш

Г. Гунн

13.1. 72.

№ 13

Дорогой Владимир Иванович!

Вот и книга вышла²³, и гонорар получен, а я все не еду. Поэтому очень мне неловко перед Вами — наобещал, а сам...

Но тем не менее намерения своего я не меняю и, надеюсь, скоро его осуществлю. Суета житейская заедает. То погода была морозная, то жена уезжала в командировку, так и идет день за днем.

Хотелось бы мне попасть к Вам на следующей неделе, в конце, да как получится, еще не знаю. Во всяком случае, дам Вам знать (м. б., по телефону). А если не удастся — не взыщите, еще отложить придется.

Искренне Ваш
Г. Гунн

⟨17 февраля 1972 г. — по почтовому штемпелю⟩

№ 14

Дорогой Владимир Иванович!

Буклет²⁴ я передал по адресу. А. Д.²⁵ шлет Вам свою благодарность. Но, к сожалению, с рукописями, как и предполагалось, ничего не выходит. Книжки, сами знаете, народ прижмистый. Никакие уговоры не помогают.

Прошу Вас, если не затруднит, конечно, сообщите мне, пожалуйста, шифр (или индекс, или номер), под которым зарегистрирована моя верстка в Пушкинском Доме. Заранее Вам благодарен²⁶.

Еще раз благодарю Вас за гостеприимство. Вспоминаю наши трапезы на кухне и «можжевеловую».

Доброго Вам здоровья и творческих успехов!

Ваш
Г. Гунн

6.3.72

№ 15

Дорогой Владимир Иванович!

Сердечно поздравляю Вас с присвоением почетного звания заслуженного) деятеля науки РСФСР.

Думаю, Вам, человеку скромному, не само звание важно, а то, что дело Вашей жизни заслуженно оценено, и то, что люди Вас не забывают.

К стыду своему, узнал об этом событии, которое праздник и для меня, и для всех, любящих Север и северную старину, от Вас самих. Такая уж жизнь наша, суетливая и беспокойная, в суматохе людской живешь как на необитаемом острове.

Благодарю Вас, Владимир Иванович, за добрые слова в адрес моей скромной книжечки²⁷.

Кстати, появилась на нее рецензия в сыктывкарской газете «Красное знамя» от 10 марта с. г. под названием «Не зная броду...», автор Г. Пома-

дов (псевдоним?), где автор щиплет меня по мелочам²⁸. Я не обижаюсь — уж больно все мелочно, да вот издательство очень болезненно реагирует на это. А у меня сейчас в задумке новая книга о трех северных реках — Двине, Пинеге и Мезени. Раз я написал об Онеге и о Печоре, то хочешь не хочешь, надо писать о реках между ними. Уж конечно, не обойтись мне без материалов Вашего хранилища, и жду этой работы с радостью. Да вот боюсь, что теперь со мной договор не заключат с перепугу.

Владимир Иванович! Не себя ради и не корысти для, а на пользу нашего общего дела, быть может, кто-нибудь из Ваших именитых друзей не то чтобы отклик, а хотя бы письмо в Издательство напишет, скажем. С благодарностью за пропаганду деятельности хранилища древних рукописей Пушкинского Дома. Любое доброе слово сейчас пошло бы на пользу.

Если же это связано с какими-то хлопотами — не утруждайте себя. Доброе дело все равно не пропадет. О Двине, Пинеге, Мезени я так или иначе напишу.

Так что в Ленинграде мне бывать еще не раз придется. Надеюсь увидеться с Вами в недалеком будущем.

Доброго Вам здоровья, Владимир Иванович, и творческих успехов в новом заслуженном звании!

Ваш
Г. Гунн

4.IV.72

№ 16

Дорогой Владимир Иванович!

Поздравляю Вас с выходом сборника в честь Вашего шестидесятилетнего юбилея²⁹. Рад за Вас. Я просматривал сборник — как будто бы он получился интересным, много нужного в нем и для моей работы. Простите меня за нахальство, если я напомним, что Вы обещали мне прислать этот сборник. К тому ж у меня нет книг с Вашим автографом, а хотелось бы. Конечно, если это связано с трудностями для Вас, то не надо, и еще раз, извините меня.

В этом году намереваюсь проплыть по Двине и для души, и для сбора материалов к будущей книге.

Как Ваши дела? Как работа над Аввакумом и историей Усть-Цильмы?
С сердечным пожеланием доброго здоровья и творческих успехов.

Ваш
Г. Гунн

27 июня 72 г.

№ 17

Дорогой Владимир Иванович!
Душевно благодарен Вам за присланный сборник.
Как Ваше здоровье? Как переносите жару?
Доброго Вам здоровья и новых творческих успехов!

Ваш
Г. Гунн

11/VII-72

№ 18

Дорогой Владимир Иванович!

А. В. Храбровицкий звонил мне по Вашей просьбе и справлялся о моем житье-бытье. Каюсь, давно не писал Вам, но сделать это намеревался и теперь незамедлительно приступаю.

Кончилось небывало жаркое лето, когда мозги расплавлялись, началась нормальная осень, и пора взяться за дела. Дела же мои вот какие. Сейчас продолжаю возню с книжечкой «Каргополье — Онега», посвященной деревянному зодчеству этого края. Надеюсь, выйдет в следующем году. Продолжаю собирать материал о Двине — Пинеге — Мезени. Этим летом я проплыл по Сев(ерной) Двине, посетил места, где был 20 лет назад. Много, многое изменилось: облик деревень, люди. Удручающее впечатление оставляют памятники старины, и горестно было глядеть на их разгром, «да что долго петь», как говорил любимый Вами Протопоп³⁰.

Побывал я в знакомом Вам Зачачье близ Емецка у наследников Н. И. Заборского. У старика была когда-то огромная библиотека; увы, все растащили. Пользуясь нищетой сына-инвалида, скупили за бесценок. Хорошо, что Пушкинский Дом, а точнее — Вы, забрали в свое время все рукописи. Были у старика и собственные сочинения, рукописные книги, им самим написанные, — любопытнейший краеведческий материал, но и те попали в Архангельский краевед(ческий) музей. Так что ничего интересного в археографическом отношении я не нашел.

В будущем, и не столь далеко, предстоит мне побывать за сбором материала и в Архангельске и, конечно, в Питере. Вопрос тут будет упираться только в средства, т. к. командировок мне не дают, а расходы на путешествия почти равняются гонорарам за книжки. Совсем грустно порой бывает, вот разве порой неверный читатель пришлет вдруг письмо с ободрительными

словами (бывает так), и понимаешь, что надо делать свое дело, что кому-то оно нужно.

Ваше внимание, Владимир Иванович, мне очень дорого, и надеюсь в будущем не раз увидеться с Вами и воспользоваться материалами Хранилища, м(ожет) б(ыть), в начале следующего года.

Но что я все о себе. Как Вы-то поживаете? Как здоровье? Как п(е)ренесли это кошмарное лето?³¹ Над чем сейчас работаете? Видите, сколько вопросов. Будет у Вас время, черкните на досуге.

С пожеланием доброго здоровья и творческих успехов,

Ваш
Г. Гунн

22 сент. 72 г.

№ 19

Здравствуйте, дорогой Владимир Иванович!

Давно не имею от Вас вестей. Как-то Вы поживаете, над чем работаете? Последнее Ваше письмо было такое грустное... Надеюсь, что сейчас Вы чувствуете себя лучше и работаете на благо всем нам дорогого дела.

Владимир Иванович! Мой добрый друг Андрей Николаевич Меньшутин³² занимается Чаадаевым. Он знает, что в Пушкинском Доме есть какие-то архивы П. Я. Чаадаева. Если Вам не трудно, конечно, сообщите, пожалуйста, кто в Пушкинском Доме занимается Чаадаевым и ведает этими архивами, чтобы связаться с этим человеком. Заранее Вам благодарен. Простите, если это для Вас неисполнимо.

Моя жизнь течет без перемен. Надеюсь приступить к работе над книгой о Двине — Мезени, как заключат договор³³. Надеюсь побывать в Ленинграде. Так что пока живу надеждами.

Доброго Вам здоровья и бодрости душевной.

Ваш
Г. Гунн

23/XI-72

№ 20

Дорогой Владимир Иванович!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом!

Желаю Вам от всей души доброго здоровья, бодрости и творческих сил!

Ваш Г. Гунн

(1 января 1973 г. — по почтовому штемпелю)

№ 21

Дорогой Владимир Иванович!

Как-то Вы поживаете? Вот уже и весной запахло, и вроде бы повеселее стало. Надеюсь, что Вам легче живется и работается с предвесенним солнышком.

Я пока пребываю в состоянии неопределенном: договор на книжку о С(еверной) Двине — Мезени издательство заключать не спешит, оттого все мои планы срываются и приехать в Питер не удастся. Хотя и надо, и хочется Вас повидать. Будем надеяться на лучшее, если только вообще Север и русский дух кому-то нужен.

Не знаете ли Вы, Владимир Иванович, вышел ли «„Пустозерский сборник“ И. Н. Заволоко», объявленный на I квартал? ³⁴ Сообщите, пожалуйста, если Вам не трудно, очень не хотелось бы пропускать эту книгу.

С пожеланием доброго здоровья и творческих успехов!

Ваш
Г. Гунн

19/II-73

№ 22

Дорогой Владимир Иванович!

Примите мои поздравления со всеми праздниками, народными и гражданскими.

Как-то Вы поживаете, как Ваше здоровье?

Часто вспоминаю Вас, Печору, Север. Рвусь душой и в Питер, и на Север, да пока не получается.

Ал(ексан)др Вен(иаминович) мне звонил, расхваливал (по-моему, незаслуженно) мою книжку о Печоре ³⁵. Говорит, что чувствует себя неважно. Собираюсь навестить его в мае.

Желаю Вам доброго здоровья и светлых весенних настроений!

Ваш
Г. Гунн

26 апр. 73 г.

№ 23

Дорогой Владимир Иванович!

Давно не писал Вам, но вспоминаю часто. Как-то Вы поживаете, как здоровье, как дела Ваши? Очень бы хотелось узнать.

Довелось мне летом побывать на Севере, вот там Вас вспоминал. Был я в Коми, на Удоре — верховья р. Мезени и р. Вашка! Работал по договору с Мин(истерством) культуры с целью выявления и регистрации памятников архитектуры. Памятниками археографии там, по-моему, не пахнет, но любопытного встречалось много, гл(авным) обр(азом), из произведений народного искусства. Есть еще хорошие реки на белом свете.

Надеюсь обо всем увиденном написать, но когда и как... Жду скорого выхода своей книжечки о Каргопольщине³⁶. Может быть, когда разбогатею, и сумею вырваться в Питер, с Вами повидаться.

Желаю Вам, дорогой Владимир Иванович, доброго здоровья и творческих успехов!

Ваш
Г. Гунн

9/Х-73

P. S. Вышел или нет еще «Пустозерский сборник»? Я что-то не видел в продаже.

№ 24

Дорогой Владимир Иванович!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом и желаю доброго здоровья и новых сил!

От Вас последнее время я получаю все грустные письма и тревожусь за Вас. Надеюсь, что сейчас Вам лучше, и Вы продолжаете свое важное дело.

Как-то я встретил в Ленинской б(ibliote)ке знакомого Вам Влад. Ив. Зайцева³⁷, и мы вспоминали Вас. Он должен был быть в декабре у Вас и передать мой привет.

Я продолжаю заниматься милым Вашему сердцу, и моему тоже, Севером. Все никак не отпечатают мою маленькую книжечку о деревянном зодчестве Каргополя — Онеги, обещают в январе нового года. Недавно я заключил новый договор с издательством «Мысль» на книгу о Сев. Двине и Мезени³⁸. Сдать книгу мне предстоит через год, а работы непечатый край, включая летние поездки в описываемые места.

В связи с моей новой темой хочу спросить Вас, Владимир Иванович, что можно найти по ней интересного в Хранилище Пушкинского Дома?

Быть может, после выхода моей книжонки я чуточку разбогатею и смогу приехать в Питер на несколько дней, если Вы меня не прогоните.

С наилучшими новогодними пожеланиями

Ваш Г. Гунн
27/ХІІ-73 г.

№ 25

Дорогой Владимир Иванович!

Выслал Вам свою путевую книжечку по Каргополью³⁹. Вот и книжка вышла, а я все никак не могу собраться к Вам в Питер по всякого рода причинам. Очень хочется Вас повидать, узнать, как Вы живы-здоровы. Давно не имею от Вас известий, уж Вы не поленитесь, черкните.

Сейчас мучаюсь над Двиной и Мезенью. Собираюсь летом податься в северные края. А в Питер, если удастся, то в мае, а нет, так не знаю и когда.

Что-то не слышно о сборнике Заволоко, выйдет ли он? Тогда, пожалуйста, не забудьте меня, а то боюсь прозевать.

Пишет ли Вам Храбровицкий, как он?

Желаю Вам доброго здоровья и творческих сил!

Ваш
Г. Гунн

23/IV-74 г.

№ 26

Дорогой Владимир Иванович!

Решил я больше не откладывать и ехать в Ленинград. Выехать думаю в воскресенье в ночь и приехать в понедельник утром.

Удобен ли только будет мой приезд и не помешаю ли я Вам? Если Вам будет неудобно меня принять и направить в Пушкинский Дом, Вы не стесняйтесь, скажите прямо. Я Вам позвоню в субботу часов в десять.

В надежде на скорую встречу.

Ваш
Г. Гунн

15/V-74

№ 27

Дорогой Владимир Иванович!

Сожалею, что не смог зайти к Вам перед отъездом. Забегался по пригородам и еле добрался до вагонной полки. Не взыщите!

Еще раз благодарю Вас и ваших ребят⁴⁰ за помощь (надеюсь, не в последний раз).

Не забывайте.

Доброго Вам здоровья и всех благ.

Всегда Ваш
Г. Гунн

P. S. У Вас в Питере сушь, а нас дожди залили.
28/V-74

№ 28

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам фото.

К сожалению, отпечатал их плохо, а у самого нет времени этим заняться — собираюсь на Север, выехать предполагаю в первой декаде июля.

Если Вам попадет «Год на Севере» — пришлите, жена будет все лето в Москве и возместит Вам расходы⁴¹. Глубоко благодарен Вам за хлопоты, даже если они не увенчаются успехом.

Звонил мне А. В. Храбровицкий, которому я послал свою книжицу. Он бодрится, хотя здоровьем не может похвалиться. Работает в архивах, раскапывает своего Короленку. Полон боевого духа, называет себя Александром Аввакумичем.

А я живу предчувствиями встречи с Севером.

Прошу передать мои приветы Вашим ребятам⁴². Вы им дайте по штучке фото с извинением от моего имени, что они столь смутно получились⁴³.

Доброго Вам здоровья и всех благ!

Ваш
Г. Гунн

21/VI-74 г.

№ 29

Дорогой Владимир Иванович!

Как прошло у Вас лето?

Как Вы поживаете?

Вспоминал я Вас на Севере. Побывал я на Сев(ерной) Двине и Мезени. На Мезени спрашивал предания о протопопе Аввакуме, но ничего не нашел. Видимо, плохой я фольклорист. Зато побывал на месте действия мезенской повести об Иване Семенове, где герой собирался строить монастырь⁴⁴. Мезенские рукописи Пушкинского Дома мне кое в чем помогли.

Что у Вас нового, научного? Как съездили Ваши ребята?⁴⁵ Привезли ли что новое с Севера?⁴⁶

Когда наконец выйдет Пустозерский сборник? А С. В. Максимов все не попадался?⁴⁷

Сплошные вопросы у меня. А больше всего о Вас: что поделяваете, как здоровье?

Напишите.

С пожеланием доброго здоровья и творческих свершений

Ваш
Г. Гунн

5/IX-74

№ 30

Дорогой Владимир Иванович!

Как-то Вы там поживаете?

Сейчас занимаюсь Мезенью, заглядываю в выписки из материалов Пушкинского Дома и частенько вспоминаю Вас.

Хочу просить Вашего совета, Владимир Иванович, если это Вас не затруднит.

Мне предлагают в издательстве «Искусство» писать книжку о нижней Печоре в «желтой серии»⁴⁸ — по образцу «Каргополя — Онеги»⁴⁹. И вот тут я в недоумении. В книге должны быть описаны Пустозерск, Усть-Цильма с Пижмой и Цильмой, Ижма. Пустозерск — ладно, написать можно, а вот как быть с У(сть)-Цильмой и Ижмой? Материалы Пушкинского Дома — еще не все. Нужны памятники деревянного зодчества — избы, часовни и пр. По своим личным впечатлениям я не могу припомнить ничего не только выдающегося, но и характерного. Но мои впечатления от У(сть)-Цилемского р-на крайне беглые, а на Ижме я вовсе не был! Вы же — единственный человек, мне знакомый, который все эти места подробнейшим образом знает. Так вот, Владимир Иванович, скажите: можно в У(сть)-Цильме, на Ижме подобрать какой-то материал по деревянному зодчеству? Каково Ваше мнение? Мне оно особенно дорого.

Простите, если принес Вам своим вопросом какие-либо хлопоты. Но, право, решиться на такое дело мне непросто по целому ряду соображений, и хотелось бы заранее все взвесить. Человек пишущий и тем кормящийся, подобно саперу, не имеет права ошибаться и ошибается только раз.

С пожеланием доброго здоровья и бодрости духовной

Ваш
Г. Гунн

17 ноября 74

№ 31

Дорогой Владимир Иванович!

Давно не писал я Вам, а вспоминал не раз.

Как Вы поживаете? Как себя чувствуете?

Стоит ли Пушкинский Дом с Древлехранилищем? А раз стоит, то там и В. И. Малышев!

Занят я был последнее время сдачей рукописи о Двине и Мезени. Теперь жду рецензий и дальнейших мук.

С Печорой что-то пока не складывается. Соглашение есть, а средств на поездку сей год, пожалуй, не достанет. Я думал подрядиться в экспедицию по обмеру памятников архитектуры на Ижме и в У(сть)-Цильме, да не вышло, на это дело у Коми тоже не нашлось средств. Никто не хочет вооружить северного землепроходца, даже за казенный счет. Придется, видимо, отложить на год.

Что нового в археографической науке? Все никак не выходит сборник Заволоко (или же вышел, и я пропустил?). И С. В. Максимов не попадает (простите, что напоминаю).

С пожеланием доброго здоровья и бодрости духа

Ваш
Г. Гунн

30 марта 75 г.

№ 32

Дорогой Владимир Иванович!

Как-то Вы поживаете, как здоровье?

Мне совестно, что беспокоил я Вас «Годом на Севере», но вот накопец-то достал. Так что не тревожьтесь более. А вот на «Пустозерский сбор-

ник» я претендую, и, пожалуйста, меня не забудьте. Достать хорошую книгу ныне стало почти невозможно.

Вот и еще один год кончается. Желаю Вам всех благ, доброго здоровья, творческой бодрости. Надеюсь в будущем году побывать в Питере и у Вас.

Всегда помнящий Вас

Г. Гунн

9 дек. 75 г.

№ 33

Дорогой Владимир Иванович!

Примите мои новогодние поздравления и наилучшие пожелания Вам!

Надеюсь, что Новый год будет для всех нас хорошим, а мне, в частности, удастся побывать в Питере и снова прибегнуть к Вашему благосклонному вниманию.

Благодарю Вас за указание цитаты из Аввакума «последняя Русь zde»⁵⁰. Но аналогичное место я нашел в сочинениях дьякона Федора Иванова в «Послании в Москву из Пустозерска» (т. VI «Материалов» Н. Субботина, стр. 65–66)⁵¹. Видимо, позднейшая контаминация? Интересно, как толкует сие филологическая наука? Или наука оставила сей вопрос в небрежении? Но вы-то уж, конечно, знаете! Извините мое любопытство, простительное любителю.

«Пустозерский сборник» я все-таки добыл. Очень занятно: одновременно с Вашей отказной открыткой пришла открытка из магазина. Так что теперь я всем показываю сборник и хвастаю: «Сам Малышев, ответственный редактор сборника, не достал, а я достал». Не иначе мне это дар судьбы за мои северные вояжи. Постараюсь и впредь оправдать.

А вообще великое книжное опустошение настало на Руси, так что диву даешься...

Шлю новогодний поклон Пушкинскому Дому, Древлехранилицу и Вашим молодым сотрудникам.

Не забывайте, Владимир Иванович!

Доброго Вам здоровья и творческих успехов!

Ваш
Г. Гунн

28/ХII-75 г.

№ 34

Дорогой Владимир Иванович!

Как-то Вы поживаете? Что-то Вы не ответили на мое последнее письмо. Все ли в порядке?

Снова вспоминаю Вас в связи с Печорой. На днях подписал я договор на книжечку в «желтой серии» (как «Каргополье») — «По нижней Печоре»⁵². Подписать-то подписал, да до сих пор колеблюсь — найти ли изобразительный материал? Исторический еще так-сяк, а вот художественный... Отчасти надеюсь на Вас. Ответьте, пожалуйста, есть ли иллюминированные рукописи в Печорском собрании? (Я помню одну каллиграфию.) Найду я у Вас в хранилище материал? (Вопрос задаю для подтверждения, думаю, что найду.)

Еще хочу спросить Вас, Владимир Иванович, не собирается ли кто из Ваших коллег этим летом на Печору, в У(сть)-Цильму или Ижму, а если да, то возможно ли к ним примкнуть?

Ехать на Печору этим летом мне, по-видимому, придется, т. к. надо наскрести архитектурный материал и сделать фотографии.

Но до Печоры надеюсь побывать в Питере у Вас. Дело за выходом книжки о Двине — Мезени, которая недавно подписана в печать. По традиции с гонорара всегда езжу в Питер.

Одним словом, — благословите, Владимир Иванович! Не знай я Вас и Ваши дела, поверьте, не подвинулся бы на эту неблагодарную (честно говоря — книжечки маленькие, а мороки много) работу.

Право, черкните, ободрите!

Ваш Г. Гунн

28 марта 76 г.

№ 35

Дорогой Владимир Иванович!

Рад, что Вы не забываете меня и мои скромные труды над «Печорой».

Только, дорогой Владимир Иванович, боюсь, что моя поездка в Пушкинский Дом к «Печорскому собранию» и Ваша благожелательная консультация для самой книги останутся втуне. В издательстве сейчас новые веяния, исходящие сверху. Все историческое в художественно-географической книге считается едва ли не крамольным и тщательно изгоняется. А уж от одного вида церквушек и прочей старины шарахаются аки бесы. Так что ныне мой

очерк о Пустозерске не увидел бы света. Конечно, все всё понимают, но поделать ничего не могут.

Книга же моя намечена к выпуску и сейчас в работе. Не знаю, какой я получу ее из рук редактора и захочу ли ее издавать. Будут корезжить главы об Усть-Цильме и Пустозерске, а это все равно что по живому.

Другая моя работа, где есть главка о Ремизове, едва ли не девять месяцев валяется в наборе⁵³. Пора бы и разродиться. Сейчас готовлю книжечку о художественных памятниках р. Онеги (в «желтой» серии изд(ательства) «Искусство»), пока не думая о ее судьбе. Между прочим, этим летом я снова побывал в онежских местах, много интересного. Побывал на месте пустыни преп. Кирилла Челмогорского⁵⁴ — там так же, как было в XIV веке, и место одно из красивейших на Севере. Написал бы, да кому это надо.

Ну вот, поплакался Вам в жилетку, и легче стало.

Мечтаю побывать в Ленинграде, Вас навестить, в Пушкинском Доме побывать, пусть так, для себя. Как только с моими издательскими делами наступит прояснение, сразу возьму билет на поезд. Вот только когда это будет...

Приезжайте Вы, Владимир Иванович, в Москву. Может быть, найдете время и меня навестите. Очень рад буду.

Доброго Вам здоровья и творческой радости!

Ваш
Г. Гунн

(б. д.; не ранее 28 марта — не позднее 2 мая 1976 г.)

Комментарии

¹ РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 401. Гунькин Г. П. Письма (35) В. И. Малышеву. 1969 — [б. д.; не ранее 28 марта — не позднее 2 мая 1976 г.]. Письма публикуются в соответствии с правилами орфографии и пунктуации. Сокращения слов раскрываются в угловых скобках.

² [Гунн 1969].

³ Словосочетание «„огненный“ протопоп», «огненная судьба», «огненная казнь», отсылающее к казни протопоба Аввакума на костре, встречается в ряде сочинений А. М. Ремизова [Ремизов 2000, с. 112; 2002, с. 335; 2003, с. 295; 2018, с. 486].

⁴ В РО ИРЛИ хранятся 11 писем В. И. Малышева А. М. Ремизову, 1957, апрель — 25 октября (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 73) и 8 писем А. М. Ремизова В. И. Малышеву, 1957, 2 мая — 10 октября (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1536). Публикацию писем Ремизова см.: [Гречишкин, Панченко].

⁵ Поездка Г. Гунна в Ленинград и первая встреча с В. И. Малышевым состоялась в конце февраля 1970 г.

⁶ [Гунн 1972].

⁷ [Гунн 1968].

⁸ «В тот приезд, — писал автор письма в воспоминаниях о Малышеве, — он первым делом усадил меня в большой комнате: „Вы тут посидите, почитайте, я сейчас...“ Вскоре хозяин пригласил

меня к завтраку. Оказывается, тем временем он успел поджарить яичницу с колбасой (в дальнейшем я старался помогать В. И. в его холостяцком быте с готовкой). К столу — этот порядок неизменно соблюдался — В. И. ставил одну рюмку и два толстостенных пузатеньких графинчика, один с водкой на можжевеловых ягодах, другой — на апельсиновых корочках. Рюмка предназначалась для гостя, сам В. И. не притрагивался, но когда-то, в здоровые годы, рюмочкой не брезговал и теперь, коли самому было заказано, любил угощать других» (*Гуныкин Г. П. Три поездки в Ленинград* (Воспоминания о В. И. Малышеве) // РО ИРЛИ. Ф. 494. Пост. 2022 г. № 38. Л. 5–6).

⁹ Малышев прошел финскую кампанию и сражался на самых опасных участках Великой Отечественной войны, во время которой был несколько раз тяжело ранен. Все это не могло не сказаться на его здоровье: у него было больное сердце. «На одно только не распространялось гостеприимство В. И. — на курение. Табачного дыма он не терпел и к курцам относился неодобрительно. Да и никто не стал бы курить в его присутствии, зная его болезнь» (*Гуныкин Г. П. Три поездки в Ленинград* (Воспоминания о В. И. Малышеве). Л. 5–6). Однако Владимир Иванович не всегда был противником курения. Л. М. Лотман вспоминала, что в студенческие годы «В. И. любил „гульнуть“, выпить; он курил. Но за несколько месяцев до экспедиции он бросал пить и курить» [Лотман, с. 207]. *Лотман Лидия Михайловна* (1917–2011) — литературовед, исследователь русской литературы XIX в.; однокурсница Малышева по филологическому факультету Ленинградского университета, а с 1946 г. — его коллега в Пушкинском Доме.

¹⁰ *Маркелов Глеб Валентинович* (р. 1948) — литературовед, археограф, старший научный сотрудник Древлехранилища им. В. И. Малышева.

¹¹ С августа 1941 по февраль 1946 г. офицер Красной армии Малышев участвовал в боях на Ленинградском и других фронтах. В первые месяцы Отечественной войны сражался на Синявинских болотах, был трижды ранен. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

¹² *Кодрянская Наталья Владимировна* (англ. *Natalie Codray*; урожд. фон Гернгросс; 1901–1983) — писательница, мемуарист, биограф А. М. Ремизова.

¹³ [Малышев].

¹⁴ [Гунн 1972, с. 94–101].

¹⁵ [Гунн 1990].

¹⁶ В воспоминаниях о Малышеве Г. Гунн писал: «...другая моя работа „Очарованная Русь“ так и не вышла в издательстве „Искусство“, дойдя до сверки. Эту сверку, по совету В. И., я решил передать в Пушкинский Дом, и отчасти с этой целью я поехал в Ленинград в конце февраля 1972 г. (...) Радужно приняли меня и работники хранения, которым я в сопровождении В. И. принес верстку. „О, мы любим неизданные книги!“ — сказали мне» (*Гуныкин Г. П. Три поездки в Ленинград* (Воспоминания о В. И. Малышеве). Л. 13).

¹⁷ [Гунн 1972].

¹⁸ [Михайлов]. *Михайлов Николай Николаевич* (1905–1982) — русский советский прозаик, автор путевых очерков. Из воспоминаний Гунна о В. И. Малышеве: «Я обращался к В. И. по некоторым интересующим меня вопросам, он всегда отвечал незамедлительно. Иногда и сам он просил о чем-нибудь незатруднительном, например, откликнуться на статью о Пустозерске в „Литературной газете“, т. е. то, что не лично его касалось, а любимого дела» (*Гуныкин Г. П. Три поездки в Ленинград* (Воспоминания о В. И. Малышеве). Л. 16).

¹⁹ [Гунн 1972].

²⁰ Верстка книги Гунна «Очарованная Русь», в состав которой входит глава о Ремизове, хранится в РО ИРЛИ (Р. I. Оп. 5. № 480).

²¹ «ЛГ» — «Литературная газета» — советское и российское еженедельное литературное и общественно-политическое издание.

²² [Гунн 1972].

²³ [Гунн 1972].

²⁴ [Малышев].

²⁵ Неустановленное лицо. Вероятно, один из московских собирателей рукописной старины, с которыми Малышев всегда стремился устанавливать контакты и вводить в сферу своих научных интересов.

²⁶ Речь идет о верстке книги Гунна «Очарованная Русь».

²⁷ [Гунн 1972].

²⁸ [Помадов].

²⁹ Имеется в виду сборник «Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома», вышедший в 1972 г. См.: [Панченко].

³⁰ Ошибка памяти. В сочинениях Аввакума такой фразы нет. Вероятно, часто встречающаяся у Аввакума усилительная частица «петь» и «петь-су» запомнилась Гунну как глагол «петь». См., напр.: «Да што петь делать, коли Христос и Пречистая Богородица изволили так?» [Житие, с. 28].

³¹ В июле 1972 г. и до конца лета на всей европейской территории России разразилась аномальная жара, следствием которой стали обширные лесные и торфяные пожары. В последние дни августа в Москве дневная температура воздуха достигала +38 °С, а ночью + 24 °С.

³² *Меньшутин Андрей Николаевич* (1923–1981) — филолог, научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Института информации по общественным наукам.

³³ [Гунн 1976].

³⁴ Речь идет о факсимильном издании сочинений протопопа Аввакума и инока Епифания по рукописи, подаренной Пушкинскому Дому И. Н. Заволоко в 1968 г. Выход издания, запланированный на 1972 г., затянулся и осуществился только в 1975 г. См.: [Пустозерский сборник]. Сборник вышел из печати малым тиражом. О непростых обстоятельствах издания книги см.: [Юхименко].

³⁵ [Гунн 1972].

³⁶ [Гунн 1974].

³⁷ *Зайцев Владимир Иванович* (?) — филолог, ученик Н. К. Гудзия; 27 писем В. И. Зайцева В. И. Малышеву за 1958–1976 гг. хранятся в РО ИРЛИ (Ф. 494. Оп. 2. № 508).

³⁸ [Гунн 1976].

³⁹ [Гунн 1974].

⁴⁰ Владимир Павлович Бударагин (р. 1945) и Глеб Валентинович Маркелов (р. 1948) — младшие коллеги В. И. Малышева; в настоящее время ст. науч. сотрудники Древлехранилища им. В. И. Малышева.

⁴¹ [Максимов]. Вероятно, речь идет о поисках книги в букинистических магазинах.

⁴² См. коммент. 40.

⁴³ Фотография, о которой идет речь, хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Ф. 494. Оп. 1. № 38. Л. 27).

⁴⁴ О повести см.: [Бударагин 2007]. Гунн кратко воспроизвел сюжетную канву повести в своей книге «Две реки — два рассказа» [Гунн 1976, с. 146–147].

⁴⁵ Имеются в виду Г. В. Маркелов и В. П. Бударагин.

⁴⁶ В июне 1974 г. В. П. Бударагин вместе с сотрудником Пушкинского Дома И. И. Гумницким отправились в Пинежский и Верхнетоемский районы Архангельской области. В июле того же года Г. В. Маркелов и А. Н. Розов совершили археографическое обследование Даугавпилсского, Краславского, Резекненского районов Латвийской ССР, а также Браславского района Витебской области, Зарасайского и Игналинского районов Литовской ССР. В 1974 г. состоялись еще две экспедиции: сотрудника Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома Н. В. Поньрыко в Вологодскую область и ЛГУ под руководством Н. С. Демковой в Архангельскую область. Отчеты всех четырех экспедиций 1974 г. опубликованы. См.: [Поньрыко; Маркелов 1976; Бударагин 1976; Демкова, Пиотровская].

⁴⁷ См. комментарий 41.

⁴⁸ «Желтая серия» — названная так по цвету обложки серия научно-популярных книг «Дороги к прекрасному» (выходили в издательстве «Искусство» в 1967–1995 гг.).

⁴⁹ [Гунн 1974].

⁵⁰ Цитата из Послания Аввакума к некоему Иоанну: «Инаго же отступления уже нигде не будет: везде бо бысть; *последняя Русь zde*». См.: [Субботин 1879, с. 227].

⁵¹ Цитата из послания дьякона Федора из Москвы в Пустозерск («Инаго уже отступления нигде не будет: везде бо бысть; *последняя Русь zde*»). См.: [Субботин 1881, с. 66].

⁵² [Гунн 1979].

⁵³ [Гунн 1990].

⁵⁴ *Кирилл Челмогорский* (1285–1367) — преподобный, основатель Челмогорского монастыря близ Лекшмозера, в 60 км к северо-западу от Каргополя. См.: [Пигин 2014].

Литература

Бударагин 1976 — *Бударагин В. П.* На Северной Двине и в верховьях Пинеги // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 373–375.

Бударагин 2003 — *Бударагин В. П.* Летописец из с. Зачачье на Северной Двине Николай Иванович Заборский (1887–1953) // Северный текст в русской культуре: Материалы Междунар. конф. (Северодвинск, 25–27 июня 2003 г.). Архангельск: Поморский университет, 2003. С. 249–269.

Бударагин 2006 — Н. И. Заборский. Летопись села Зачачье / Подгот. текста и коммент. В. П. Бударагина // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 680–704, 761–763. (Россия в мемуарах).

Бударагин 2007 — *Бударагин В. П.* Повесть об Иване Семенове, строителе Екатерининского монастыря // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2007. Т. 58. С. 697–709.

Гречишкин, Панченко — А. М. Ремизов. Письма к В. И. Малышеву / Публ. С. С. Гречишкина и А. М. Панченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 203–215.

Гречишкин, Маркелов — *Гречишкин С. С., Маркелов Г. В.* I. В. И. Малышев в переписке с русскими советскими писателями. II. В. И. Малышев в переписке с деятелями советской культуры // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 281–298.

Гунн 1968 — *Гунн Г.* Онега впадает в Белое море. М.: Мысль, 1968. 134 с.

Гунн 1969 — *Гунн Г.* Сказание о Пустозерске: Из дневника путешествия по Печоре // На суше и на море. М.: Мысль, 1969. Вып. 9. С. 99–109. (Путешествия. Приключения. Фантастика).

Гунн 1972 — *Гунн Г.* Печора — золотые берега. М.: Мысль, 1972. 141 с.

Гунн 1974 — *Гунн Г.* Каргополье — Онега. М.: Искусство, 1974. 144 с. (Дороги к прекрасному); 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1989. 167 с. (Дороги к прекрасному).

Гунн 1976 — *Гунн Г.* Две реки — два рассказа. М.: Мысль, 1976. 160 с.

Гунн 1979 — *Гунн Г.* По нижней Печоре. М.: Искусство, 1979. 159 с. (Дороги к прекрасному).

Гунн 1984 — *Гунн Г.* Каргопольский озерный край. М.: Искусство, 1984. 183 с. (Дороги к прекрасному).

- Гунн 1990 — *Гунн Г. П.* Очарованная Русь. М.: Искусство, 1990. 288 с.
- Гунн 1996 — *Геннадий Русский.* Лубочные стихи. М.: Собств. изд., 1996. 96 с.
- Гунн 2000 — *Геннадий Русский.* Три повести прошедшего и давно прошедшего времени. М.: Гнозис, 2000. 192 с.
- Гунн 2002 — [*Геннадий Русский*]. Клейма к иконам северорусских святых, собранные Геннадием Русским. [М.]: Изд. храма Казанской иконы Божией Матери, 2002. 382 с.
- Гунн 2004a — *Геннадий Русский.* Роман о герое: Образы человечества. Книга итогов: Размышления у книжных полок о литературе и литературных героях. М.: [Собств. изд.], 2004. 244 с.
- Гунн 2004b — *Геннадий Русский.* Фантастический реализм: рассказы прошедшего времени из двух папок. М.: [б. и.], 2004. 214 с.
- Демкова, Пиотровская — *Демкова Н. С., Пиотровская Е. К.* Поиски рукописей на Северной Двине летом 1974 г. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 376–377.
- Житие — Житие протопопа Аввакума / Подгот. Н. С. Демкова, Л. В. Титова; отв. ред. А. Г. Бобров. СПб.: Наука, 2019. 456 с. (Лит. памятники).
- Лотман — *Лотман Л.* Владимир Иванович Малышев: Служение идее и науке // Лотман Л. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 201–212.
- Максимов — *Максимов С. В.* Год на Севере. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. Т. 1. 638, IV с. Т. 2. 514, IV с.
- Малышев — Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома: Буклет / [Изд. подгот. В. И. Малышев]. Л.: Наука, 1971. 6 с.
- Маркелов 1976 — *Маркелов Г. В.* Поездка за рукописями в Латвию // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 371–372.
- Маркелов 1993 — *Маркелов Г. В.* Письма Н. К. Гудзия В. И. Малышеву // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 194–198.
- Маркелов 1997 — *Маркелов Г. В.* Письма усть-цилемских крестьян к В. И. Малышеву // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1997. С. 86–91.
- Маркелов 2008 — *Маркелов Г. В.* Из переписки коллег-медиевистов: письма В. И. Малышева к А. Н. Робинсону // Славянский альманах 2007. М.: Индрик, 2008. С. 510–517.
- Маркелов 2015 — *Маркелов Г. В.* В. И. Малышев. Переписка (1941–1945 гг.): «В поисках древних рукописей» // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2015. С. 101–121.
- Матханова, Титова, Юдин — *Матханова Н. П., Титова Л. В., Юдин М. Н.* Переписка В. И. Малышева с М. Н. Тихомировым о сохранении памятников письменности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 126–137.
- Михайлов — *Михайлов Н. Н.* Был такой город — Пустозерск... (К 350-летию со времени рождения Аввакума) // Литературная газета. 1971. № 43, 20 окт. С. 7.
- Панченко — Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома / Отв. ред. А. М. Панченко. Л.: Наука, 1972. 423 с.
- Пигин 2014 — *Пигин А. В.* Кирилл Челмогорский // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2014. Т. 34. С. 342–346.

- Пигин 2021 — Пигин А. В. Из эпистолярного наследия поэта И. А. Костина: переписка с В. И. Малышевым и И. Н. Заволоко // *Словесность и история*. 2021. № 3. С. 132–168.
- Пигин 2022 — Пигин А. В. Переписка Т. Ф. Волковой и В. И. Малышева: к истории пермских археографических экспедиций 1970-х годов // *Вестник Сыктывкарского ун-та. Сер. гуманитарных наук*. 2022. № 1–2. С. 18–35.
- Помадов — Помадов Г. «Не зная броду...»: [Рец.] // *Красное знамя (Сыктывкар)*. 1972. № 58 (14118), 10 марта. С. 3.
- Понырко — Понырко Н. В. Экспедиция 1974 года в Тарногский район Вологодской области // *ТОДРЛ. Л.: Наука*, 1976. Т. 31. С. 368–370.
- Пустозерский сборник — Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; [Вступ. ст. И. Н. Заволоко]. Л.: Наука, 1975. 263 с.
- Ремизов 2000 — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. 704 с.
- Ремизов 2002 — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 7: Ахру. Иверень. 640 с.
- Ремизов 2003 — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 10: Петербургский буерак. 586 с.
- Ремизов 2018 — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. СПб.: Росток, 2018. Т. 14: Звезда надзвездная. 735 с.
- Субботин 1879 — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» / Под ред. Н. Субботина. М.: Изд-во редакции «Братского слова», 1879. Т. 5: Историко- и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей, ч. 2: Сочинения бывшего юрьевоцкого протопopa Аввакума Петрова. XXXII, 391 с.
- Субботин 1881 — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» / Под ред. Н. Субботина. М.: Изд-во редакции «Братского слова», 1881. Т. 6: Историко- и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей, ч. 3: Сочинения бывшего Благовещенского собора диакона Федора Иванова. XXVIII, 337 с.
- Храбровицкий — Храбровицкий А. В. *Добрые люди* // Храбровицкий А. В. *Очерк моей жизни. Дневник. Встречи* / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А. П. Шикмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 269–270.
- Юхименко — Юхименко Е. М. Даритель Пустозерского сборника Иван Никифорович Заволоко // *ТОДРЛ. СПб.: Наука*, 2021. Т. 68. С. 117–124.

References

- Bobrov, A. G., Demkova, N. S., Titova L. V., eds. (2019). *Zhitie protopopa Avvakuma*. Saint Petersburg: Nauka, 452 p. (Literaturnye pamyatniki).
- Budaragin, V. P. (1976). Na Severnoi Dvine i v verkhov'yakh Pinegi, in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 31, 373–375.
- Budaragin, V. P. (2003). 'Letopisets iz s. Zachach'e na Severnoi Dvine Nikolai Ivanovich Zaborskii (1887–1953)', in: *Severnii tekst v russkoi kul'ture: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Severodvinsk, 25–27 iyunya 2003 goda. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 249–269.

- Budaragin, V. P. (2007). 'Povest' ob Ivane Semenove, stroitele Ekaterininskogo monastyrya', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 58, 697–709.
- Budaragin, V. P., ed. (2006). 'N. I. Zaboriskii. Letopis' sela Zachach'e', in: *Vospominaniya russkikh krest'yan XVIII — pervoi poloviny XIX veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 680–704, 761–763. (Rossiya v memuarakh).
- Demkova, N. S., Piotrovskaya, E. K. (1976). Poiski rukopisei na Severnoi Dvine letom 1974 goda, in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 31, 376–377.
- Gennadii Russkii [Gun'kin, G. P.] (1996). *Lubochnye stikhi*. Moscow: [sobstvennoe izdanie], 96 p.
- Gennadii Russkii [Gun'kin, G. P.] (2000). *Tri povesti proshedshego i davno proshedshego vremeni*. Moscow: Gnozis, 192 p.
- Gennadii Russkii [Gun'kin, G. P.] (2002). *Kleima k ikonam severorusskikh svyatykh*. [Moscow]: Izdanie khrama Kazanskoi ikony Bozhiei Materi, 382 p.
- Gennadii Russkii [Gun'kin, G. P.] (2004). *Fantasticheskiy realizm: rasskazy proshedshego vremeni iz dvukh papok*. Moscow: [s. n.], 214 p.
- Gennadii Russkii [Gun'kin, G. P.] (2004). *Roman o geroe: obrazy chelovechestva. Kniga itogov. Razmyshleniya u knizhnykh polok o literature i literaturnykh geroyakh*. Moscow: [sobstvennoe izdanie], 244 p.
- Grechishkin, S. S., Panchenko, A. M. (1979). 'A. M. Remizov. Pis'ma k V. I. Malyshevu', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 god*. Leningrad: Nauka, 203–215.
- Grechishkin, S. S., Markelov, G. V. (1990). 'I. V. I. Malyshev v perepiske s russkimi sovetskimi pisatelyami. II. V. I. Malyshev v perepiske s deyatel'nykh sovetskoi kul'tury', in: *Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma: Materialy i issledovaniya*. Leningrad: Nauka, 281–298.
- Gunn, G. (1968). *Omega vpadaet v Beloe more*. Moscow: Mysl', 134 p.
- Gunn, G. (1969). 'Skazanie o Pustozerske: Iz dnevnika puteshestviya po Pechore', in: *Na sushe i na more*. Moscow: Mysl'. Vol. 9, 99–109.
- Gunn, G. (1972). *Pechora — zoloty berega*. Moscow: Mysl', 141 p.
- Gunn, G. (1974, 1989). *Kargopol'e — Omega*. Moscow: Iskusstvo, 144 p. (Dorogi k prekrasnomu); 2nd ed. Moscow: Iskusstvo, 167 p. (Dorogi k prekrasnomu).
- Gunn, G. (1976). *Dve reki — dva rasskaza*. Moscow: Mysl', 160 p.
- Gunn, G. (1979). *Po nizhnei Pechore*. Moscow: Iskusstvo, 159 p. (Dorogi k prekrasnomu).
- Gunn, G. (1984). *Kargopol'skii ozernyi krai*. Moscow: Iskusstvo, 183 p. (Dorogi k prekrasnomu).
- Gunn, G. P. (1990). *Ocharovannaya Rus'*. Moscow: Iskusstvo, 288 p.
- Khrabrovitskii, A. V. (2012). Dobrye lyudi, in: Khrabrovitskii, A. V. *Ocherk moei zhizni. Dnevnik. Vstrechi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 269–270.
- Lotman, L. (2007). Vladimir Ivanovich Malyshev. Sluzhenie idee i nauke, in: Lotman L. *Vospominaniya*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 201–212.
- Maksimov, S. V. (1859). *God na Severe*. Saint Petersburg: D. E. Kozhanchikov. Vol. 1. 638+IV p.; Vol. 2. 514+IV p.
- Malyshev, V. I. (1971). *Khranilishche drevnerusskikh rukopisei Pushkinskogo Doma. Buklet*. Leningrad: Nauka, 6 p.
- Markelov, G. V. (1976). Poezdka za rukopisyami v Latviyu, in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 31, 371–372.

- Markelov, G. V. (1993). 'Pis'ma N. K. Gudziya V. I. Malyshevu', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 46, 194–198.
- Markelov, G. V. (1997). 'Pis'ma ust'-tsilemskikh-krest'yan k V. I. Malyshevu', in: *Issledovaniya po istorii knizhnoi i traditsionnoi narodnoi kul'tury Severa*. Syktyvkar: Izdatel'stvo Syktyvkarского университета, 86–91.
- Markelov, G. V. (2008). 'Iz perepiski kolleg-medievistov: pis'ma V. I. Malysheva k A. N. Robinsonu', in: *Slavyanskii al'manakh 2007*. Moscow: Indrik, 510–517.
- Markelov, G. V. (2015). 'V. I. Malyshev. Perepiska (1941–1945 gody)', in: *"Verili v Pobedu svyato": Materialy o Velikoi Otechestvennoi voine v sobraniyakh Pushkinskogo Doma*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 101–121.
- Malyshev, V. I., Demkova, N. S., Drobenkova, N. F., Sazonova, L. I., eds. (1975). *Pustozerskii sbornik: Avtografy sochinenii Avvakuma i Epifaniya*. Leningrad: Nauka, 264 p.
- Matkhanova, N. P., Titova, L. V., Yudin, M. N. (2019). 'Perepiska V. I. Malysheva s M. N. Tikhomirovym o sokhranении pamyatnikov pis'mennosti', in: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya, filologiya. Vol. 18, 8: Istoriya, 126–137.
- Mikhailov, N. N. (1971). 'Byl takoi gorod — Pustozersk... (K 350-letiyu so vremeni rozhdeniya Avvakuma)', *Literaturnaya gazeta*, 43 (20 oct.), 7.
- Panchenko, A. M., ed. (1972). *Rukopisnoe nasledie Drevnei Rusi: Po materialam Pushkinskogo Doma*. Leningrad: Nauka, 423 p.
- Pigin, A. V. (2014). 'Kirill Chelmogorskii', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya Entsiklopediya". Vol. 34, 342–346.
- Pigin, A. V. (2021). 'Iz epistol'yarnogo naslediya poeta I. A. Kostina: perepiska s V. I. Malyshevym i I. N. Zavoloko', *Slovesnost' i istoriya*, 3, 132–168.
- Pigin, A. V. (2022). 'Perepiska T. F. Volkovoi i V. I. Malysheva: k istorii permskikh arkhograficheskikh ekspeditsii 1970-kh godov', in: *Vestnik Syktyvkarского universiteta*. Seriya gumanitarnykh nauk, 1–2, 18–35.
- Pomadov, G. (1972). "'Ne znaya brodu...'" [Retsenziya], *Krasnoe znamya* (Syktyvkar), 58.
- Ponyrko, N. V. (1976). 'Ekspeditsiya 1974 goda v Tarnogskii raion Vologodskoi oblasti', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 31, 368–370.
- Remizov, A. M. (2000). *Sobranie sochinenii*. Vol. 8. Moscow: Russkaya kniga, 704 p.
- Remizov, A. M. (2002). *Sobranie sochinenii*. Vol. 7. Moscow: Russkaya kniga, 640 p.
- Remizov, A. M. (2003). *Sobranie sochinenii*. Vol. 10. Moscow: Russkaya kniga, 586 p.
- Remizov, A. M. (2018). *Sobranie sochinenii*. Saint Petersburg: Rostok. Vol. 14, 735 p.
- Subbotin, N., ed. (1879). *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye redaktsiei "Bratskogo slova"*. Moscow: Izdatel'stvo redaktsii "Bratskogo slova". Vol. 5: Istoriko- i dogmatiko-polemicheskie sochineniya pervykh raskolouchitelei. Chast' 2: Sochineniya byvshego yur'evetskogo protopopa Avvakuma Petrova, XXXII+391 p.
- Subbotin, N., ed. (1881). *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye redaktsiei "Bratskogo slova"*. Moscow: Izdatel'stvo redaktsii "Bratskogo slova". Vol. 6: Istoriko- i dogmatiko-polemicheskie sochineniya pervykh raskolouchitelei. Chast' 3: Sochinenie byvshego Blagoveshchenskogo sobora diakona Fedora Ivanova, XXVIII+337 p.
- Yukhimenko, E. M. (2021). 'Daritel' Pustozerskogo sbornika Ivan Nikiforovich Zavoloko', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 68, 117–124.

И. А. Лобакова

ОБ ОДНОМ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ЗАМЫСЛЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА)

Резюме

В статье представлен анализ обнаруженных среди писем в архиве Д. С. Лихачева материалов, в которых имеются записи о содержании, составе, форме издания и основной теме новой книги. По замыслу автора, выборка из произведений древнерусской литературы XI–XVIII вв., а также некоторых переводных должна была раскрыть поиски человечности их авторами (редакторами и переписчиками). Название «Пчела», на котором остановился ученый, продолжает традицию византийских сборников, переводы которых получили широкое распространение в славянском мире; в их состав включались подборки изречений античных авторов, цитат из Священного Писания и богословских произведений. Шесть листов оставленных записей не имеют датировки, однако на основе анализа их содержания в статье приведены аргументы в пользу появления замысла, который так и не был осуществлен, в период после 1985 г.

Ключевые слова: Д. С. Лихачев, архив, неосуществленный замысел, «Пчела», древнерусская литература

Irina A. Lobakova

AN UNREALIZED PROJECT OF DMITRII SERGEEVICH LIKHACHEV (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Abstract

The article presents an analysis of some materials that were found among letters in the archive of Dmitrii Sergeevich Likhachev. These materials include notes about the contents, the composition, the form of publication, and the main theme of a new book that Likhachev was planning to write. By means of publishing a selection of extracts from medieval Russian

literary texts of the 11th–18th centuries and of some translated texts, Likhachev apparently intended to reveal the search for humanity that the authors, editors, and copyists of these texts were engaged in. The scholar decided to name the book “The Bee”. This title continues the tradition of Byzantine florilegia, which included selections of sayings of ancient authors, quotations from the Holy Scriptures, and theological works. Translations of such collections were widespread in the Slavic world. The six sheets of paper that contain Likhachev’s notes are undated, but their content suggests that the scholar conceived the idea of this book some time after 1985. The project, however, was not realized.

Keywords: Dmitrii Sergeevich Likhachev, archive, new book idea, “The Bee”, medieval Russian literature

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-167-177

Архив Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме по предварительному подсчету включает более 10 000 документов, огромная ценность которых определена масштабом личности Дмитрия Сергеевича.

Первый обзор материалов принадлежит И. В. Федоровой [Федорова], которая отметила отразившиеся в архиве многообразие интересов ученого и широту направлений его деятельности. Значительную часть этого архива составляют письма, адресованные Д. С. Лихачеву. Среди писем, связанных с обсуждением научных проблем, обнаруживается множество таких, что посвящены защите памятников культуры, ландшафтов, принципов градостроительства, рукописных, архивных и библиотечных собраний, сохранению музеев и их фондов, традиций реставрационной школы, возвращению памятников литературы и искусства.

В 2022 г. была начата работа по созданию предварительного описания писем Дмитрия Сергеевича. В архиве находятся письма множества людей различных взглядов, возрастов, образовательного ценза, личных идеологических и эстетических предпочтений. В этой корреспонденции отражены многие вопросы, вызывавшие серьезные споры в обществе. Переписка раскрывает и дополняет наши представления о различных сторонах жизни ученого. Отмечу, что Д. С. Лихачев сохранил и письма недоброжелательные, считая, что они характеризуют пестроту взглядов людей непростой эпохи, в которую выпало жить. Письма приходили со всех концов страны от коллег, близких Дмитрию Сергеевичу исследователей, музейщиков (в том числе письма Надежды Ивановны Катаевой-Лыткиной, спасшей дом М. И. Цветаевой в Москве), редакторов (среди них — Татьяны Борисовны Князевской, бессменного редактора научной серии «Памятники культуры. Новые открытия»), искусствоведов, историков, архитекторов, школьников, студентов и пенсионеров. Сохранилась в архиве подборка писем Ксении Никола-

евны Пискановской, дочери отца Николая Пискановского. О важной роли этого человека в своей жизни на Соловках ученый рассказал в «Воспоминаниях». Каждый месяц Дмитрий Сергеевич переводил ей деньги в Тутаев (в круг моих обязанностей входило оформлять эти переводы на почте). В письмах К. Н. Пискановская доверительно, по-родственному делилась с Дмитрием Сергеевичем своими тревогами и радостями, порой очень личными, что говорит об особой теплоте ее отношения к Д. С. Лихачеву.

В архивных коробках с письмами удалось обнаружить шесть листов небольшого формата (из знакомых представителям старшего поколения упаковок «Бумаги для записей»), на которых Дмитрий Сергеевич любил делать разнообразные наброски, фиксировал пришедшие мысли и делал выписки из заинтересовавших его работ. Эти листки, пронумерованные автором римскими цифрами, содержат размышления Д. С. Лихачева о теме, материалах и структуре новой книги¹.

На первых двух листках перечислены те произведения, которые рассматривались ученым в качестве материала для работы, а также даны два варианта названия: «Самоцветы» и «Пчела». Эти названия свидетельствуют о том, что Дмитрий Сергеевич задумал собрать изречения, связанные (в большей или меньшей степени) одной темой. И эта тема Дмитрием Сергеевичем была сформулирована: по левому полю обоих листов вертикально расположена запись: «Но в основном искать человечность».

На л. I представлен список широкого круга произведений, в которых была затронута эта проблема: их авторы (редакторы) коснулись внутренней жизни своих героев. Список дополнен рядом замечаний Д. С. Лихачева²:

«Для книги „Пчела“ (?), „Самоцветы“ (название условное) просмотреть:
Ипатьев(скую) лет(опись)
Псков(скую) лет(опись)
Казанскую историю (Суюмбеку, поход)
Сочин(ения) Аввакума всѣ
Письма Алексея Мих(айловича)
Повесть о Горе-Злоч(астии)
— " — о Фроле Скобееве
Сочин(ения) Ивана Грозного всѣ

---

¹ Все изданные работы были scrupulously учтены М. А. Салминой при составлении полной библиографии Д. С. Лихачева. В нее были включены 40 монографий и около 1000 статей [Салмина 1989; 1996; 2009]. Сам Дмитрий Сергеевич перечислил 23 свои наиболее значимые, с его точки зрения, работы [Лихачев 1999, с. 633–634].

² При передаче записей Д. С. Лихачева сохранены все его пометы; в угловых скобках мною раскрыты сокращения.

Житие Михаила Клопского
Путешествие архиеп(ископа) Иоанна на бесе
Моление Даниила (Заточника)
Хождение Даниила
Хождение Афанасия Никитина
Повесть о Твер(ском) Отроче монастыре
Путешествия на Запад XVII века
Симеона Полоцкого

ЗаклЮчить: письма и реестры Петра Великого».

На листке II список произведений был продолжен подборкой текстов древнерусской литературы и рядом изданий:

«Киево-Печер(ский) патерик

Вопрошение Кирика

Поучение о пьянстве

1 том ИРЛ (Истории русской литературы) (мои добавления)

Измарагд

Поучения Феодосия

— " — митроп(олита) Даниила

Федор Карпов, соч(инения)

Записка Иннокентия о Пафн(утии) Боров(ском)

(книги Ключев(ского) о житиях святых³, Кадлубовского⁴, Назаревского о греш(никах)⁵)

Куранты

Письма, изд(анные С. И.) Котковым⁶

Кто⁷

Слословец Геннадия

Поговорки старинные

Нила Сорского

Похвала книгам

(остальное посмотреть по моей болгарской записной книжке — Вера. сентябрь 1976)».

После пункта о письмах, изданных С. И. Котковым, сбоку чуть наискосок расположена запись, которая свидетельствует о том, что Дмитрий

---

³ Имеется в виду: [Ключевский].

⁴ Д. С. Лихачев ссылается на исследование памятников агиографии: [Кадлубовский].

⁵ Эти проблемы затронуты ученым в нескольких работах: [Назаревский 1958; 1963].

⁶ В работах ученого неоднократно встречаются обращения к исследованию: [Котков].

⁷ Вероятно, запись связана с тем, что Д. С. Лихачев позже собирался конкретизировать, чьи письма стоит привлечь к изданию.

Сергеевич выбрал название: «Лучше всего, пожалуй, назвать книгу „Пчела“, а в подзаголовке объяснить».

На л. III читаем размышления не только о составе, но и о языке издания, а также о принципах подачи материала:

«„Пчелу“ дать частично на переводах, а частично на подлинных текстах, но сзади — словарь, и словарь дать не отдельно, после, а параллельно с текстом над „сотами“.

(Можно делить книги на „реки“: „река первая“, „река вторая“ и пр.; вопрос в том, исторически или тематически строить книгу)».

Очевидно, что появление образа реки в этой записи связано у Дмитрия Сергеевича с известной похвалой книжному учению (под 1037 г.) в Повести временных лет, которая в качестве одного из источников указана им на предыдущем листе: «Книги суть реки, напоющие вселенную...» [Повесть временных лет, с. 194].

На л. IV содержатся записи, касающиеся ряда организационных вопросов (где писать книгу), технических (как она должна выглядеть и каков ее формат), а также продолжены размышления о ее содержании:

«Часть книг для „Пчелы“ взять с собой в Кисловодск. Книгу не надо делать большой. Напротив, небольшой формат, приближающийся к квадрату, но толстенькой книги (зато вроде молитвенника), был бы очень хорош: любимая книга, которую можно носить с собой в кармане»⁸. Далее на листке читаются размышления Дмитрия Сергеевича о том, стоит ли оставаться в рамках исключительно оригинальных памятников древнерусской литературы: «Ограничиваться ли только русским материалом, не включить ли туда слова Кирилла из спора с „триязычниками“ — „не идет ли дождь о всех равно“⁹, не дать ли выдержки из Шестоднева¹⁰ и из апокрифов? Подумать!!!»

Замечание еще об одном источнике сборника, наблюдение над стилем Аввакума и решение о способе подачи материала читаем на л. V:

---

⁸ Отмечу, что Дмитрий Сергеевич полагал, что формат pocket-book наиболее хорош для читателя, и настаивал, что классические произведения следовало бы издавать для удобства читателей в таком же формате.

⁹ Имеется в виду Кирилл (Константин), один из создателей славянской азбуки. В Венеции он вступил в спор с богословами, которые считали, что богослужение возможно только на трех языках (древнееврейском, греческом и латыни, на которых на кресте распятого Христа были сделаны надписи «Иисус Христос, Царь Иудейский»). Кирилл Философ, обосновывая право людей разных национальностей осуществлять богослужение на родном языке, сказал: «Не идет ли дождь от Бога равно на вся, ни ли солнце такоже сияет ли на вся, ни ли дышаем на облак равно вси?» [Житие Кирилла, с. 56].

¹⁰ Это произведение Иоанна, экзарха Болгарского было широко распространено в русской рукописной традиции.

«Взять Кушелева-Безбородко¹¹, Покровского¹² — приписки к книгам („Из старинного новгородско-псковского наследия“): в какой момент ему захотелось киселя¹³.

Авакум с любовью к Морозовой: „напяль на себя треух...“¹⁴ и пр(очее). Интимный тон, возможный только к другу.

Каждая выдержка из памятника должна начинаться самой краткой характеристикой его и м(ожет) б(ыть)в некот(орых) случаях изложением содержания».

На л. VI Дмитрием Сергеевичем были оставлены только две записи, несколько расширяющие список привлекаемых к изданию произведений:

«Житие Авраамия Смоленского.

Анбал в Повести об убиении (князя Андрея Боголюбского)

Авраамия Смоленского¹⁵

Служба Покрову „от стрел, летящих во тьме разделения нашего“¹⁶.

Отметить, что некоторые памятники (как „Слово о п(олку) Иг(оре)“) не берутся вовсе, так как нельзя их разделять, вырывать из них что-то».

Из приведенных записей очевидно, что книга была задумана Д. С. Лихачевым как особый сборник по подобию средневековых сборников, извест-

---

¹¹ Имеется в виду четыре выпуска известного издания «Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко» [Кушелев-Безбородко], в котором многие произведения были опубликованы впервые. Вероятно, выпуск 3 этого издания («Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным») мог стать источником интересующих ученого материалов из апокрифических памятников.

¹² Дмитрий Сергеевич не раз обращался к этому изданию: [Покровский].

¹³ В издании А. А. Покровского приводятся многочисленные приписки псковского писца Козьмы Поповича в Паремийнике 1312–1313 гг. (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 61), но речь в двух из них идет о пиве [Покровский, с. 61–64]. Запись о киселе читается в Прологе на сентябрь — февраль, переписанном Козьмой в 1313 г. (ГИМ. Синодальное собр. № 239. Л. 77 об.): «Како ли не объестися: исто поставят кисель с молоком». Данная цитата приведена: [Столярова, Каштанов, с. 153]. Вероятно, приписка запомнилась Дмитрию Сергеевичу после знакомства с Прологом в Москве.

¹⁴ Возможно, Д. С. Лихачев вспомнил о словах протопопа Авакума в его письме 1669 г. боярыне Ф. П. Морозовой: «Да не носи треухов-тѣхъ, здѣлай шапку, чтоб и рожу-то всю закрыла, а то беда на меня твои треухи-те» [Авакум, с. 212].

¹⁵ Вероятно, еще одно появление имени смоленского святого, строгого аскета, высокообразованного проповедника и яркого ратора, можно объяснить желанием Д. С. Лихачева обратиться к различным фрагментам Жития (два эпизода прощения святым своих гонителей и отношение к обиженным). С другой стороны, повтор мог появиться и в результате описки.

¹⁶ Здесь Дмитрием Сергеевичем приведена цитата из «Слова похвального на святой Покров Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии». Оно было помещено в Великие Минеи Чети и содержало мольбу защитить «Божественным покровом от стрѣль, летящихъ во тмѣ раздѣления нашего» [ВМЧ, стб. 11]. Эта фраза позволяет соотнести создание Слова с долгим периодом мейдоусобиц, гибельность которых подчеркнута автором.

ных под названием «Пчела», — компиляций из различных источников от античных авторов до отцов церкви, но организованный при этом в традициях научно-популярного издания (со словариком, краткими характеристиками, а в некоторых случаях — с изложением содержания памятника). Но, в отличие от «Пчелы», фрагменты текстов из памятников древнерусской (и не только) литературы должны относиться к одной — гуманистической — теме.

Листки не датированы, хотя нижнюю границу их появления можно назвать с уверенностью: они созданы после сентября 1976 г. (об этом свидетельствует последняя запись на л. II: «Вера. сентябрь 1976»). Когда мог возникнуть замысел подобного сборника? Можно ли обнаружить «подступы» к нему в работах Дмитрия Сергеевича? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Как мне представляется, мы располагаем материалом, который позволяет уточнить время появления этих набросков. В книге ученого «Прошлое — будущему: Статьи и очерки» был опубликован текст доклада, прочитанного ученым на выездных Чтениях Отдела древнерусской литературы в Вологде 16 мая 1978 г. «Древнерусская литература и современность», где Д. С. Лихачев еще раз подчеркнул: «Культурные ценности в принципе своем не знают старения... Лучшие деятели культуры прошлого — наши современники и наши соратники» [Лихачев 1985, с. 516]. В этом выступлении Дмитрий Сергеевич, рассуждая о важности для развития культуры диалога прошлого и будущего, заметил: «В литературе необходимо прежде всего находить человека с его добрыми, „человеческими“ качествами. Каждая черта, в которой можно обнаружить отражение человеческих стремлений, удач и неудач, страданий, горестей, забот, особенно донесенная до нас из глубины веков, всегда необыкновенно волнует и трогает... Не прямые проповеднические наставления, поучения и обличения, на которые так щедры были древнерусские авторы, а бесхитростные примеры, конкретные деяния, невольные выражения чувств, когда автор как бы „проговаривается“, — именно они производят наиболее сильное впечатление» [Лихачев 1985, с. 164–165]. И в качестве примеров таких наблюдений средневековых книжников назвал следующие: приписки на полях псковских рукописей; Письмо Владимира Мономаха Олегу Черниговскому; слова князя Владимира Васильковича Волынского перед смертью его жене Ольге (из Ипатьевской летописи под 1287 г.); приписка новгородского летописца о неурожае; авторская позиция уважительного отношения к врагам при описании осады в «Казанской истории» и созданный автором этого памятника трогательный образ царицы Сумбеки (сильно отличающийся от реальной Сююн-бике,

о которой известно по дипломатической переписке того времени); добрый юмор Аввакума по отношению к его гонителям; осознание ценности человеческой личности (даже человека, опустившегося до крайности, пропившего с себя все, проигравшегося, утратившего родных и друзей, помышляющего о смертоубийстве и самоубийстве) в «Повести о Горе-Злочиастии», автор которой, по мнению Дмитрия Сергеевича, в своем отношении к герою был предшественником Гоголя и Достоевского [Лихачев 1985, с. 165–166]. Завершая рассуждения об особой человечности этих литературных памятников, Д. С. Лихачев пришел к выводу: «Можно было бы много говорить о разнообразных неувядаемых достоинствах многих и многих произведений древнерусской литературы, но самое главное — это ее сильнейшее нравственное начало» [Лихачев 1985, с. 166–167].

Таким образом, размышления академика Лихачева о проявлениях человечности в небольшом круге памятников древнерусской литературы в тексте доклада, прочитанного в Вологде и изданного в 1985 г., свидетельствуют о возникновении еще одного угла зрения в изучении им средневековых произведений. Однако на обнаруженных архивных листках читается значительно более обширный список привлекаемых памятников. Это дает основания говорить об отражении другого этапа размышлений о проявлениях в древнерусских произведениях человечности, свидетельствующего о появлении принципиально иного (и, безусловно, более позднего по времени) замысла. После 1985 г.¹⁷ Дмитрий Сергеевич решил создать сборник, в котором из фрагментов памятников разного времени, различных жанров, оригинальных и переводных, могла сложиться достаточно целостная картина проявленного древнерусскими книжниками внимания к человеческим переживаниям, к индивидуальности в поведении своих этикетных героев. И в этой индивидуальности раскрывалась человечность средневековых героев, качество бесконечно важное, с точки зрения ученого, для каждого человека, для всего общества, для развития культуры и ее сохранения. Появление внимания к внеэтикетному, личностному началу человека у средневековых авторов развивается и дополняется с течением времени новыми чертами. Интерес к неповторимости человеческой судьбы, к близкому для читателя герою в XVII в. проявляется в разной мере во многих средневековых жанрах и был подхвачен авторами Нового времени. Исследованию многогранных и неразрывных связей культуры прошлого и настоящего посвящен ряд

---

¹⁷ В качестве подтверждения данной датировки служит еще одна публикация Д. С. Лихачева близкой тематики [Лихачев 1986].

работ ученого¹⁸. Над раскрытием для современников ценности культурного наследия Древней Руси Дмитрий Сергеевич работал всю жизнь. Задуманная книга была призвана помочь широкому кругу читателей осознать близость переживаний и схожесть размышлений о жизни и ее ценностях своих далеких предшественников. Д. С. Лихачеву принадлежит точное наблюдение: «Ощущать себя наследником прошлого значит осознавать свою ответственность перед будущим» [Лихачев 1989, с. 399].

Очевидно, что осуществление этого замысла было бы чрезвычайно интересным и важным как во второй половине 1980-х гг., так и сейчас. К сожалению, задуманная книга так и не была написана, а попытка осуществить такое издание кого-либо иного обречена на неудачу: взгляд Д. С. Лихачева на обнаруженную им особенность в воплощении темы человечности у средневековых книжников так же уникален, как и его наблюдения и выводы о текстологии, поэтике и развитии древнерусской литературы.

Литература

- Аввакум — *Аввакум*. Письма и послания боярыне Ф. П. Морозовой / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // БЛДР. СПб.: Наука, 2013. Т. 17. С. 212–214, 575–577.
- ВМЧ — Великие Минеи Чети. Октябрь. 1–3. СПб.: Изд. Археогр. комис., 1870. [2], VIII с., стб. 1–792.
- Житие Кирилла — Житие Кирилла / Подгот. текста и пер. Л. В. Мошковой и А. А. Турилова, коммент. Б. Н. Флори // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 2. С. 22–65, 500–502.
- Кадлубовский — *Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1902. 389 с.
- Ключевский — *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1871. 509 с.
- Котков — *Котков С. И.* Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М.: Наука, 1968. 338 с.
- Кушелев-Безбородко — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. [А.] Кушелевым-Безбородко. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1860. Вып. 1–2: Сказания, легенды, повести, сказки и притчи / Под ред. Н. Костомарова. 484 с.; 1862. Вып. 3: Ложные и отреченные книги русской старины / Собр. А. Н. Пыпиным. 180 с.; Вып. 4: Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Н. Костомаровым. 221 с.
- Лихачев 1985 — *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. 575 с.
- Лихачев 1986 — *Лихачев Д. С.* Нравственность — основа культуры: Беседа // Современная драматургия. 1986. № 3. С. 211–222.
- Лихачев 1989 — *Лихачев Д. С.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989. 608 с.

---

¹⁸ Вспомним, например: [Лихачев, Лихачева; Лихачев 1992].

- Лихачев 1992 — *Лихачев Д. С.* Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992. 407 с.
- Лихачев 1999 — *Лихачев Д. С.* Раздумья о России. СПб.: Логос, 1999. 667 с.
- Лихачев, Лихачева — *Лихачев Д. С., Лихачева В. Д.* Художественное наследие Древней Руси и современность. Л.: Наука, 1971. 121 с.
- Назаревский 1958 — *Назаревский А. А.* Очерки из области русской исторической повести начала XVII в. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1958. 184 с.
- Назаревский 1963 — *Назаревский А. А.* Из истории русско-украинских литературных связей: Старинные книжные легенды и их связи с русским и украинским фольклором. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1963. 112 с.
- Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 62–315; 488–525.
- Покровский — *Покровский А. А.* Псковско-новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М.: Синод. тип., 1916. 282 с.
- Салмина 1989 — [Библиография] / Сост. М. А. Салмина, Г. Н. Финашина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1989. С. 104–222. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17).
- Салмина 1997 — *Салмина М. А.* Хронологический список трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1988–1996 гг. // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 40–70.
- Салмина 2009 — *Салмина М. А.* Дмитрий Сергеевич Лихачев. Библиография, 1988–2007. СПб.: Фонд им. Д. С. Лихачева, 2009. 181 с.
- Столярова, Каштанов — *Столярова Л. В., Каштанов С. М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 429 с.
- Федорова — *Федорова И. В.* Архив академика Д. С. Лихачева в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Академик Д. С. Лихачев: Диалог с XX веком: Каталог выставки. СПб.: ГМИ СПб., 2006. С. 55–59.

References

- Demkova, N. S., ed. (2013). Avvakum. Poslaniya i pis'ma F. P. Morozovoi, in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 17, 212–214, 575–577.
- Fedorova, I. V. (2006). 'Arkhiv akademika D. S. Likhacheva v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma', in: *Akademik D. S. Likhachev: Dialog s XX vekom. Katalog vystavki*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi muzei istorii Sankt-Peterburga, 55–59.
- Kadlubovskii, A. P. (1902). *Ocherki po istorii drevnerusskoi literatury zhitiia svyatykh*. Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 389 p.
- Klyuchevskii, V. O. (1871). *Drevnerusskie zhitiia svyatykh kak istoricheskii istochnik*. Moscow: Izdanie K. Soldatenkova, 509 p.
- Kotkov, S. I. (1968). *Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII veka*. Moscow: Nauka, 338 p.
- Kushelev-Bezborodko, G. [A.], ed. (1860, 1862). *Pamyatniki starinnoi russkoi literatury*. Saint Petersburg: Tipografiya P. A. Kulisha. Vol. 1–2: Skazaniya, legendy, povesti, skazki i pritchi. Ed. N. Kostomarov. 484 p.; Vol. 3: Lozhnye i otrechennye knigi russkoi stariny, sobrannye A. N. Pypinym. 180 p.; Vol. 4: Povesti religioznogo

- soderzhanii, drevnie poucheniya i poslaniya, izvlechennye iz rukopisei N. Kostomarovym. 221 p.
- Likhachev, D. S. (1985). *Proshloe — budushchemu. Stat'i i ocherki*. Leningrad: Nauka, 575 p.
- Likhachev, D. S. (1986). 'Nравственность' — основа культуры: Beseda', *Sovremennaya dramaturgiya*, 3, 211–222.
- Likhachev, D. S. (1989). *Zametki i nablyudeniya: Iz zapisnykh knizhek raznykh let*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 608 p.
- Likhachev, D. S. (1992). *Russkoe iskusstvo ot drevnosti do avangarda*. Moscow: Iskusstvo, 407 p.
- Likhachev, D. S. (1999). *Razdum'ya o Rossii*. Saint Petersburg: Logos, 667 p.
- Likhachev, D. S., Likhacheva, V. D. (1971). *Khudozhestvennoe nasledie Drevnei Rusi i sovremennost'*. Leningrad: Nauka, 121 p.
- Moshkova, L. V., Turilov, A. A., Florya, B. N., eds. (1999). 'Zhitie Kirilla', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 2, 22–65; 500–502.
- Nazarevskii, A. A. (1958). *Ocherki iz oblasti russkoi istoricheskoi povesti nachala XVII veka*. Kiev: Izdatel'stvo Kievskogo universiteta, 184 p.
- Nazarevskii, A. A. (1963). *Iz istorii rusko-ukrainskikh literaturnykh svyazei. Starinnye knizhnye legendy i ikh svyazi s russkim i ukrainskim fol'klorom*. Kiev: Izdatel'stvo Kievskogo universiteta, 112 p.
- Pokrovskii, A. A. (1916). *Pskovsko-novgorodskoe pis'mennoe nasledie. Obozrenie pergamennykh rukopisei Tipografskoi i Patriarshei bibliotek v svyazi s voprosom o vremeni obrazovaniya etikh knigokhranilishch*. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 282 p.
- Salmina, M. A. (1996). 'Khronologicheskii spisok trudov akademika Dmitriya Sergeevicha Likhacheva za 1988–1996 gody'; in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 50, 40–82.
- Salmina, M. A. (2009). *Dmitrii Sergeevich Likhachev. Bibliografiya, 1988–2007*. Saint Petersburg: Fond imeni D. S. Likhacheva, 181 p.
- Salmina, M. A., Finashina, G. N. (1989). '[Bibliografiya]', in: *Dmitrii Sergeevich Likhachev*. 3rd ed. Moscow: Nauka, 104–222. (Materialy k biobibliografii uchenykh SSSR. Seriya literatury i yazyka. Vol. 17).
- Stolyarova, L. V., Kashtanov, S. M. (2010). *Kniga v Drevnei Rusi (XI–XVI veka)*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 429 p.
- Tvorogov, O. V., ed. (1997). 'Povest' vremennykh let', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 1, 62–315; 488–525.
- Velikie Minei Chetii. Oktiabr'. 1–3* (1870). Saint Petersburg: Izdanie Arkheograficheskoi komissii, [2]+VIII p.+col. 1–792.

Список сокращений

БАН	— Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ныне РГБ)
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР (ныне Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук) (Петрозаводск)
ИРИ РАН	— Институт российской истории Российской академии наук (Москва)
ИРЛИ РАН	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
МГУ	— Московский государственный университет
НА КарНЦ РАН	— Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск)
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РО	— Рукописный отдел
СО РАН	— Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы

Наши авторы

- Бударагин Владимир Павлович** — зав. Древлехранилищем им. В. И. Малышева ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). budaraginv@yandex.ru
- Буланин Дмитрий Михайлович** — д-р филол. наук, главный научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). dmitriibulanin@yandex.ru
- Галашева Татьяна Николаевна** — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), ta.ni.ma@yandex.ru
- Исидорова Зоя Николаевна** — независимый исследователь (Санкт-Петербург). zoe.isid@gmail.com
- Исмаилова Зулейха Адил-кызы** — аспирантка Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского. pokrovskaya-lada@bk.ru
- Конусова Елена Дмитриевна** — канд. филол. наук, научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). yelka22@gmail.com
- Кужлев Максим Валентинович** — младший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). maxim.kuzhlev@gmail.com
- Лобакова Ирина Анатольевна** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). irinairli@mail.ru
- Пигин Александр Валерьевич** — д-р филол. наук, и. о. зав. Сектора фольклористики с фонограммархивом Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск). av-pigin@yandex.ru

Authors

Vladimir P. Budaragin

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Dmitrii M. Bulanin

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Tatiana N. Galasheva

National Library of Russia
St. Petersburg, Russia

Zoia N. Isidorova

independent scholar
St. Petersburg, Russia

Zuleyha Adil-kyzy Ismailova

Ivan Petrovsky Bryansk State University
Bryansk, Russia

Elena D. Konusova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Maxim V. Kuzhlev

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Irina A. Lobakova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Alexander V. Pigin

Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Petrozavodsk, Russia

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77800 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Издательство «Пушкинский Дом»
199106 Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

Редактор А. С. Лобанова
Редактор английского текста З. Н. Исидорова
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

16+

Цена свободная

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс ВНО18606 по каталогу агентства «Урал-пресс»

Подписано в печать 30.06.2023. Вышло из печати 10.07.2023
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 14,66. Тип. зак. № 000

Отпечатано в типографии ООО «Контраст»
Санкт-Петербург, Железнодорожный пр., д. 20.